

УЛУГ-ХЕМ

ЛИТЕРАТУРНО -
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

к.д.

1966 8

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ТУВИНСКОЙ АССР

УЛУГ-ХЕМ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

8

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЫЗЫЛ — 1966

ПОВЕСТИ, * * * * * РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ

Салчак ТОКА

КАЛДАК-ХАМАР

(Главы из книги «Новая Тува»)

I.

Еще далеко до полудня мы подъехали к подножию перевала Калдак-Хамар, остановились и стали ломать голову над тем, как преодолеть крутой подъем на стареньком, тарахтящем автомобиле. Каждый, кто ехал в этой машине и сейчас спешился, наверняка знал, что сделать это трудно, почти невозможно.

Впрочем, шофер Георгий Белов меньше всего раздумывал. После минутного пристального разглядывания дороги, круто уходящей вверх, он снова завел мотор и попробовал продвинуться вперед. Ему удалось преодолеть какой-то десяток метров, но тут же автомобиль скатился на прежнее место. Белов сделал еще попытку, она окончилась так же безуспешно.

Мы изо всех сил толкали машину руками, клали под задние колеса плоские, продолговатые камни, чтобы удержать ее на подъеме. Мы были готовы вынести ее на себе лишь бы двигаться дальше.

После невероятных усилий нам удалось взобраться на средний хребет перевала. Весь мокрый от напряжения, наш бедный Георгий заглушил перегревшийся мотор, вышел из машины и оглянулся назад. Мы все тоже за ним повернулись. Шофер молча сделал несколько шагов вверх и всмотрелся

в более мощный перевал. Конечно, нечего и думать, чтобы взять его таким же путем.

Все это время за нами с интересом наблюдали араты из кочующего аала, перегонявшие скот и остановившиеся внизу, в долине. И тут кому-то из нас пришла мысль попросить у этих людей быков и лошадей, чтобы с их помощью вытянуть машину на главный перевал.

Араты охотно согласились помочь нам. Они взяли десять быков, пять лошадей, притящили несколько арканов и «вырягли» животных в машину. С возгласами и смехом всей толпой стали погонять быков и лошадей. А машина ни с места.

Георгий подумал, что вся эта затея ни к чему не приведет и решил поозорничать. Он хихикнул и нажал несколько раз на сигнал. Испугавшись непривычного звука, быки рванули вперед. Одни оборвали арканы, а другие, напрягаясь, потащили машину в гору. Шофер просветлел и подбадривал животных:

— Ну, давай, давай! Веселей, родимые!

Все, кто тут был, тоже стали ободряюще подгонять быков и коней, едва поспевая за ними. Вот уж машина на самом последнем перевале, животные пошли легче, увлекая машину вниз. Георгий растерялся, не сразу спохватился, что надо тормозить. Гремя и накатываясь на быков, автомобиль вилял из стороны в сторону.

Пестрая и смешная процессия в конце концов остановилась. Мы были до крайности возбуждены: перевал Калдак-Хамар взят!

Между тем Георгий с озабоченным видом полез под машину. Он что-то подкручивал, постукивал, а выручившие нас люди собрались тесным кружком, с улыбкой разглядывая наш диковинный транспорт. В группе тувинцев оказался секретарь партийки из сумона Шуурмак Сартыыл Сундувей. Отвязывая от машины свой аркан, он с иронией говорил:

— Вот видите, старинный транспорт иногда не уступает транспорту нового времени. И даже выручает...

Он присел на землю, закурил, поглядывая на автомобиль с хитровой улыбкой. На широком желтоватом лице его выделялся длинный нос. Блестела почти сплошь лысая и загорелая голова, только возле ушей темнели полоски волос. От тяжелого труда на феодалов у арата согнулась спина; он видел все, что выпало на долю бедняка. Но он не лишился иронического склада характера, веселого взгляда и спокойствия закаленного человека.

Я перевел слова Сундувея шоферу. Белов, кончив возиться в машине, выпрямился, ответил:

— А я думаю, дело вовсе не в машине. Техника тоже имеет свои границы. Ей нужны удобные, хорошие дороги. А

вот дорогу через Калдак люди не сделали. Ездят и никто не скажет, сколько навьюченного добра улетело в пропасть с этих кручей, сколько жизней... Я в обиде не на машину, а на бездорожье!

Сундувей хотя и не понимал русской речи, но уловил в ответе шофера раздражительные нотки.

— Слова мои надо признать шуткой,— обратился арат ко всем нам. Правда то, что сказал товарищ хамааты¹. Наша молодежь пока только в песнях расчищает дорогу через Калдак...

Он умолк и задумчиво набивал свою трубку. Все, что он делал, приобретало какую-то непередаваемую значительность. Судьба этого человека интересна. Только под пятьдесят лет он начал постигать грамоту, научился кое-как писать и читать. Председательствуя в арбанах и сумонах, он активно участвовал во всех собраниях в Кызыле. Истинный революционер, он всегда вовремя распознавал хитрости феодалов. Несмотря на возраст, он был необычайно проворен, от быстрой ходьбы подол его халата всегда широко развевался.

— О какой песне, акый, вы сказали сейчас?— поинтересовался я.

— Песня про этот самый перевал. Все-то я не запомнил, дарга... В ней поется о том, как бы дорогу широкую проложить через Калдак-Хамар машинам быстрым, как ястреб. Так поет молодежь...

Он помолчал, поглядывая на скалы и кручи, добавил:

— Наши партийцы вынесли постановление, чтоб расчистить эту дорогу. Нужна она людям... Как вы думаете, дарга, можно осилить?

— Раз партийцы постановили, то этому непременно быть. Думаю, что дадут для такой стройки ученых людей и технику,— поддержал я мысль старика.

— Как бы хорошо!— все больше воодушевлялся Сундувей.— Народ мы подняли бы! Мясо мы любим пожирнее, а работу поживее. Народ всегда верит в победу.

Сундувей сунул за голенище трубку и засобирался. И все при этом спохватились, что пора продолжать путь. Тут мы и расстались с кочующими, поблагодарив их за выручку на трудном подъеме.

Дальше продвигались легче. Поднявшись на Чаа-Оваа, остановились, чтобы выбить пыль из одежды, привести себя в порядок — недалеко Самагалтай, пункт нашего назначения.

Пока едешь вниз по реке Самагалтай, любишься рощицей из смешанных деревьев слева от дороги, справа — Узун-Бел и Чалымныг-Тей, прижатые хребтами Танды, а подальше

¹ Хамааты — русский.

виднеется полоса зелени, обрамляющая порожистую реку Ужарлыг-Хем. И, наконец, взор вырывается на равнину, гладкую, как поверхность стола, до самого горизонта — поля, поля по обе стороны Тес-Хема. И чудятся в памяти дзейрсы Агар-Хову, голых далей Теректиг-Хема. Будто эти быстроногие животные несутся стадами...

Минут через двадцать мы въехали в село, разбудив своей «тарактелкой» его тишину. Село-то известно какое: пяток новых домов, больница, школа, поодаль два здания хуре, а еще — несколько юрт.

Найти хошунный комитет партии нам помог какой-то длинный, как жердь, парень.

— Вон в той юрте с пестрой дверью,—заикаясь, сказал он.— Там же и партийный секретарь Кижиир-оол.

— Кто же вы сами, почтенный?— спросил я его по обычаю тех мест.

— Я-то тут начальник небольшой, всего-навсего курьер хошунного комитета. Зовут, меня, дарга, хи-хи-хи, Суук-Багай. Смеясь он пристально разглядывал нас, потом спросил:

— Скажите, кто у вас будет вожак, я побегу скажу Кижиир-оолу.

Тогда я познакомил его:

— Мы из Кызыла. Вот Норжунмаа, вот Кенец, а меня зовут...

Курьер оживился, опять засмеялся:

— Слыхали, что приезжает комиссия из Кызыла. Начальники наши переполошились, кричали: «Беда, беда!» А нас, курьеров, гоняли туда-сюда...

— Что же делали вы, курьеры?

— Каких только работ не нашлось, дарга! Помещение, где должна остановиться комиссия, готовили, продовольствие, дрова...

В юрту с пестрой дверью я вошел тихо, никто из тех, кто находился в ней, не заметил моего появления. А мне сразу бросились в глаза все: Кижиир-оол, Дарзыг, Донмит. Расстелив прямо на полу большие листы бумаги, все трое что-то писали. Они целиком были поглощены работой, и я подумал: «Вот где сидят герои Тере-Холя!»

— Ну, здравствуйте!—приветствовал я громко.

— Ок, ок! Ок, скажите, пожалуйста,—вскочил Кижиир-оол и засуетился.— Здравствуйтесь, здравствуйтесь, дарга!

Двое других тоже поднялись.

— Как поживаете, дарга?

Донмит, как подстреленная птица, забегал на одной ноге, нашел и пристроил свой протез, ответил по-монгольски:

— Сайин, сайин! (Хорошо, хорошо!)

— Видно, сочиняете планы хошуна на будущее? Что наметили, дарга?

— Услышали, что прибывает комиссия,—ответил Кижиир-оол,— вот и готовим все необходимое, пужные бумаги. Все дела вот в этих бумагах,— он протянул листы, где нетвердой рукой выведены тувинские буквы.

Я начал вчитываться, а Кижиир-оол пояснил:

— В этом списке семьи, у которых намечено изъятие имущества.

В бумагах значились известные феодалы тех мест. Вот нойон Далаа-Сурун. Вот феодалы помельче — Оруйгу, Ензак и другие. Против каждого имени — члены семьи, количество скота, юрт, пастбища, имущество.

Собрав служащих хошкома, мы договорились о всех деталях работы по изъятию имущества феодалов. В дело чрезвычайного значения важно было вовлечь батраков и бедняков, при всем этом соблюдать и повышать бдительность.

По договоренности мне выпало ехать в сумоны Бай-Хол, Бай-Даг. Я попросил, чтобы вместе со мной поехали Кижиир-оол, Суук-Багай и Донмит. Дарзыг и Барылга отправились в Орукку-Шынаа и Устуу-Шынаа, а Сундувей, Судан и Норжунмаа — в Шуурмак.

В дороге я обдумывал предстоящую операцию. Население сумонов Бай-Хол и Бай-Даг по преимуществу составляли подданные бывших Соянского и Овюро-Оюнского хошунов. В этих сумонах нам нужно было отобрать скот и имущество у Далаа-Суруна, Оруйгу и целого десятка им подобных феодалов. Правда, с Далаа-Суруном и Буян-Бадыргы мы уже не могли встретиться. За организацию контрреволюционного выступления, как вожаки его, они были высланы. Однако остались их сыновья, приспособившиеся к новой обстановке, остались их сторонники. Они, безусловно, враги. Они продолжали эксплуатировать и одурманивать аратов. Работа предстояла сложная и ответственная.

А вот и центр Бай-Хольского сумона: две-три избушки, низенькое деревянное строение — дуган.

Не теряя времени, мы собрали членов партии, потом самых беднейших аратов.

— Приехали мы по такому делу,—объяснили им.— Надо отобрать у феодалов несметные богатства: скот и всякое имущество. Как вы посмотрите на это?

— Хаа, вот это здорово!—удивленно и радостно воскликнула Иргит Дынгыжаа, аратка из Бай-Дага, знакомая нам и раньше.— Да это очень справедливо!

Собравшиеся возбужденно задвигались, глухо, вполголоса заговорили меж собой.

— Революционная партия и правительство Тувы поступа-

ют очень правильно,— встал пожилой мужчина. Я узнал в нем плотогона Калчана Сундуя.— Хотя феодалы изгнаны из партии, сняты с должностей, но они не ликвидированы. Они просто притихли, а на деле продолжают угнетать, задавленных нуждой, аратов, самодурствуют, как и раньше. Думаю, что все бедные араты как следует помогут комиссии, прибывшей из столицы!

Сказав это, он сел, но волнение в нем еще не утихло.

— Как, товарищи, справедливо сказал товарищ Сундуй?— спросил я.

— Одобряем! Мы тоже такого же мнения!— раздался голоса.

— Поскольку такое единодушие, думается, что вы окажете нам и практическое содействие. Что вы скажете, если мы эту ответственную работу начнем при вашем участии?

— Конечно, так! Правильно!

Еще более дружные голоса слились в единый гул, потрясший весь дуган. И стало понятно, что с этим народом можно сделать все. Стало радостно и легко. Хотелось быстрее действовать, не страшась злобы и ненависти угнетателей аратских масс.

2.

Близ сумонного центра стояла большая, пышно украшенная юрта. Стояла на виду, в то же время отчужденно и таинственно. В нее не зайдет любой проезжий арат. Куда там: близко-то никого не видно. Это юрта Оруйгу.

Оставив у привязи своих коней мы вошли в юрту, огляделись, оставаясь у двери. На почетном месте против нас сидел серолицый пожилой мужчина с голой головой, в желтом чесучовом халате. Сидел, как сидят буддийские ламы. А возле кровати сидела женщина в синем халате. Волосы на ее голове так слежались и спутаны, что лица почти не видно. Низко нагнувшись, она курила трубку. Не сразу заметили еще троих детей.

Мы поздоровались с хозяевами юрты и услышали в ответ сухой голос мужчины, сидевшего на почетном месте. При этом он придвинулся, не поднимаясь, поближе к изголовью кровати.

— Ну-ка, жена, надо быстрее приготовить для начальников чай. Вот, черт возьми, куда же делся наш Чаргашпай?— сказал и привычно резко махнул жене рукой, а нам соорил подобострастную мину.

Жена тут же выбежала. Хозяин юрты достал красно-бурый сосуд для жидкого табака, понюхал, улыбаясь протянул мне и спросил:

— Куда же путь держат начальники?

Поклонился как-то деланно, неуклюже и резко.

Чтобы спрашивающему было ясно, я собрался было достать из кармана удостоверение, но в это мгновение вышедшая царужу его жена закричала:

— Чаргаш-на-а-ай! Ой, Чаргашнай! О, как страшно, что же случилось?..

Оруйгу вскочил и метнулся к двери.

— Погодите, посидите здесь, — остановил я его. Сначала познакомимся да и ответим на вопрос, куда мы путь держим.

Вручив Оруйгу свое удостоверение, я подумал: «Наверное другие члены комиссии остановили женщину». Это предчувствие подтвердилось.

Руки Оруйгу дрожали. Он шевелил толстыми губами, будто читал священную книгу, а глаза его сами собой моргали. Машинально вытащив из мешочка табачный сосуд, он ложечкой почерпнул табак, поднес к носу, шмыгнул. Потом, будто сделав что-то очень значительное, неспеша спрятал все свои табачные принадлежности.

— С указом правительства ничего не поделаешь, — устало проговорил он, не поднимая головы. — Перечить ему нельзя. Но не оставите ли хоть несколько голов скота, чтобы прокормить детишек?

— Революционное правительство аратских масс не будет поступать бесчеловечно, как делали феодалы. Как вы, например. Когда держали власть ваши друзья, как ведь было? Мы не забыли страданий бедняков. Но правительство аратов не такое безжалостное. Оставим на поддержание ваших детей, как и было решено, несколько овец и коз, дойную корову, ездовую лошадь, одежду, необходимую для семьи.

И только я сказал эти слова, как тут же вмешался Кижир-оол:

— Я бы этому врагу ничего не оставил. Сейчас, на месте, задушил бы его за мои шрамы на лице и ногах, за детей моих, умерших от голода.

Оруйгу молчал, как истукан, еще ниже опустив голову.

В эти минуты зримо представились многовековые страдания тысяч аратов, их слезы, их раны на шеях от ярма, на ногах от цепей. Теперь пришло время расплачиваться за все феодалам.

— На вопросы, которые буду задавать, отвечайте ясно, без всяких увиливаний, — потребовал я.

Оруйгу скрестил руки, сделал резкий низкий поклон, ответил:

— Ладно.

— Ваше имя, название старого сумона?

— Мое имя Оруйгу, старый сумон Соян.

— Какую должность вы занимали до революции?

— Когда я ездил в Большое хуре, то признали меня грамотным, пожаловали мне должность сайгырыкчы и прицепили на шапку красный отличительный шарик...

— погоди, погоди! Не в ту сторону повел разговор!— гневно закричал партизан Донмит, поднимая свою палку и готовый прыгнуть на Оруйгу.— Не о грамотности говори. Не увиливай от признания того, как ты собирал с аратов тяжелые налоги, как избивал их, как замучил пытками десятки человек? Кто же не знает об этом?

— Это было не совсем так,— процедил Оруйгу и опять молитвенно сложил руки в поклоне.

— Не совсем так,— передразнила его член комиссии Иргит Дынгыжаа.— Такое не скрыть! Кто же видел в наших краях более жестокого феодала, чем ты?

— Сколько скота у вас?— продолжал я свои вопросы.— Назовите по видам поголовья.

— Быстро ответить трудновато. Если угодно будет вам немножко подождать, то я посмотрю в списки. Оруйгу потянулся к пестрому шире, помещенному на аптаре, достал оттуда промасленные бумаги и долго разглядывал их. Я тоже достал тетрадь, в которой значился весь скот Оруйгу.

Возня феодала со своими списками мне надоела, и я попросил показать их мне. Одни записи были сделаны по-монгольски, другие — по-тувински. Одни цифры поправлены в сторону уменьшения, другие стерты совсем.

— Вот что: если вы будете пугать, мы откроем против вас уголовное дело. Вы ответите головой, если эти списки разойдутся с наличием поголовья,— повысил я голос, и Оруйгу опустил голову чуть ли не до войлочного настила в юрте.

— Нет, нет!— испуганно встрепенулся он.— Ничего не буду скрывать от народа. Но поскольку скот сам по себе размножается, то и списки будут расходиться. Вы это знаете, дарга, как человек ученый...

— Раз верно то, что скот размножается, то как же получилось, что в списках ваших он уменьшается?

Немного подумав, Оруйгу предложил:

— Дайте списки, дарга, я прочитаю вам.

Я без промедления отдал бумаги.

— Лошадей пятьсот семьдесят, из них ездовых двести,— забормотал Оруйгу.— Коровы, большие и малые телята... О них знает жена. Верблюдов сто пять голов. Вот и все...

Он отложил списки и, видимо, счел что сполна ответил на вопросы, сел на прежнее место.

Пришлось задавать новый вопрос:

— Разве у вас нет мелкого скота?

— Этот скот тоже имеется. Его хорошо знает жена, а я — нет. У нас такой порядок, — сказал Оруйгу и усмехнулся.

— Где твоя жена, зови.

— Оо, жена, — сразу крикнул он, — куда ты пропала? Зайди-ка быстренько!

За дверью юрты послышался ее сдавленный голос:

— Как же войти, вот долговязый не отпускает.

В юрту просунул голову Суук-Багай и спросил:

— Как быть с этой женщиной, товарищи? Пустить в юрту или держать около себя?

— Пусти, пусти.

Женщина вошла, ни на кого не глядя, села возле кровати.

— Ваш муж не помнит количества коров и мелкого скота своего. Сколько их? — спросил я ее.

Она молча взяла трубку, лежавшую на ширтке, постукала ею об остроносый идик, пососала, чтобы убедиться, что зола высыпалась, потом достала из-за пазухи кисет с табаком, набила трубку, закурила и быстро стала втягивать в себя дым. По всему видно, что она и не собиралась отвечать на вопрос.

— Так что, нам самим посчитать скот?

Только после этого женщина вынула изо рта трубку, с шумом бросила ее на ширтек и, повернувшись к мужу, заговорила:

— Что это на самом деле? Стали даже запрещать входить в мою же юрту. В аал согнали весь скот: всех овец и коз, лошадей, коров, даже верблюдов не оставили. Что же тут собираются делать?

— Извольте знать, что это не ваши стада. Теперь они принадлежат правительству, народу — своему истинному хозяину.

— Раз отбираете — отбирайте, собираетесь съесть — ешьте. Так и считайте сами! Я не знаю! — выкрикнула жена феодала, упала навзничь, затряслась и протяжно завывала, как старая волчица.

Феодалу, видно, надоело все это, он более спокойно проговорил:

— Мелкого скота наверняка около двух или трех тысяч голов, коров — около двухсот...

Я решил, что с этими врагами нечего толочь воду в ступе, и вышел наружу. А народу там было видимо-невидимо, больше, чем чайнок в чаше. Мои товарищи выжидательно смотрели на меня.

— Вот что, — обратился я к ним, — согласно инструкции зарегистрировать тщательно все движимое и недвижимое имущество.

Активисты зашевелились. Они и до этого не мешкали: почти все пространство Бай-Холя покрыли овцы, козы, лошади,

коровы, верблюды. Шумно и тревожно было окрест от ржания, блеяния, рева животных, от лая собак.

К юрте все больше собиралось пеших и всадников. Их говор, бодрые голоса, улыбающиеся возбужденные лица сразу заслонили и тревоги, и заботы, внесли в шумную неразбериху что-то торжественное, праздничное.

— Эки, дарга!— послышалось сзади. Я обернулся и увидел старого лысоголового арата.— Зовут меня Самбуу... Помните, в прошлом году, как разлилась Тес и никто не осмеливался перебраться на тот берег? А вы связали два бревна. И я вам помог... Должно быть помните?

— Эки! Эки, старик! Да кто же не узнает знаменитого водоплавателя Самбуу?!— крепко пожал я его руку.— Ну что интересного у тебя, товарищ Самбуу?

— Хотел бы я кое-что подсказать доброму молодцу,— кивнул он в сторону, приглашая отойти. И когда отошли, заговорил серьезно:

— Если окинуть глазом, то очень много тут скота. А если присмотреться внимательней, то еще больше где-то упрятано.

— Похоже на то. Это очень важно... На чем основаны ваши догадки?

— Основания есть, дарга. Осведомленные люди говорят, что одни стада запряваны в Тере-Холе, другие — среди скал Чоон-Барыын, а еще в Качык-Сайгале и Кара-Холе.

Сделав важное сообщение, Самбуу выжидательно замолчал.

— Благодарю вас, товарищ Самбуу. Мы найдем эти стада, где бы враг не спрягал их. Найдем и раздадим таким беднякам и батракам, как вы. Остальное станет собственностью государства.

— Оо, вот оно как!— обрадованно подхватил Самбуу.— Почему же молва идет, будто отберут у феодалов и раздадут начальникам из Хем-Белдира?

— Надо разобраться, Самбуу, от кого такая молва исходит. Враждебную нам ложь выдумывают вот такие Оруйгу, их дети, родственники. А правда такая: все имущество феодалов строго учесть, записать, как собственность народа, а бедным раздать по пять голов крупного рогатого скота...

Мало-помалу подходили другие араты, внимательно слушали.

— Хороший указ для бедняков!— подпрыгивала от радости Дынгыжаа.— Вот они, стада, наши теперь...

— Не только скот, — продолжал я, — пастбища, луга тоже раздадим аратам.

— Замечательное у меня правительство!— радовался один из аратов. Другие по привычке молились за это.

Из толпы вышел высокий пожилой мужчина, снял с головы шапку, отчего сразу бросились в глаза его большие уши, пошатался на месте и громко спросил:

— А не получится так, дарга, уедет комиссия домой, а феодалы опять отберут у нас все и согонят в свои стада?

— Нет, товарищ, такого не получится. Как же вы донускаете: свалить медведя, но не взяв мясо и шкуру, пустить его опять в лес?

Араты дружно рассмеялись. Выждав, пока наступила тишина, я для большей уверенности пояснил:

— После того, как мы лишим феодалов скота и другого имущества, мы вышлем их отсюда в дальние хошуны. Такое решение тоже есть.

— Так, так их, подлецов! Вот это верно!— зашумели люди.

— У меня еще один вопрос!— выкрикнул чернолицый низенький, словно отлитый из одних мышц, мужчина.— Некоторые богачи раздали кое-кому свой скот. Как он, так и уйдет?

— Вопрос правильный. Порядок такой: собрать весь скот феодалов, где бы он ни находился. А кто утаит феодальное имущество, будет отвечать вместе со своим господином.

— Конечно, так! Справедливо!— послышались голоса.

И тут вышел еще один взволнованный арат:

— Как считается такое дело, разъясните мне. Приехал недавно ко мне Оруйгу, привез ковер, два шелковых халата, привел двух коней, один из которых рысак, и сказал: «Пока это все будет у тебя, а потом поговорим». И уехал. Это считается, что я спрятал?

— Кто бы ни попал на такую феодальскую хитрость, предлагаем немедленно сообщить комиссии. А там может решиться, что все отданное феодалом, следует закрепить навечно за этим аратом.

Свершилось великое событие. Люди постепенно освобождались от вечной забитости.

3.

Десятый день шла раздача скота беднякам и батракам.

— Эй, оол! Где ты, Дынгыжаа?— Кижир-оол, по привычке оо-шинанцев даже к женщине обращался, как к мужчине.

— Я здесь. Иду, иду, дарга!— выходила из толпы женщина, заметно смущаясь.

— Поставь свою подпись. Чтобы довести поголовье твоего крупного рогатого скота до пяти, комиссия наметила дать вам дойную корову, ездового коня, кобылу с приплодом и десять овец.

Иргит Дынгыжаа развернула помятую кожу, в которую

обычно завертывала семейные бумаги, достала карандаш и стала медленно выводить свое имя. Я думал о ней: «Вот она, безграмотная, никому ненужная, не имевшая ни имени, ни прав, теперь сразу стала активной, богатой, радостной. Ста- ла человеком...»

И что это: глаза мои сами собой повлажнели, в горле за-стрял невидимый комок.

— Суук-Багай, куда ты ушел?— позвал Кижир-оол. К нему подходил наш новый знакомец длинный, неловкий чело-век, вытирая на ходу мокрое не то от слез, не то от пота лицо.

— Меня ли звали, дарга?— спросил он.

— Тебя, тебя, Суук-Багай, ошибки нет. Ты получишь де-сять овец, корову с телятком, двух лошадей, седло, аркан та-бунщика, стреножку, узду. Хватит ли?

Суук-Багай развел руки, собрался что-то сказать, но так и не сказал. Он поставил подпись, обеими руками взял список полученного скота, поднес было бумагу ко лбу, но тут же спря-тал за пазуху и благодарно пожал руку Кижир-оолу.

Каждый в толпе знал, что во всем Тес-Хеме не было чело-века беднее Суук-Багай. И каждый теперь радовался его ра-дости.

А Кижир-оол уже выкрикивал новое имя:

— Овааты! Иргит Овааты, иди прими свою долю.

Старый Овааты только недавно начал учиться, потому рас-писываться ему очень трудно. С горем пополам написав «Ов», он оторвал от бумаги дрожавшую руку, и виновато сказал:

— Беда, больше не могу.

— Хватит и этого,— поддержал его Кижир-оол.— А тебе полагается ездовой конь, кобыла с жеребенком, дойная коро-ва, десять овец, верблюды, охотничье ружье — его получишь от председателя комиссии...

Овааты засмеялся, открыв беззубый рот.

4.

Секретарь партийной ячейки Сартыыл Сундувей еще толь-ко осваивал грамоту. Ему трудно было вести бумаги, иметь с ними дело. Но он легко выходил из этого положения. Если на-до было принять на собрании решение, то проект его Сунду-вей давал прочитать своему товарищу.

— Надо и других приучать,— говорил он многозначи-тельно.

Когда приезжало начальство из хошуна или Кызыла и хо-тело узнать положение в животноводстве и земледелии, Сун-дувей протягивал свой блокнот и объяснял:

— Поголовье крупного рогатого скота записано красной краской, овец и коз — синей, лошадей — черной, а простым

карандашом обозначены посевные площади. Посмотрите, все станет ясно.

Эти записи по просьбе Сундувея тоже сделал его товарищ. Между тем сам Сундувей каждую цифру помнил наизусть. Сартыыл Сундувей честен, деловит и как истинный революционер, предан всей душой партии, народу. Большая воля сочеталась в нем с инициативой.

Как только его избрали секретарем партийной ячейки, он загорелся идеей очистить дорогу Калдака.

Дорога через перевал была до того тяжелой, что иные араты на подступах к Танды читали молитвы, обращаясь за благословением к ламам и шаманам. По таежной дороге с трудом перегоняли навьюченного быка. Много бедствий терпели люди на этом пути.

Центральный Комитет Тувинской Народно-революционной партии поддержал инициативу партийного хошкома Теса, объявил стройку всетувинской, всенародной. И тогда Сундувей еще больше воодушевился.

... Смотри и слушай, Калдак: к тебе идут люди всей Тувы, движутся целыми хошунами. Штурмом возьмут твои неприступные кручи, разглядят твои горбы, осушат твои болота. Они одолеют тебя, потому что они теперь люди свободные, люди крылатые.

Сотни молодых аратов с привязанными к седлам чашами, с топорами, пилами, лопатами в руках, двигались боевым отрядом по предгорьям Танды. Во главе их был Дарзыг-дарга. Люди слушали рассказ Дарзыга:

— По этой же дороге в начале тридцать первого года мы ехали с винтовками и пулеметами. Преследовали разбойников мейрена Дамдыкая, не давая остыть лошадиному помету. Мы с Кижир-оолом были добровольцами-проводниками... Одолели разбойников. Теперь вот расправились с феодалами окончательно. В руках у нас топоры и пилы, лопаты и кайлы — орудия труда. Хорошо, друзья мои! Душа поет! А ну-ка, ребята, споем!

И грянула песня, отозвалась в ущельях и скалах:

Люди О-Шынаа, люди У-Шынаа,
В работу включайтесь дружной,
Проложим дорогу себе и машинам,
На радость отчизне своей!

— Оош! Оош! Оош! — одобрительно поддержал Дарзыг юношей и девушек.

Самагалтай и лес прибрежный —
Милее сердцу не найти.
Я вижу взгляд подруги нежной,
Но вот не смею подойти.

— Оош! Оош! — вздохнули старики.

Дарзыг-дарга привал разбил
В хлебах отменных и поспал,
Скотину досыта кормил,
За что и в песенку попал...

— Ловко, ловко, ребята, — виновато проговорил Дарзыг. Черт меня дернул в то лето раньше срока прикочевать с летнего пастбища... Да, тут и случилось, скотница в хлеба забрела. А вы уж сразу в песню меня! Сдаюсь...

Он ударил коня кнутом, понужнул ногами и умчался вперед.

Хорошо было ехать с такой лихой, веселой молодежью. Дорога казалась легкой и короткой.

А по Кара-Холю во главе аратов Эрзина, Бай-Холя и Бай-Дага к Калдаку двигались, высоко подняв красное знамя, Донмит, Дынгыжаа и Овааты.

И тут — свои истории, свои шутки.

— С тех пор, как бы не соврать, — неторопливо рассказывал своим товарищам Овааты, — прошло года два... Ко мне приехал сын феодала Содунам-Балчира и так избил, что мои губы распухли как барбы — кожаный мешок. Тогда не было у нас чудо-врачей из советской страны, что появились теперь. Не на кого было надеяться, кроме как на лам и шаманов. Ну и пошел я к хелину Шаравии, еле доплелся. «Открой рот», — приказал он. А я не могу. Кое-как открыл. Посмотрел он, закрыл свои глаза, зашептал молитву, туда-сюда поплевал. Попросил проса, во все стороны колокольчиком помахал, другой рукой по барабану постучал. Потом две щепотки порошка дал. «Раствори, говорит, их в стоячей воде и выпей». Соблюю я его советы, а зубы выпали. И теперь, как видите, во рту у меня ни кола, ни двора...

Пошевелив коня, Овааты смолк.

— А дальше что? — спросил кто-то.

— Дальше вот что, — вместо Овааты ответила Дынгыжаа. — О том, как ходил Овааты к ламе, узнала наша молодежь. Ну и песню сложила. Как она поется, ребята?

Несколько парней тут же запели:

Наш Овааты в духов верит,
Зовет на помощь молитвы лам.
Свои недуги ни с кем не делит,
Зубов лишился тоже сам...

— Так, так, — беззлобно засмеялись Дынгыжаа и Донмит, взглянув на Овааты.

— Проклятые ламы, — проговорил Овааты. — Из-за них в песню влип.

Он пришпорил коня и шумно вырвался вперед. И все, точно в погоне, ринулись за ним.

А вот и Калдак. Его подножия и холмы стали похожи на место привала огромной армии, либо на муравейник. Тут были партийцы, ревсомольцы и молодежь всех хошунов. Во главе отрядов приехали Серенмаа и Дамдын-оол из Шемн, Чыртак-оол и Хуреш-оол из Шекпээра и Барлыка, Докан-оол и Санчы-Мидик из Ак-Туруга и Шагонара, Сагаандай и Кылай из Тоджин...

Палатки, шалаши — на каждом шагу, красные флаги развевались как на наадыме.

Первая великая народная стройка Тувы началась. Мы пришли к тебе, гордый, веками неприступный Калдак!

5.

Костры, костры... Жаркие, шумные, веселые, как песня. Тихие и задумчивые. Одни прятались в ущельях, озаряя серые немые скалы. Другие пылали на ровной полянке, выхватывая из темноты старые ели и лиственницы. Третьи, как волчьи глаза, мигали в открытой долине...

Никто не мог счесть их, костры Калдака.

У каждого костра — свой кружок, своя песня, своя история, чаще забавная, веселая.

Особенно много народу собралось у костра тоджинцев. Никто не может тягаться с тоджинцами в искусстве ладить костры. Шумно и весело тут плясало пламя, поднималось высоко и исчезало в темноте. Посмотрите, как они кладут сухие дрова, обрамляют костер еловыми ветками... Можно сделать все так же, но такой костер едва ли получится.

Тут сидел старый охотник Бараан Мырлаа и рассказывал истории из своей таежной жизни. Низкорослый, плотный, с короткими редкими усами и круглыми колючими глазками на подвижном лице, он напоминал кряжистое дерево, которое не берет ни пила, ни топор.

— ...В руках у меня было ружье, — тихо журчал голос охотника. — Ну, конечно, выстрелил. А он, черт эдакий, на задние лапы поднимается, раскрывает пасть, передние лапы протягивает ко мне... И вдруг вижу: падает на лиственницу. Сначала я нож достал, затем еще раз выстрелил. А он поднялся и опять на меня. Тут я прицелился прямо в сердце, грянул выстрел. Но медведь страшно заревел, на меня идет и идет. Я чуть не упал, через бревно перескакивая. Слышу, что-то рвется сзади... Отскочил, повернулся и вижу в лапах медвежьих часть своей тужурки из косульей кожи. Пока он боролся с лохмотьями, я снова зарядил. «Ты силен, — подумал

я,— но и перед тобой — сын охотника...» И шагнул ему навстречу. Доконал. Но испуг был, конечно, немалый.

— Хаа, вот герой!— вырвалось у кого-то.— Я бы на его месте тут же дух испустил.

Мырлаа улыбнулся и стал закуривать.

Рассказчик охотничьих историй всегда находит последователей. Кто-нибудь вслед за ним непременно начнет: «А со мной было...» Или: «Я тоже однажды...»

Когда Мырлаа умолк, к разговору присоединился представитель центра Маныгы:

— Я тоже попал в одно приключение возле озера Чагытай, у самого подножия Танды...

— Охаай! Да, да, послушаем,— придвинулась к нему молодежь.

— Было это в начале зимы. Услышав, что в лесу видели медвежью берлогу, я с шофером Мурашко отправился туда. Не доезжая несколько километров до берлоги, мы оставили машину, пошли пешком. Первые лучи взошедшего солнца только коснулись вершин Танды, когда мы увидели между двух больших елей входное отверстие в берлогу. Приметили и след зверя на снегу.

— Слышишь, кто-то дышит,— шепнул я Мурашко.— Но как же взять его?

— Сейчас попробуем,— ответил Мурашко.— Вы пойте здесь, а я пойду срежу длинную жердь.

Шофер ушел, а я стою, не спускаю глаз с берлоги, крепко сжимаю в руках ружье. Время от времени кошу глазом в сторону, куда ушел Мурашко. Мне казалось, что не возвращался он очень долго. И тут почудилось, будто медведь выходит...

— Пох-хайт,— засмеялся тут Мырлаа.— Такому трусу доверили берлогу стеречь.

— Подождите,— начал оправдываться Маныгы.— Это только в мыслях у меня пронеслось. А сам-то я стоял твердо... Думал, вот придет сейчас Мурашко, потревожит жердью медведя, зверь выйдет и тут я уложу его. В это самое мгновение что-то заревело, затрещали сухие ветки, будто большая черная гора скатывается прямо на меня. Оторопел я, забыл про ружье в руках. Только когда шум затих, я пальнул в заросли...

— Пах, мужчина, какое сало упустил,— пожалел Мырлаа.

Молодые араты и аратки группами ходили от костра к костру, слушали рассказы, пели песни про Калдак-Хамар, мерялись силами в хуреше.

И вдруг в темноте тревожно зазвонил колокольчик. Что случилось? На сигнал бежал начальник строительства дороги Оюн Ензак, встревоженный и озабоченный, широко раскрыв желтоватые, прозрачные глаза.

— Беда! Ливень на Чаа-Оваа! Шивилиг вышел из берегов!— крикнул ему на ходу Суук-Багай и пустился к другим кострам.

— Беда! Беда!— понеслось от костра к костру.

Всю ночь боролись люди со стихией, спасая от потока строительный лес, инструменты, вещи у костров. На самых опасных участках были Сундувей, Кижиир-оол, Донмит, Дынгыжаз, Овааты, Дамдын-оол, Чыртак-оол, Оюп Епзак...

А новый день пришел яркий, с чистым голубым небом, вливая в людей радость. Сразу отступили и ночные тревоги, и усталость. Работа закипела с новой силой. Гора превратилась в муравейник.

Опять где-то в устье Шураштыг-Хема прокатился гром.

— Что еще такое?— с тревогой посмотрел туда Кижиир-оол.

— Не пугайся, дарга,— улыбнулся начальник строительства.— Это приехали ребята из Кызыла, скалы рвут.

— О, это хорошо!— обрадовался Кижиир-оол.

Вскоре у Калдака зарокотали тракторы, срезая почву, выворачивая мелкоколесье.

— Вот это да!— восхищались люди, никогда не видевшие советских машин.

— Пустить бы их в нашу степь Бора-Холь...

— Будто ножом мягкий сыр режет!

— Советский народ пришлет нам много-много хорошей техники.

6.

Помощница инженера русская девушка Маруся смотрела в круглые железки на трех ножках, чертила на бумаге план дороги. В черной кожаной куртке, в мужских брюках и сапогах, она постоянно была у всех на виду, казалась какой-то загадочной. Молодежь не отрывала глаз от Маруси. Она была хороша: выше среднего роста, с тугими косами, подвязанными лентой на затылке, с черными глазами, с улыбающимся светлым лицом.

Суук-Багай помогал Марусе в ее работе: держал невдалеке от нее полосатую жердь, таскал с места на место инструменты. Суук-Багай словно потерял себя, стал каким-то ошалелым. Зато, когда шел рядом с Марусей, то гордо поворачивал голову в сторону работающих людей и не замечал тяжести инструментов, которые тащил. Всем своим видом он говорил своим землякам: «Я с Марусей на короткой ноге. Завидуете? Еще бы!»

Но все же чаще Суук-Багай можно было видеть грустно-задумчивым. Как-то он признался мне:

— Языка не знаю, а то расспросил бы, чья она дочь, вообще, какое у нее положение...

Суук-Багай знал, как любила Маруся цветы. Они не переводились в ее шалаше: белые, желтые, голубые... Целыми снопами стояли. Однажды Суук-Багай собрал букет цветов и решил подарить их Марусе. Предварительно тщательно приделся, приоделся и пошел.

— Моошына?— спросил он по-русски.

— Можно, конечно. А кто вы?— вдруг спросила девушка по-тувински.

— Это я, Суук-Багай...

Позже, когда строительство дороги завершилось и Маруся уехала, Суук-Багай с грустью рассказывал нам об этой истории:

— Вхожу в шалаш, вижу на ней содак и шудак — одежда для хуреша, значит. И вроде танец орла пляшет... «Знаю, что у вас всегда цветы, вот и я принес».— говорю ей. Маруся взяла цветы и что-то говорит, говорит. Понял я только одно слово «пасибо». Не зная, что делать, я выбежал из шалаша. Потому, что при виде красивой, молодой женщины в содаке я стал как пьяный. Потом она позвала меня по-тувински. Тут я увидел ее в пестром, как барсовая шкура, халате. Лицо ее пылало как цветы жарки, глаза сверкали и смеялись. Вижу, что сердце мое захватывает она все больше и больше. А она спрашивала у меня что-то о девушках, о работе...

— Суук-Багай,— перебил кто-то его рассказ.— Первый раз-то на ней были не содак и шудак, а обыкновенные трусы и майка. И не хуреш она плясала, а зарядку делала...

— Не знаю,— не меняя тона, ответил он.

— Ну, а дальше что?— спросили его.

— А дальше — ничего. Как вы знаете, Маруся уехала раньше всех. Перед отъездом дала мне бумажку, там написала про дом в Кызыле, в котором живет. Когда садилась в машину, пожала мне руку и поцеловала в щеку. А я, дурак, не знал никаких обычаев их. Так и стоял неподвижный. Теперь может скоро придется скот гнать в Кызыл, Обязательно найду Марусю...

* * *

Дорога через Калдак построена. Завершением всего там был большой праздник. Боролись силачи, состязались в скачках, устроили пир.

По увалам и долинам плыла песня:

Калдак-Хамар, ты грозным был,
Мы покорили твои вершины.
Народ дорогу проложил —
Летите, быстрые машины!

Вся Тува ликовала.

Степан САРЫГ-ООЛ

БЕСПОКОЙНЫЕ ВРЕМЕНА

(Глава из 2-й книги «Воспоминания Ангыр-оола»)

В такие беспокойные путанные времена у кочевников есть преимущество: они могут вдруг исчезнуть со всем своим хозяйством, со скотом и семьями. А на прежнем месте останется лишь черное место от стоянки. Сегодня живут в Западном Амыраке, завтра окажутся на вершине Танну-Ольского хребта, через день, глядишь, раскинули стойбище где-нибудь в тихом логоу Овюрского Амырака.

Вот и я встретил весну 1921 года тоже в Овюрском Амыраке. Эта весна для овюрцев оказалась нелегкой, голодной. Мужчины на верховых лошадях исчезли из аалов. Порой, правда, они приезжали к своим семьям ночами тайно, так что даже соседи не замечали. Чем они занимались на стороне, никто не знал.

Иногда вечером мужчины сидят преспокойно, ведут неторопливую беседу, а назавтра и след их простыл, словно и не бывали совсем тут. Хорошо, если хозяин юрты появится через несколько дней. А бывало и вовсе не возвращались, или возвращались, но в таком виде, как бывает скотина, каким-то чудом отбившаяся от волков, истекая кровью добирается до своего стойбища, а добравшись, даже стонать не может.

Вдруг давно знакомые люди сделались совсем не похожими на себя, будто это и не они вовсе. Смотришь, таскают постоянно за собой ружья, а разговор ведут словно бы и на нашем языке, да ничего не понять из отрывочных таинственных фраз. Разговор этот скорей напоминает пулю, загнанную в ствол, готовую к выстрелу. От коновязей далеко не отходят, всегда куда-то торопятся, скрытничают, настороженно оглядываются. А если уж сядет на лошадь,— то словно птица вспорхнет, карьером помчится, а когда подъезжает к своему аалу, так словно волк осторожно подкрадывается, долго

всматривается в каждого человека и в каждый кустик. Но большей частью сидят они где-нибудь на высоком месте, будто беркуты высматривают добычу.

Однажды вечером дядя Баран-оол встретился со своим другом Орус-Хунду. Они чистили, терли и маслили ружья, а наутро, когда я проснулся, уже ни оружия, ни их обоих в юрте не оказалось.

Я огорченно подумал, что меня считают еще мальчишкой и ничего мне не доверяют.

— Тетя, а где же дядя с Орус-Хунду?— спросил я. Тетка ответила шутливой поговоркой:

— Хоть знаю — не скажу, хоть скажу — не награжу.

Мне стало еще обидней, что даже женщина меня считает совсем несмышленышем, а тетка заметила мое огорченье и засмеялась:

— Зачем спрашиваешь? На то они и мужчины! Небось по аатам скажут, красуются, хвастаются, какие они наездники. А может по горам да по лесам волков гоняют...— Но при этом она как-то тяжело вздохнула, а по лицу ее пробежала тень.— Хватит болтать! Лучше залей ячменной муки кипятком да поешь. Пора уж козлят отлучать да коз выгонять пастись,—и немного погодя, добавила:— Не забывай одно: язык надо крепко держать за костяным забором!

Прошло несколько дней и дядя появился так же внезапно, как и исчез. Лицо его сильно обветрело, потемнело, как кора лиственницы, глаза красные, усталые, и конь сильно отоцал, даже седло и войлок под ним говорили о большом переходе. Главное же в юрте появились какие-то странные запахи.

Утром, когда дядя встал, я нарочно приветствовал его так, как приветствуют охотника, возвратившегося с удачной охоты:

— Ужа! Курдюк мне!

— Кш-ш!— остановил меня дядя, приложив палец ко рту:— Понял?

— Разве не знаешь, он же ведь настоящий бук!¹— сказала тетка, помешивая в большом котле только начинающий закипать чай.— Как только проснулся, так и пошел носом водить по юрте! Ладно, держи, хитрая лиса!— Тетя положила в мою руку с таинственной миной кусочек настоящего сахара!

От радости я забыл всякую осторожность и крикнул по-детски:

— Уучак! Спасибо!

Я вертел в руках этот кусочек, даже полизал, но, вдруг у меня вырвалось:

— Ой, ой, а вдруг на нем кровь осталась?!

¹ Бук — домовый.

— Что ты мелешь, дурак! — тетка в ужасе замахала руками, а дядя спокойно остановил ее:

— Не шуми! Достался дурачку кусочек сахару, он и потярял рассудок. Не часто это лакомство видит.

Я испуганно смотрел то на тетку, то на дядю и сам не знаю, как это получилось — проглотил свой сахар, не успев даже наглядеться на него. Вместе со слюной он провалился в желудок. Так мне было жаль, до слез прямо!

Скоро в юрте появился дядя Шевер с приятелями. И опять замельтешили в разговоре непонятные фразы и намеки.

Снег сошел с гор, воды для питья не стало, аалы перекочевали с подножья гор в низины, к ручьям и речкам.

Только юрта дяди все еще оставалась на возвышенности и одиноко маячила на склоне Оскус-Тея. Семье нелегко было выискивать остатки залежалого снега и таскать его в кожаных мешках, чтоб приготовить чай или сварить суп.

У тувинцев считается дурной приметой такое одинокое жилье, когда все уже откочевали, а кто-то остался на старой стоянке. Страшно становится жителям такой юрты. Не только людей, но и ни одного животного вокруг не осталось, — ни человек не крикнет, ни собака не тявкнет — тишина, страшная тишина одиночества. Скот весь отправили с соседскими стадами, а за скотом убежали и собаки. Теперь все чаще стали появляться обнаглевшие волки. Они забегали прямо на брошенные места стоянок юрт и там рылись в мусоре.

Осталось нас в этой юрте — бабушка, тетка с двумя ребятишками да я. Мы ожидали возвращения дяди.

Однажды днем мы увидели, что к нашей юрте приближаются шагом три всадника. Между двумя лошадьми висят носилки с чем-то тяжелым. Они подъехали к юрте и молча спешили. Мы все сгрудились вокруг носилок. Переднюю лошадь с носилками мы узнали издали: это была лошадь дяди. А на носилках лежал с неподвижным белым лицом дядя Мукураш.

Трое мужчин, что его привезли, торопливо, но ловко принялись снимать его с носилок. Один из этих людей строго крикнул на нас:

— Ну, что рты поразинули! Раненых никогда не видали?..

Готовьте в юрте скорее кровать! Да прежде дверь откройте и кошму откиньте.

А бабушка, увидев сына, горько запричитала:

— Ой, оммани! Да что же это с ним приключилось-то? Да мой ли это бедненький сыночек, такой бессильный, что и в юрту сам не может войти?

У дяди Мукураша лицо всегда было полным и румяным, а теперь щеки ввалились, под глазами — синие круги. Когда

тетка увидела его лицо, то сделала такие страшные глаза и так крепко зажала руками рот, словно там был спрятан драгоценный камень...

— Сыночек мой, что случилось с тобою?— спросила бабушка, наклонившись к самому лицу дяди.

Но дядя ничего не отвечал, только медленно поводил глазами, ища кого-то. Увидев детей: дочку Севиль и сына Арандола, он попытался покачать головой, желая, видно, показать, как ему худо.

Тем временем мужчины, словно ничего такого особенного не произошло, отвязали носилки, внесли дядю на руках в юрту и осторожно положили на приготовленную теткой постель.

Здороваться с приезжими, убитые горем бабушка с теткой, смогли только тогда, когда в юрту вошел лама-лекарь. В переднем углу на самом почетном месте они постелили для него расшитый квадратный коврик и жестами пригласили ламу сесть на него.

— Мир вам, добро пожаловать. Садитесь.

И бабушка тут же принялась горько жаловаться ламе:

— Это мой единственный сыночек! Ох, за что на мою бедную голову такое наказание свалилось, святой лама? Спасут ли его три ваши ламские сокровища, ваши святые молитвы?.. Какие будут ваши предсказания о судьбе моего сына?

Лама-лекарь, пряча свой взгляд от несчастной матери, пытался как-то успокоить её.

— Ваш сын не от болезни страдает, за ним пока еще не приехал гость из страны ада. Настигла его шальная пуля,— но ведь говорят: «Кто попал в собачью пасть — увидит свою кровь». Что делать, судьба! Но не бойтесь за него, я думаю, все обойдется.

— Вот-вот, я же говорила! Сердце мое материнское не могло ошибиться.— Будто чему-то обрадовавшись, перебила ламу бабушка. И взглянув вверх в отверстие дымохода, она опять сложила ладони надо лбом и опять молилась.

А лама начал осторожно растолковывать ей состояние дяди:

— Правда, рана у него неприятная: пробита насквозь прямая кишка, задеты важные органы. Если воспалится, то придется повозиться с ним долго... Он много навредил себе сам: когда его ранили, он не меньше суток не сходил с лошади. Крови потерял очень много. Да и перевязку ему сделали плохо. В таком виде он ко мне только через сутки прискакал. Сами поймите, это же не комариный укус, а ядовитый свинец жалил!

— Ой-ой, бедненький мой, да как же он еще живым ос-

тался?! Наверное его вел не страх, а ненависть?— плача говорила бабушка. А один из сопровождающих подтвердил:

— Мать говорит правильно. Когда после перестрелки мы сделали раненым перевязки, Мукураш вдруг сказал: «Раз пуля в теле, таким большим и домой стремиться незачем. Пока сгоряча боли не чувствуем, давайте продолжать наступление. По крайней мере, каждый за себя расплатится сполна!» Мы их урезонивали: «Братцы, так нельзя. Жертвы с нашей стороны увеличатся, а толку немного будет». Но они стояли на своем: «Все равно, если сегодня, то попозже вечером, если завтра, то пораньше утром надо закончить дело. Пусть ни одного завоевателя на нашей земле не останется!» Мы возражали, что нет смысла самим на острие ножа лезть. И так сегодня мы неорганизованно и безрассудно действовали. Если мы сегодня не одолели их до конца, то тут дело не в их силе, а лишь в нашем беспорядке. Подыхающая змея жалит ядовитее.

— Ну-ну, я же об этом и говорила вам, сыновья мои, но вы меня старую и слушать не хотели. Разве это шуточное дело? Остатки армии сильнее и отчаяннее будут драться, чем свежие войска. У тех, ведь, страху еще не было, а эти знают, что им пощады не будет.

— Правда, правда, старая мать! Быть бы нам немного поосторожней и побдительней, ни один из них не ушел бы от нас, а потеря было бы меньше,— сокрушался участник перестрелки.— Беда в том, что хемчикские нойоны захотели присвоить товары. А чтоб товары никому кроме них не достались, они послали отряд русских белоказакв. Снабдили их бумагой с большой печатью, чтоб они никого не допускали до этих товаров, дали право стрелять в каждого, кто приблизится к фактории. А мы дураки этого подвоха не раскусили сразу. Вот эти казаки и открыли неожиданно огонь! Так неудачно вышло...

Очень скоро слух о несчастье дяди и его друзей облетел все аалы. В соседние аалы тоже вернулось много раненых. Хургул ранен в грудь, сосед Сандак притащился пешком, потеряв лошадь, взамен же получил восемь ранений. Идти ему пришлось ни много ни мало — двести сорок верст. Многие же и вовсе не пришли домой.

Впрочем раненые овюрцы сидели дома недолго, многие вскоре снова стали объединяться группами и действовать храбрей и организованней. Нам же — мальчишкам все было интересно: как и где добывают они остатки белой армии.

Как-то утром я проснулся и услышал негромкий разговор приехавших родственников с дядей Мукурашем. Сразу после коротких приветствий гости начали рассказывать о страшных новостях. Я побоялся, как бы они не замолчали, увидев, что

я проснулся, и лежал тихо, уши мои крепко впились в их разговор, а сердце так и замерло от ужаса. Один из приезжих сказал:

— наших родственников, пропавших без вести, нет в живых.

Голос говорившего дрожал, словно человек рассказывая плакал.

— Ой, ой! Ужас, ужас! Спаси нас бог!..— ахали, причитали бабушка и тетя, как будто, средь бела дня и чистого неба на юрту упала молния. Дядя Мукураш спросил:

— Где была стычка, как это произошло?

— Совсем недалеко отсюда, под Мойнараком,— печально ответил рассказчик.

— Заехали они чинно и мирно в аал Ноган-Хуулгана, спешили, зашли в юрту, поздоровались по всем правилам. Хозяйка налила всем чаю, хозяин спросил, куда и откуда держат они путь. Они отвечали, что едут в аймачный центр Монголии в Улангом.

Вот так сидели, неторопливо пили чай, разговаривали. Как вдруг в эту же юрту вошло несколько мужчин, молча напали на гостей по двое на одного. Скрутили назад руки.

— Пах, халак-халак! Беда, беда!— крикнула бабушка.

— Что они одурели что ли?— вырвалось у дяди.

— Хозяева начали упрекать приезжих: «Вы все ездите в Улангом. Что вам надо там? Только кровь проливаете, наши священные хуре оскверняете, урянхайцы безбожные! Свободно жить захотели!» Монголы выволокли всех из юрты, а потом всех пятерых нашли в логу, недалеко от аала, по-чингисхански замученными, вытянутые руки были привязаны к палкам.

— Ах, проклятые!— негодуя выкрикнул дядя.

— Хуже зверей,— сказал приезжий.

— Вот вам и святые богомольцы!

— Ах, черт бы вас всех подрал! И что это они так мирно подставили руки этим врагам? Ведь можно же было, хоть кого-то из напавших на тот свет вместе с собой увести!

— А ты откуда обо всех этих зверствах узнал?

— Один монгол очевидец рассказал обо всем,— ответил приезжий.

— Ах, подлец!— в гневном отчаянии выкрикнул дядя и даже вскочил, но тут же сел, не в силах держаться на ногах.

— Кто погиб в этом логу?— опросила тетка, все еще не веря своим ушам.

— Агбан, Делег, Адавастай, Чамзырын, Ичин-Хорлуу...— перечислял по пальцам приезжий.

— О-о! Твои два родные брата среди них,— обернувшись к тетке, простонала бабушка.— Ужас, ужас!..

Тетя, убитая горем, подала свою длинную трубку гостю, прося разделить с ней скорбь.

Я больше не в силах был притворяться и, выскочив из-под рваных шкур нашей постели, сел как изваяние, окаменев от любвиства и страха.

— Не слышал ли кто, что говорили наши храбрецы перед смертью?— спросил дядя Мукураш.

— Говорят, что они упрекали своих мучителей: «Что вы заступаетесь за манчжурских холоуев, которые тоже мучили и шагали по головам нашим, как звери у мертвецов кости обгладывали! А мы-то вас считали своими братьями, добрыми соседями! Мы к вам приехали без всякой черной мысли, как к друзьям. Когда бы у нас было хоть одно темное пятнышко в думах против вас, то мы давно бы вас выгнали с нашей земли, как ветер гонит перекасти-поле. Одумайтесь, что вы творите!»

Но когда они поняли, что привела к гибели их излишняя доверчивость, то бросились со связанными руками на мучителей. Только борьба была неравной, бились они ногами, отчаянно бились. Но разве могли они одолеть сильного врага?.. Говорят, что три или четыре их мучителя все же получили немалые раны и увечья.

Как только приезжий окончил свой рассказ, бабушка снова начала упреки:

— Удивительно, дети, как беззаботно и доверчиво живете вы! Скажите, зачем это понадобилось скакать в аал совсем чужого человека, Ноган-Хуулгана, да еще в такое тревожное время? Ни один разумный мужчина не должен пригубить напиток, даже если чашу поднесет писаная красавица,— пусть сначала хозяин отведает! Этого обычай требует: с одной стороны в знак дружбы, а с другой — в знак верности.

— Подожди, мать браниться!.. Если читать волку длинную молитву, он скажет: «Надолго затянулся этот разговор, даже хромая овца далеко убрела!» — И следом за овцой убежит. Вот ведь в какое времечко живем! Слушать и обдумывать нравоучения некогда, надо действовать. «Мертвому нужны похороны, а плохому коню кнут!» Так чего ради мы сидим сложа руки! Не съездить ли нам «помолиться» к святейшему Ноган-Хуулгану? Что желал взять — взял, но что хотел отдать, пусть отдаст. Я правильно говорю?— спросил дядя Мукураш приезжего зятя.

— Все правильно, только немного запоздал ты, Мукураш. Как только мы нашли погибших и привезли в наш аал, наутро уже ни одного монгольского аала на тувинском берегу Убса-Нура не оказалось: за ночь все на ту сторону успели откочевать. Мы, конечно, послали людей узнать, куда они подевались. Они их догнали, только в схватку открыто вступать не

решились: что могли сделать немногие против многих? Побеспокоили лишь табун Ноган-Хуулгана, лошадей шестьдесят угнали — и все.

— Вот видите! Святой подлец преступление совершил, разжег пожар, а мирные монголы вынуждены из-за него откочевывать с тувинской земли.

Мне не терпелось рассказать обо всем услышанном Арандолу, и я принялся тормозить спящего приятеля.

— Ой, тур! Вставай скорее! Гляди, наши петли с пойманными сусликами коршун потащил!— орал я прямо в самое ухо Арандола, а тот спросонья бормотал что-то невнятное, еле открыв один полупроснувшийся глаз.

— Где! Что ты болтаешь!— А сам снова потянул на плечи сброшенную шубу. Солнце заглянуло в дымоход, зайчики попали на лицо и глаза Арандола, он крепче зажмурился, хотел закрыться с головой, но я сдернул с него шубу и закричал:

— Иди скорее! Я тебе такое расскажу! Совсем необыкновенные новости! Ужас один, какие!— и выскочил из юрты.

Только после этого Арандол, наконец-то, поднялся и вышел следом.

— Что случилось? Рассказывай, из-за чего шум поднял?

— Дербеты пять тувинцев замучили. Слыхал?

— Врешь!..

— Э-э, да я думал, что ты тоже не спал, а притворялся спящим! Э-эх, Арандол, мы с тобой от такого нашего мертвого сна очень многое пропускаем, ходим пустыми бочками! Слушай!..

Пока мы разговаривали, к юртам подскакали четыре всадника, спешили и быстро вошли в юрту Мукураша. Через мгновение вышли, вскочили на лошадей и ускакали. За спинами у них были ружья.

Бабушка вышла следом, молча покачивала головой, глядя туда, где скрылись всадники, а после долго молилась. Наконец она сказала нам:

— Дети, овечек гоните вверх на гору. А в обед обязательно пригоните к юртам. Теперь и двуногие могут ополовинить стадо или вовсе угнать, не хуже волков... Вот житье настало...

Тусклый серый цвет ранней весны в степи наконец сменил праздничный зеленый наряд. Кончилось время пустого чая, коровы снова начали доиться, теперь во всех юртах досыта едят простоквашу, творог, молоко. Лица ребятишек порозовели, а вокруг губ не сходили белые разводы от засохшего молока. Скотина тоже стала заметно красивее: клочкастая тусклая шерсть вылиняла, висела, колеблемая ветром на кустах колючего караганника, а животные покрылись короткой блестящей шерстью, стали резвые, игривые, бока их округлились. Правда, овцы еще с нетерпением ждали, когда же хо-

зьева снимут и с них зимние шубы. Наступила пора стрижки овец.

Но несмотря на тепло и обилие пищи, не было радости и легкости на душе у людей, как обычно в эту пору. Черная туча тревог все еще реяла над нами.

Однажды, когда дядя Шевер, заняв пустую юрту уехавшей на стрижку овец родственницы, приступил к каким-то таинственным занятиям, я тоже пролез в эту юрту и уселся в уголке, следя за тем, что делает дядя. Дядя чистил ружья: проверял порох в патронах, тряс их около самого уха, вытирал и аккуратно складывал в мешочек. Рядом с ним лежала его верная кремневка, до блеска отполированная временем. Сейчас было самое время добычи маральных пантов. Если бы дядя делал это в прежние годы, каждый бы взглянув на него подумал, что все помыслы дяди Шевера сейчас далеко в горах. Теперь же трудно угадать, где его мысли, на какой горе, о каком звере подумывает он?.. Я вертелся вокруг дяди, точно охотничья собака, увидевшая, что хозяин взял ружье. «Милый хороший дядечка, на охоту собираешься? Это хорошо, хорошо, если так, это здорово! Далеко ли путь твой ляжет? Есть ли у тебя на примете добрый помощник?.. Надо же кому-то позаботиться о тебе, когда ты усталый возвратишься, костер разжечь, чай сварить. И зверя надо кому-то гнать на тебя... Не оставляй меня, дорогой дядя! Сердце разорвется, если ты откажешь сопровождать тебя», — хотелось мне крикнуть, как бывало. Но заговорил я совсем не так, как в прошлые годы, когда видел сборы дяди.

— Дядя Шевер, скажи мне: что же на самом-то деле происходит вокруг? Кто в вас стрелял в Улангоме? Одни говорят — китайцы, а другие спорят — русские. А еще, мы слышали, что это были ученики хуре — будущие ламы! А пятерых наших людей убили монголы. Как же тут можно понять, кто с кем воюет, а, дядя?

Дядя посмотрел на меня долгим испытующим взглядом, словно хотел убедиться, я ли это так смело веду беседу. Как два скакуна в узком ущельи, сошлись его черные брови, но путь им преградила глубокая складка. Задумался. А потом вдруг слегка улыбнулся, его брови превратились мгновенно в веселых черных бабочек, разбросивших свои крылья, он опять начал заниматься своим делом.

— Вот вы, оказывается, какие любознательные молодцы! А кто вам сказал, что мы воюем? Разве идет война где-нибудь? Я не слышал.

— Вот так здорово! Еще спрашивает! Всюду — в Западном и в Южном Танну-Оле; и русские, и монголы — все стреляли друг в друга. Да, что ты думаешь, мы совсем маленькие что ли? Разговоры слышим, уши есть! Говорят, будто

еще не то будет, тувинцы с тувинцами скоро воевать начнут, как русские с русскими воюют! Это что за чудо такое?

— Хм!-- удивился дядя.— Значит, вы так и есть мальчишки несмышленые, раз все еще ни в чем не разобрались. Разве с вами можно разговаривать, как с мужчинами?

— Когда в стране война начинается, мальчик, хотя пусть он в люльке лежит, на слышу ее взвалит, да на войну пойдет!.. Что не поймет, не сумеет — у старших спросит, они научат. В сказках так славно рассказывается, что мужчины не таятся, а и меньших ратному делу обучают. Ведь говорят же: «Если отец упадет — сын на его место станет». Если бы дядя мой погиб в бою, его место должен занять Арандол!

— Настоящий мужчина кое-что понимать должен. Мысли свои в такое беспокойное время держать там, под котелком. Шевер постучал меня по лбу.— Слова по ветру не с каждым встречным развевать! Даже схитрить иногда неплохо, простачком прикинуться, словно ты ничего-то и не понимаешь. Вы же во взрослых мужчин превратиться захотели, а сами своими языками на сухой траве пал пускаете! Болтовней панику подняли, в глушь людей откочевать заставили! Вы — точно необученная собака: чуть учует дичь, или просто шум какой-то — давай всюю брехать, требовать у хозяина, чтоб он ее с поводка спустил. А куда бежать, за кем, в какую сторону — сама не знает. А зверь не дурак, дожидаться не станет. Настоящая охотничья собака, если учует кого, к земле прильнет, дышать перестанет, даже уши прижмет к голове, чтоб ее совсем не видно было, и только глазами у хозяина разрешенья просит. Хозяин вперед ползет бесшумно — и она крадется. А если хозяин покажет куда рукой, туда она и помчится послушно, пусть даже чует дичь в другой стороне — она потом оббежит и нагонит. Но не ослушается хозяина. Залает она лишь тогда, когда настигнет зверя, а издали брехать зря не станет. Вот так-то, дружок.— Стараясь отвлечь мое внимание, заговаривал мне зубы дядя.

— Ну, дядя, так ведь потому собак со щенка и учить начинают! Иначе поздно будет. Отвечай мне, прошу тебя!— требовал я.

Как видно, Шевер давно и сам решил всерьез поговорить со мной, да долго проверял мои мысли. Скоро он, продолжая работать, принялся тихо, но вполне серьезно пояснять:

— Ладно, коли так, слушай: прошлою весной, когда вы пахали и сеяли хлеб для китайских чиновников и их солдат, год был урожайный и хлеба выросли богатые, несмотря на плохой посев. Когда наступила пора уборки, опять так же силой согнали тувинское население на уборку. Гнали китайцы людей с побоями и оскорблениями, но, видно, на этот раз переполнилась чаша терпения у наших тувинцев, да тут еще русские по-

дошли, ну и мы вместе с ними выбили в Оттук-Даше весь отряд китайцев. Остатки разбитого отряда собрались в Даг-Ужуне, рассчитывая там спокойно отсидеться, съесть собранный хлеб, забывая тувинский скот. Тут-то из ближних тувинских аалов посъехались храбрецы, я тоже примкнул к ним. Мы внезапно напали на Даг-Ужунский отряд, предупредив тувинцев, чтоб они незаметно, ночью покинули аалы. Установили орудия на горе и здорово покрошили врага! Ну, остатки разбитых отрядов их сдались нам тут же.

— Вот это здорово, дядечка! — обрадованно выкрикнул я. — Как они издевались над нами во время сева! Так и надо им! Дядя Сырбык наверное тоже там с вами был?

— Ты не перебивай, слушай, если интересно. У китайцев, сдавшихся нам в плен, ночью и днем поджилки дрожали. Конечно они не успели забыть, как совсем недавно издевались над теми, у кого теперь в плену оказались! Пришлось отправить их к праотцам — это было справедливо, я думаю. Народ обрадовался этому решению, особенно те, кому довелось с их плетью поближе познакомиться на посевах и уборке.

Из военных мы никого не помиловали, а работников и слуг не тронули. Эти бедняги даже обрадовались, что их начальников больше нет. Немногие из начальников, правда, сумели-таки сбежать под Улангом, где у них были торговые фактории. Там их переловили наши овюрцы. Нам хотелось прикончить всех этих жадных собак, чтобы не дать вывезти наш хлеб да и товары. Надо же было хоть часть отдать людям за труд и оскорбленья.

— Значит в вас стреляли недобитые вами китайцы?

— Нет, не они. Когда мы прибыли на факторию, там не было ни одного военного китайца, даже и купцов не было. Они ютились где-то около хемчикского нойона Буян-Бадьргы, рассчитывая на его помощь, чтоб в Монголию пробраться, а там и в Китай к себе улизнуть.

— Э-э, беда-беда! Они наверное собрали с собой всю пушнину, всех белок, соболей и золото тоже спрятали у Буян-Бадьргы?

— Вот то-то и оно! С одной стороны тувинские нойоны вместе с Бадьргы рассчитывали сами поживиться кое-чем. А еще и то смекали: а ну как эти гоминдановцы дойдут благополучно до манчжурского хана, так у них опять власть в руках будет. А тут они и вспомнят о доброй помощи, оказанной им тувинскими чиновниками, ну и глядишь опять оставят их у власти. Если же пропадут китайцы — опять выгода: товарами с факторий сами воспользуются. И придумали составить такую охранную бумагу, в которой говорилось, чтоб никто не трогал этих факторий. Эту бумагу направили в Улангом с отрядом белых казаков.

А наши знали, что китайцы уже удрали и потому не опасаясь, открыто приехали на факторию. Им и певдомек о черных замыслах тувинских чиновников. Не знали и того, что нойон велел казакам открыть огонь, если кто приблизится. Монгольские чиновники и ламы знали, что написано в бумаге, привезенной казаками. Они тоже готовы были напасть на факторию и пограбить, но тут мы могли встать на пути им. Сам Ногаи-Хуулган тоже прекрасно знал и о бумаге той и о богатых товарах на фактории.

— Ага, значит эти тувинские нойоны и послали убивать своих же тувинцев из-за товаров?— опять громко воскликнул я.

— Да тише ты!— шикнул на меня Шевер.— Если об этом обо всем будешь пускать слова на ветер, не жди доброго! Эти чиновники пока еще тут властвуют и сейчас, будь они прокляты! Чего доброго, перехватают всех и учинят судилище, забыл?

— Ладно, буду молчать,— серьезно пообещал ему я.— Хорошо, что мы с ребятами еще не успели ничего плохого натворить. Тебе давно бы надо было с нами потолковать. А то вы все нас за дурачков и малышей считаете. Если бы не бабушка, так некому бы нас в узде было держать!

— Ты вот толкуешь, что русские с русскими воюют, а почему? Потому что простой русский народ своему белому царю сказал: «Ты плохой царь. Ты своих простых людей только рабами сделал. А теперь мы больше не хотим тебе подчиняться, сами власть возьмем». Ну и создали власть из простых людей, а царя прогнали.

— Вот здорово, а!— крикнул я.

— Тех, кто идет за новую власть у русских и называют красными, а кто за старую — белыми. Красные заставляют всех подчиняться новой власти, а богатые не хотят. И война из-за этого. Ясно?

Теперь я смотрел на своего дядю совсем иными глазами и думал: «Не-ет, мой дядя Шевер не простой человек. Ох, много в его голове правильных мыслей! Теперь я знаю, почему у него такое серьезное лицо, когда он остается один. Видно, большие думы за его лбом ходят...»

— Дядя Шевер, а ты какой?

— Как это «какой»?— оторопело спросил дядя.

— Ну, белый или красный?

— Ну и спросил же, умник! Ведь только что обо всем мы с тобой перетолковали, выяснили все. Настоящий мужчина должен сокровенные мысли крепко про себя держать. А ты тут же все запамятовал и хлещешь напрямик, что в голову взбредет. Ведь и у тебя, я надеюсь, не пустой деревянный хомут на плечах?

— Хорошо, хорошо понял, какой ты! Я ведь тоже такой. Я просто так спросил! — заключил я наш разговор и побежал к друзьям рассказать им кое-что.

Шло беспокойное время. Все мы так или иначе участвовали в событиях, словно наблюдали схватку сказочных великанов — сына Земли Черзи Моге и отвратительного чудовища Адыгыр-Кара-Мангыса, страстно желая победы, конечно, сыну Земли.

Вдруг до нас дошло удивительное известие: в долине Уюк, в местечке Кара-Бяш создано первое тувинское аратское правительство. Тот, кто принес это известие, сказал еще такие слова: «Тысячелетия томившийся в темноте и бесправии народ Тувы впервые обрел самостоятельность и взял власть в свои руки!»

Эти выражения, никогда ранее нами не слыханные, были, правду сказать, не очень-то понятны, не очень-то мы могли представить себе — что такое за ними стоит, что за новая жизнь для нас начнется и скоро ли. Вроде вчера только люди произносили привычные слова: «Я, черноголовый данник белого царя и великого хана, я человек подданный Эжена — живого земного бога...», а сегодня они уже говорят о тувинской революции, о Новом законе, принятом Первым Народным Правительством, по которому все обычные человеческие права принадлежат простым аратам. Невозможно представить, что можно будет забыть о «тужумете» — важном чиновнике с перьями на шишке шапки, о ламе с косою красной нашивкой на груди халата, что можно будет когда-то забыть так часто повторяемые до сей поры молитвы и просьбы к «хуулгану» — чудотворцам, живым богам.

«А может быть сбылись наши моления? — думал я иногда. — Ведь недаром так часто повторяли мы вслед за бабушкой: «Пронеси мимо нас еженского посла, избавь нас от посланника ада!..» Змеиная кожа слезла, суровая година миновала, хорошее повернулось лицом в нашу сторону!..»

Стали доходить до наших аалов не только новые слова, но и песни. Раньше у нас пелись песни чаще всего там, где шаманили шаманы, да еще молодежь на гуляньях пела не только старые знакомые песни, но и сама сочиняла. Но песни, дошедшие до нас из большого мира, как бы принесли в наши степи дыхание этого мира: «Вставай, проклятьем заклеяменный, весь мир голодных и рабов!..»

Это было почти про меня. Может быть поэтому я теперь особенно много размышлял об услышанном, об этих песнях и еще о человеке, которого звали Ленин.

Бывало, пасу скот в горах, далеко-далеко все видно — и на душе хорошо, надежды какие-то появляются, несбыточные мечты. Ведь все говорят, что у русских Ленин изменил жизнь,

что теперь там все живут по-другому, все счастливы. Про него рассказывают много удивительных вещей, как про сказочного героя, но он не сказочный герой, он живой человек — вот что самое удивительное!

Я представлял, как Ленин приехал бы сюда, к нам, и тоже совсем переменял нашу жизнь. И что я сыт, и одет, и обут не в разнос, а в красивую новую одежду. Смешные мечты голодного оборванного мальчишки — но что я знал тогда, какой еще я мог придумать свою будущую счастливую жизнь!.. Сыт, обут, одет...

Ну, а что произошло с Тувой и тувинцами на самом деле не могло никому из нас присниться даже в невероятных снах. Про себя же я и подавно подумать не мог, что стану тем, кем стал теперь, что проживу такую жизнь, какую прожил. Но об этом я расскажу в другой раз.

Сергей ПЮРБЮ

ЛЮБОВЬЮ НАДО ДОРОЖИТЬ

(Музыкальная драма в 3-х действиях, 8 картинах)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Маспыкай Иргит Кончукович — работник райисполкома, 35 лет.

Нина — его жена, 25 лет.

Деспижек Владимир Чыдымбаевич — заведующий районной заготконторой, 40 лет.

Елена Чыргаловна — его жена, 35 лет.

Севиль Чамбаевна — фельдшер, 47 лет.

Анай — ее дочь, 20 лет.

Санданак Андрей — работник заготконторы, 26 лет.

Дилгижек Макар — продавец, председатель месткома, 22 лет.

Хорлугбай Шымбай Чыргалович — колхозник, 49 лет.

Тетушка Манма — уборщица, 48 лет.

Анарат Начын Хулеролович — председатель колхоза.

В эпизодах заняты колхозники, колхозницы и молодежь. Время действия конец пятидесятых и начало шестидесятых годов. Место действия в одном из районных центров и колхозе.

ВВОДНАЯ КАРТИНА

Как только гаснет свет, звучит вальс. За сценой слышится звонкий девичий смех. Перед занавесом выбегает на середину сцены Нина в белом шелковом платье.

Нина (оглядывается и зовет). Иргит, Иргит! Если ты не догонишь, то, честное слово, убегу домой!

Маспыкай (выбегает). Я тебя все равно догоню! Увидишь! *(Хочет ее поймать, но она вывертывается и убегает. Маспыкай следует за ней.)*

Через некоторое время из-за кулис vyplывают в вальсе Нина с Маспыкаем.

Н и н а. Я пожалела тебя. Иначе бы ты меня ни за что не догнал.

М а с п ы к а й. Обязательно догнал бы! Я тебя из-под земли достану и с неба сниму. Не уйдешь от меня. *(Останавливаются посредине сцены.)*

Н и н а. Правда?

М а с п ы к а й. Клянусь. Я же очень люблю тебя. *(Обнимает, хочет поцеловать.)*

Н и н а. Ой! ой! *(Маспыкай отпускает Нину. Она смеется и отходит в сторону. Маспыкай хватает ее за руку.)*

М а с п ы к а й. Как быть, Нина? До каких пор ты будешь мучить меня? Сколько мне еще ходить из района к тебе в колхоз? Может просто забавляешься?

Н и н а *(подумав)*. Я люблю тебя, Иргит. Мама не разрешает выходить замуж, пока не получу образования.

М а с п ы к а й. Матери все такие, Нина. Они считают своей обязанностью мешать любви своих дочерей. И твоя мама сначала посердится, а потом смирится. Куда она от нас денется?

Н и н а. О, ты не знаешь мою маму. Она только кажется строгой, а так душа у нее мягкая. А любовь мою она никогда не расстроит. Она только хочет, чтобы у меня была специальность.

М а с п ы к а й. Можно заочно учиться. Целые дни будут в твоём распоряжении, знай учишься. А уж по дому у нас с тобой работы будет совсем немного.

Н и н а. Нет, Иргитушка. Жена не должна жить на иждивении у мужа. Она также должна работать. Когда люди думают — дело жены только кухня — это понятие отсталое.

М а с п ы к а й. Правильно, Нина. Но так будет до тех пор, пока ты не закончишь учебу. Заочная учеба — это тоже труд общественный.

Н и н а. Ха! Ты рассуждаешь так, как будто мы уже поженились. Я тебе еще слово не давала.

М а с п ы к а й. Без тебя у меня жизни нет, Нина. День и ночь я думаю о тебе.

Н и н а *(улыбаясь)*. Я тебе фотокарточку свою подарю. Ты и гляди на нее.

М а с п ы к а й. У меня есть твое фото. Смотри. *(Вытаскивает карточку.)*

Н и н а. Где ты взял?

М а с п ы к а й. Если любишь, со дна морского достанешь. Ты — моя мечта. Я всегда хочу видеть твои глаза, лицо, слышать твой серебристый голос, я не могу без тебя жить.

Н и н а. Ты стихами заговорил.

М а с п ы к а й. О тебе не только стихами готов я говорить, Нина. Ты заполонила меня. *(Обнимает Нину. Она кладет го-*

лову на его грудь. Слышен вальс. Маспыкай и Нина стоят обнявшись.)

Ташуя, уходя, за кулисы.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Кабинет заместителя председателя райисполкома. Слева большой письменный стол, к которому приставлен другой, длинный стол. На нем графин с водой. Вокруг стола четыре-пять стульев. Вблизи от входной двери висят карты района и республики. Диван. В правом углу шкаф с книгами. Два окна. На письменном столе телефон, папки, газеты, бумаги. Маспыкай один. Он одет по моде. Просматривает газету. Отбросил газету, встал, прошелся по кабинету, о чем-то думая подошел к окну, снова сел. Берет телефонную трубку.

М а с п ы к а й. Алло! Алло! Станция? Что за безответственность? 15 минут звоню и никакого результата. Соедините меня с колхозом «Теректиг». *(Небольшая пауза.)* Алло, алло! «Теректиг»? У вас в конторе всегда пусто? Мне товарища Анарата! Куда уехал? Как не знаете, куда он уехал? Чтобы впредь таких беспорядков не было! Пусть докладывает, куда едет и когда вернется. Как только появится, скажите, чтобы немедленно позвонил мне, Маспыкаю. *(Положил трубку. Задумался. Телефон звонит. Берет трубку, отвечает низким голосом, гордо.)* Алло! Маспыкай. Кто это? *(Услышав, кто с ним разговаривает, меняется, привстает с места, будто разговаривающий зашел к нему в кабинет, волнуется и заискивающим тоном продолжает телефонный диалог.)*

— Здравствуйте, здравствуйте, дарга! Да, да, дарга! Работы у меня по горло. Конечно, дарга, без опоры на актив просто невозможно. Будьте спокойны, примем все меры, дарга. До свиданья, дарга. *(Осторожно кладет трубку, вытирает пот. Смотрит на газету. Взгляд падает на шахматную задачу. Он берет карандаш и начинает разгадывать ход).* Мат в три хода... Сюда конем... Так... А сюда...

Открывается дверь. Маспыкай быстро кладет газету в стол и делает вид, что он что-то ищет, роясь в бумагах. Входит Санданак. Он в сапогах и куртке.

С а н д а н а к *(стоит у двери)*. Здравствуйте, дарга.

М а с п ы к а й *(смотрит на Санданак)*. Вежливо). Привет, товарищ Санданак. Проходите сюда. *(Жестом приглашает садиться.)* Ну, что у вас?

С ан д а н а к (сел). У меня один деловой вопрос, дарга. М а с п ы к а й. Пожалуйста, поконкретней.

С ан д а н а к. У нас есть пастух, зовут его Арбаккай. Работает из рук воп плохо... Пьет. Скот у него тощий. Животных, что поунитаннее, меняет на худых. Вообще занимается темными делишками...

М а с п ы к а й. Ну и что? Вы хотите, чтобы райисполком нашел вам другого пастуха? Разве начальник заготконторы самостоятельно не сможет решить этот вопрос?

С ан д а н а к. Я не ставил такого вопроса, дарга.

М а с п ы к а й. Так с чем же вы пришли?

С ан д а н а к. Я пришел с жалобой на Деспижека. Несколькo раз об Арбаккае говорил ему. Но все безрезультатно. Товарищ Деспижек взял его под свою защиту. Даже премирует за какую-то хорошую работу. Я думаю...

М а с п ы к а й (прерывая). Хорошо. Проверим. (Что-то записывает в блокнот.) Раз поставлен вопрос, мы должны на него ответить. У вас все?

С ан д а н а к. Все, дарга.

М а с п ы к а й. Ну, что ж, байырлыг.

С ан д а н а к. До свидания, дарга. (Уходит.)

М а с п ы к а й (о чем-то озабоченно думает, берет телефонную трубку). Алло! Станция? Соедините с заготконторой. Номера не знаю. Я не телефонист. (Пауза.) Алло! Кто это! Товарищ Деспижек? Маспыкай. Немедленно явись ко мне. Очень важный вопрос. Тебя касается. Да, да. (Положил трубку, сидит. Поглядывает на часы. Встает. Расхаживает бесцельно по кабинету, потом подходит к карте, рассматривает, возвращается к столу. Берет бумагу. Пишет. Прочитав написанное, рвет и бросает в корзинку. Немного погодя, снимает телефонную трубку и кладет обратно).

Входит Деспижек. На нем серый в крапинку костюм и пестрый галстук.

Д е с п и ж е к (у двери). Здравствуй, Иргит Кончукович. (Раскланивается.)

М а с п ы к а й. Привет, привет. Проходи, садись. (Выгаскивает блокнот.) У вас есть пастух Арбаккай?

Д е с п и ж е к (настороженно). Есть, дарга. А что?

М а с п ы к а й. Как он работает?

Д е с п и ж е к. За хорошую работу премирован. Он уже много лет трудится в заготконторе.

М а с п ы к а й (смотрит в блокнот). Поступили сигналы, что он плохо работает, ворует, ну и так далее...

Д е с п и ж е к. Кто же это так бессовестно клеветет. Иргит Кончукович? Уверяю вас, все это вранье, беспочвенно. В нашем коллективе Арбаккай все знают. Он настоящий...

М а с п ы к а й. Суть дела не в нем. Вопрос ставится о тебе. Пока предупреждаю тебя по-товарищески. Если не примешь надлежащих мер к Арбаккаю, тебе же хуже будет.

Д е с п и ж е к. Ваше высокое доверие, Иргит Кошчукович, я постараюсь оправдать.

М а с п ы к а й. Словом, сделай соответствующий вывод. За этим я тебя и вызывал товарищ Деспижек. У тебя ко мне есть еще вопросы?

Д е с п и ж е к. Нет, дарга.

М а с п ы к а й. В таком случае, байырлыг.

Д е с п и ж е к. До свидания. *(Кланяется и прощается с Маспыкаем, пожимая ему руку обеими руками. Уходит.)*

М а с п ы к а й *(смотрит ему вслед)*. Не поймешь этого Деспижека, как хамелеон, меняется. Есть в нем хорошая черта, со всем соглашается, исполнительен, знает свое место. Но с нижестоящими работниками не церемонится. *(Садится. Смотрит на часы, продолжительно зевает. Открывается дверь. Маспыкай хватается за ручку и начинает писать.)*

Входит Анарат. В одной руке держит ведро.

А н а р а т *(ведро ставит около стенки)*. Здравствуйте, дарга. *(Здоровается за руку.)* Вас можно поздравить, кажется? *(Садится.)*

М а с п ы к а й. С чем?

А н а р а т. Как с чем? С назначением на пост заместителя председателя райисполкома.

М а с п ы к а й. А-а, я же только исполняю обязанности зама.

А н а р а т. Это не имеет значения.

М а с п ы к а й. Да, конечно. Ну, с чем вы?

А н а р а т. Тяжба у меня, дарга.

М а с п ы к а й. Что за тяжба, с кем?

А н а р а т. Хотим поднять уровень воды и расширить оросительную канаву.

М а с п ы к а й. Очень хорошо.

А н а р а т. Она может орошать и поля колхоза «Кызыл-Тук». Я предлагаю им сделать канаву межколхозной. Но они ни в какую не соглашаются.

М а с п ы к а й. Вопрос щекотливый и сложный. Его следует изучить основательно. Посоветуемся с соответствующими организациями. Вот так. Мы примем все меры.

А н а р а т. Это необходимо, дарга.

М а с п ы к а й. Все у вас? Вопросов больше нет? Байырлыг.

А н а р а т. Еще одно, дарга. *(Ставит ведро на стол.)* Возьмите это, Анай послала своей сестре.

М а с п ы к а й (с интересом). А что это?

А н а р а т. Клубника.

М а с п ы к а й (разочарован). Клубника?

А н а р а т. Да. На квартиру к вам ходил. Нины дома нет. Она работает?

М а с п ы к а й. Нет. Наверное в магазин ушла. Больше некуда.

А н а р а т. Почему бы ей не поработать, дарга? Детей нет. Она молода, ей трудиться необходимо.

М а с п ы к а й. Учится заочно в сельхозтехникуме.

А н а р а т. А я слышал, будто бы ее отчислили.

М а с п ы к а й. О, нет. Снова поступила. Пока об ее трудоустройстве вопрос отпадает. Это будет мешать учебе...

А н а р а т. Оно, конечно, тоже верно. До свидания, дарга. (Уходит.)

М а с п ы к а й (смотрит Анарату вслед недружелюбно, ворчит). Пройдоха же этот Анарат. Ничто от него не скроется. Везде сует свой нос. Ишь ты! Узнал, услышал, поучает — работать надо. Не все ли ему равно? (Берет ведро в руки. Смотрит в него.) Как с ним идти по улице? Пусть сама приходит и заберет. Позвоню. (Берет телефонную трубку.) Алло! Станция! Маспыкай. Соедините с моей квартирой. Как не отвечает? Звоните хорошенько. До сих пор ее дома нет. Что за черт? Куда уперлась? А, может, неспроста похаживает. (Смотрит вверх, думает, поднимает указательный палец.) Ээ! Надо принимать меры!

Н и н а. Какие меры хочешь принимать, Иргит?

М а с п ы к а й (вздрагивает). Где ты целыми днями бываешь, Нина?

Н и н а. В отдел культуры ходила...

М а с п ы к а й (возвышает голос). Зачем?

Н и н а (подходит к столу). Почему сердиться, Иргит? Что случилось.

М а с п ы к а й. Кажется я спрашиваю, а ты отвечай. Что тебе понадобилось в отделе культуры?

Н и н а. Хочу устраиваться там на работу. Пришла посоветоваться с тобой.

М а с п ы к а й. А ты подумала о том, что эта работа тебе не подходит.

Н и н а. Почему не подходит?

М а с п ы к а й. Не под-хо-дит. И точка.

Н и н а. Объясни, Иргит, почему?

М а с п ы к а й. Ты будешь разъезжать по клубам, дневать и ночевать в колхозах, а дом свой бросишь?

Н и н а. Как бросишь?

М а с п ы к а й. Думать надо. Ты человек семейный.

Н и н а. Как же быть? Я и так четыре года хозяйничала в твоём доме, стирала, мыла, стряпала для тебя. Сколько же еще так может продолжаться.

М а с п ы к а й. По-твоему быть хозяйкой в доме зазорно? Чего тебе не хватает? Денег, одежды?

Н и н а (*сдерживая гнев*). Если ты человек, то и я не раба, Иргит. Хочу жить по-человечески.

М а с п ы к а й. Что тебе мешает жить по-человечески?

Н и н а. Многое.

М а с п ы к а й. Говори поконкретнее.

Н и н а. Пожалуйста. Учебу бросила. Раз. От общественной работы оторвалась. Два. С головой окунулась в кухонные дела. Живу без интереса и цели. Три. Ну, хватит, пожалуй.

М а с п ы к а й. Будешь ты работать или не будешь, государство от этого, думаешь, пострадает?

Н и н а. Погоди, Иргит. По твоей странной «теории» выходит всем можно не работать?

М а с п ы к а й (*растерянно, раздраженно*). Я... Я.. Только о тебе речь веду. Понятно? Ни знаний, ни опыта у тебя нет. Как ты этого не понимаешь?

Н и н а (*сердится, но держит себя в руках*). А ты мне не скажешь, по чьей вине я осталась без образования?

М а с п ы к а й (*не обращает внимания на состояние жены*). Совсем необязательно кончать университет, чтобы сидеть дома и чай варить. Не велика наука!

Н и н а (*эти слова принимает, как удар. Несколько мгновений молчит. Глядя прямо в глаза Масыкаю, отчеканивает*). Нет и нет. Чай варить мне осточертело. Больше я не могу быть только прислугой. Спасибо, сыта по горло!

М а с п ы к а й. Что ты корчишь из себя.

Н и н а. С завтрашнего дня я приступаю к работе. Вот приказ. (*Насмешливо*.) Можешь меня поздравить.

М а с п ы к а й (*злится*). А ты не очень заносись. Знай сверчок свой шесток. Слышала! Я сам укажу и место твое и работу твою.

Н и н а (*с вызовом*). Скажи, пожалуйста! Я никогда не думала, что ты такой... такое ничтожество! (*Быстро уходит*.)

М а с п ы к а й (*схватывает ведро*). Ой, ой. (*Кричит ей вслед*.) Возьми свое добро!

ВТОРАЯ КАРТИНА

Гостиная в доме Деспичеков. Прямо — дверь в спальню. Налево — дверь в кухню. На правой стороне два окна с тюлевыми занавесками. Посредине гостиной большой круглый стол, покрытый ярко-синей с разводами бахромчатой скатертью. У стены стоит диван с множеством расшитых

подушечек. На стенах висят дешевые натюрморты. В углу зеркало, разукрашенное бумажными цветами. Деспижек с женой выходят из спальни. На нем черный костюм, шляпа. Жена в длинном шелковом халате золотисто-желтого цвета.

Елена Чыргаловна. Погоди, Славик. Встань вот тут, я посмотрю, как ты одет. *(Деспижек стал посередине комнаты. Жена его критически оглядывает со всех сторон.)*

Деспижек. Слушай, Елена, что это значит? То Владиком, то Славиком меня величаешь. У меня в паспорте написано Владимир.

Елена Чыргаловна. Владимир это грубое и некрасивое имя. А Владислав — это прекрасно звучит. Меня ты зовешь Леной. Это вульгарно. Сколько раз говорить тебе. Зови меня Элеonorой.

Деспижек *(раздражен)*. От таких имен язык поломаешь. Что Властик, что Сластик, зови как угодно. *(Направляется к выходу.)*

Елена Чыргаловна *(строго)*. Стоп! Этот галстук совсем не подходит к костюму. Надень пестрый.

Деспижек *(ему явно неприятен этот разговор)*. Солидному мужчине пестрый галстук не идет, Э-ле-но-ра. *(Собирается уйти.)*

Елена Чыргаловна. Тебе еще сорока нет. Подумаешь, «солидный мужчина».

Деспижек. Как сорока нет? Разве ты забыла? Не задерживай, я опаздываю.

Елена Чыргаловна *(смотрит на ручные часики)*. Верно, верно. Иди скорей. Пошли мне быстренько тетушку Манма. А уж потом занимайся своими делами.

Деспижек. Почему так срочно? Она находится на службе.

Елена Чыргаловна. Фи! Уборщица конторы, скажи пожалуйста, нашел тоже службу.

Деспижек. Не забывай, милочка, что я в районе руководящий работник и надо меру знать. Она может пожаловаться, что я использую свою должность в личных интересах и т. д.

Елена Чыргаловна. Хватит болтать. Ступай. *(Подталкивает мужа к выходу.)* Она не первый раз у меня работает. Рот заткну кусочком мяса и рюмкой водки. Вот и весь разговор с этими бабами. *(Деспижек уходит. Она, кружась в вальсе, подходит к зеркалу. Напевает какую-то мелодию и поправляет модную прическу.)* Боже мой! Что это? *(Рассматривает себя в зеркале.)* Никак морщины появились. Еще этого не доставало! *(Убегает в комнату, приносит баночки с кремами и пудрой. Разглаживает лицо, покрывает его кремом и пуд-*

рой. Любуется собой.) Нет, честное слово, я еще не стара. Даже двадцатилетним девицам не уступлю. Пока еще молодо выгляжу. *(Вальсируя, берет гитару со стены, садится на диван, играет и поет.)*

Кто-то стучит в дверь. Елена Чыргаловна соскакивает с места с гитарой в руках. Входит Санданак. На нем курточка с застежкой «молния», сапоги. Одет по-дорожному.

С а н д а н а к *(стоит около двери)*. Здравствуйте.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а *(в смущении поправляет воротник халата)*. Здравствуйте. Извините, я еще не одета. Проходите сюда. *(Гитару кладет на диван. Подставляет Санданак стул.)*

С а н д а н а к. Ничего. Постояю. Не беспокойтесь. *(Стоит.)* Деспижек-дарга дома?

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Ушел на совещание в райком. *(Смотрит на часы.)* Скоро должен прийти. Садитесь и подождите. *(Указывает на стул.)*

С а н д а н а к. Важные дела у меня. Придется подождать. Не знаете, о чем совещание? *(Садится.)*

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. У них в день по несколько совещаний, кто их знает, о чем они говорят. *(Подошла к столу.)* О чем вы хотите с ним разговаривать? *(Кокетливо.)* Не секрет?

С а н д а н а к *(после паузы)*. Какой может быть секрет. По служебным делам.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Сегодня суббота, рабочий день давно закончился. Что за срочность? *(Внезапно хохочет.)*

С а н д а н а к *(усмехнувшись)*. И в будни, и в праздник приходится заниматься делами. Такая доля моя.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. В таком случае, мне вас жаль... Забыла, как вас зовут...

С а н д а н а к. Андреем.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. По отчеству?

С а н д а н а к. Просто Андрей. С меня и этого хватит. А как вас величать? Недавно я в здешних местах. С вами еще не встречался.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Меня зовут Элеонорой Чыргаловной. Вот мы и познакомились. Андрей Демидович, дайте вашу руку. *(Санданак в смущении жмет ее руку. Стук в двери. Елена Чыргаловна отходит от Санданака. Входит тетушка Манма. Она просто, но опрятно одета.)*

М а н м а *(у двери)*. Здравствуйте, уважаемые.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Здравствуй, тетушка. Хорошо, что пришла *(смотрит на часы)*. Сегодня вечером в гости к Славику придет большой начальник, его друг. Я страшно волнуюсь. Помогите мне, тетушка.

М а н м а. За тем и пришла. Что делать?

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Иди сюда (*направляется в кухню*). Не обижу. Вознагражу.

М а н м а. Ладно, ладно. (*Уходит в кухню.*)

С а н д а н а к (*один. Встает. Рассматривает комнату*). Крепко живут. (*Подходит к картинам.*) Только вот картины аляповатые. (*Подходит к дивану, берет гитару и берет один аккорд. В это время входит Елена Чыргаловна.*)

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Сыграйте что-нибудь. Я обожаю музыку.

С а н д а н а к (*заинтересованно*). Неужели?

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Могу слушать ее без конца.

С а н д а н а к. Так почему же не бываете на концертах Дома культуры, Элеонора Чыргаловна?

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Я хожу только на концерты настоящих артистов. Очень люблю слушать произведения Глинкина, Шостаковского, Чайковича и других.

С а н д а н а к (*кладет гитару на диван*). А-а... В таком случае, я не подхожу. Не достоин.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Настоящему мужчине не к лицу обижаться. (*Отдает ему гитару.*) Сыграйте одну песенку. (*Умоляюще смотрит на Санданака.*) Я очень прошу вас.

С а н д а н а к. Я только в хоре участвую, один не пою.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а (*ласково*). Дама вас спрашивает, а вы отказываетесь. Неужели вы такой упрямый? Прошу, умоляю вас, Андрей Демидович!

С а н д а н а к (*раздраженно*). Не умею с дамами обращаться, извините.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Неужели вы никогда не пели для своей любимой девушки?

С а н д а н а к. Это совсем другое дело.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а (*обиженно*). Значит, вы считаете, что я стара и недостойна.

С а н д а н а к. Что вы, что вы! Даже в мыслях ничего подобного не было...

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а (*не дав ему договорить*). Тогда я на правах дамы требую: пойте! (*Топает ногой.*)

С а н д а н а к. Хорошо играете роль дамы.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а (*не поняв иронии*). Разумеется. Не думайте, что я такая отсталая. Со школьной скамьи я вращаюсь в кругу культурных, образованных и передовых людей. Спойте, Андрюша.

С а н д а н а к. Может плоховато выйдет, но я вам сыграю. (*Во время пения Елена Чыргаловна, сидя на стуле напротив Санданака, смотрит на него восхищенными глазами. Входит Деспижек с полной сумкой, из которой виднеются горлышки бутылок.*)

Д е с п и ж е к (*встал как вкопанный*). Что за концерт развели? (*Все молчат. Деспижек с недовольным видом идет к кухне и отдает сумку Манме. Строго обращается к Санданак.*) Товарищ Санданак, здесь не клуб, а частная квартира. Понимать надо.

С а н д а н а к (*встает. Кладет гитару. С укоризной смотрит на Елену Чыргаловну*). Понимаю, дарга. Извините, виноват. Но я пришел к вам по делу.

Д е с п и ж е к. Па! Рабочий день давно закончился. Здесь не учреждение. И какие у вас могут быть дела?

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Я ему то же самое говорила, но он сказал, что чрезвычайно важное дело у него. (*Уходит в кухню.*)

Д е с п и ж е к. Выкладывайте.

С а н д а н а к. Завтра культбригада поедет по колхозам. Я участвую в концерте.

Д е с п и ж е к. Езжайте на здоровье. В общественной работе надо принимать участие, если, конечно, это не вредит основной работе. Об этом меня совсем не обязательно спрашивать.

С а н д а н а к. Я хочу попутно и нашу работу проводить. Подпишите удостоверение.

Д е с п и ж е к (*подумав*). Нет. Это ни к чему. Да и какая там у тебя работа может быть, когда ты будешь песни распевать. Хочешь два горошка на одну ложку поймать. Не советую. Не одобряю.

С а н д а н а к. Я бы к чабанам съездил. Проверил бы слухи насчет Арбаккая. Я думаю...

Д е с п и ж е к (*обрывая*). Только что сам проверял. Слухи ложные и необоснованные. Завистливые людишки опорочили Арбаккая. У тебя ко мне вопросов больше нет?

С а н д а н а к. Не имеется, дарга.

Д е с п и ж е к. Ты не суйся не в свои дела, а лучше пой. До свидания!

С а н д а н а к. Вот оно что. Но об этом мы еще поговорим. До свидания. (*Уходит.*)

Д е с п и ж е к (*вслед*). Ишь ты. Хочет испугать меня.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а (*выходит из кухни*). Славик, почему ты так грубо разговаривал с ним? Он же ни в чем не виноват.

Д е с п и ж е к. Ему лишь бы день провести. Удостоверение понадобилось. И петь хочет, и командировочные получать. Я сразу его раскусил. Не вышло. Он себе на уме.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Успокойся, право! Ты всегда с людьми бываешь груб.

Д е с п и ж е к. Ты хозяйка, знай свои домашние дела, а в другие не суйся.

Елена Чыргаловна (*сердито*). Что значит, не суйся. Что бы ты стал делать без меня, проклятый тип? Это я тебя через родных и знакомых вверх тяну. Забываешь, дружок!

Деспижек. Зачем об этом вспоминать?

Елена Чыргаловна. Эх, ты! Вы поглядите. Ни стыда, ни совести. Если б в прошлом году я тебя сюда не притащила, полетел бы с треском. И сейчас это может случиться. Ты что, хочешь этого?

Деспижек. Нет, конечно, милая. Не горячись, моя лапушка, душечка, Элеонора.

Елена Чыргаловна (*обрадованно*). Если так, то целуй меня. (*Деспижек целует жену.*) Ой, надо спешить! (*Смотрит на часы.*) Гости могут пожаловать. Надо переодеться. (*Уходит в комнату.*)

Деспижек (*один*). Моя Элеонора просто прелесть! Хорошая хозяйка и ум у нее министерский.

Елена Чыргаловна (*выходит переодетая, подходит к зеркалу, прихорашивается*). Сейчас нагрянут гости. Иди накрывай стол. Славик, ты о подарках нашим гостям подумал?

Деспижек. Что-нибудь сообразим.

Елена Чыргаловна. Я слышала, его будут назначать заместителем председателя райисполкома.

Деспижек. Уже назначен.

Елена Чыргаловна (*подбегает к мужу*). Тем более. Надо что-то сунуть им.

Деспижек. Подарочек должен быть ощутимым. Ну, думай, мой дипломат. Что подарим? (*Стук в дверь.*) Ойт, пришли! (*Встает. Одергивает костюм. Входят Маспыкай и Нина. Он в сером костюме, в руках держит бумажный пакет. Она в голубом платье. Здравуются.*)

Маспыкай (*здоровается с Еленой Чыргаловной*). Извините за опоздание. (*Разворачивает бумагу, подает хозяйке бутылку шампанского.*) Примите.

Елена Чыргаловна (*берет в руки бутылку*). Благодарю вас за то, что вы пришли в гости в нашу хижину. А у нас еще не все готово. Извините. (*Уходит в кухню.*)

Нина (*рассматривая диванные подушки*). Елена Чыргаловна мастерица.

Елена Чыргаловна (*выходит из кухни, смотрит на часы*). Соловья баснями не кормят, кажется? Прошу к столу, уважаемые гости, чем богаты, тем и рады.

Деспижек. Дорогие друзья, сегодня ровно год, как я приехал в этот район. Кроме того к нам пожаловали вы, наши дорогие гости, Иргит Кончукович и Нина Делгеровна! У нас двойной праздник сегодня. Прошу вас к столу. (*Открывает дверь. Все уходят.*)

Занавес.

Декорация второй картины. Из раскрытой двери слышатся возбужденные голоса.

Д е с п и ж е к. Вы меня не поняли, дарга. Я хотел сказать, что в нем надо обязательно разобраться.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Не спорьте, товарищи. Давайте лучше все вместе споем. *(Берет гитару. Запевает.)*

Н и н а *(смотрит на часы)*. Ой, пора домой. Собирайся, Иргит. Уже поздно.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а *(смотрит на часы)*. Ах, разве это поздно? Даже 12 нет. Нина Делгеровна, пойдемте в спальню и посекретничаем о своих женских делах. *(Нина и Елена Чыргаловна уходят.)*

Д е с п и ж е к. Пусть дамы побеседуют наедине. У нас тоже свой разговор. Вот уж двадцать два года, как я нахожусь на государственной службе.

М а с п ы к а й. Давненько тянете лямку. А мне еще далеко даже до половины вашего стажа.

Д е с п и ж е к. За это время с какими только начальниками мне не приходилось работать.

М а с п ы к а й. Это естественно.

Д е с п и ж е к. А начальники бывают разные.

М а с п ы к а й. Разумеется. У каждого своя манера, свой стиль.

Д е с п и ж е к. Но такого даргу как вы, я еще не встречал, Иргит Кончукович.

М а с п ы к а й *(с амбицией)*. Чем же я хуже прочих? Говорите.

Д е с п и ж е к. Вы удивительный человек, Иргит Кончукович! Вы, как магнит. Умеете притягивать к себе человека. В вас веришь, дарга.

М а с п ы к а й *(гордо)*. Иначе нельзя. Партия нас этому учит.

Д е с п и ж е к *(распаяясь)*. Вы настоящий партийный руководитель. Вы и председателем райисполкома можете работать. Это мое убеждение. Да и каждый так думает.

М а с п ы к а й. Буду я или не буду председателем, дело не в этом. Хочу предупредить, если не будешь осторожен, не сдобровать тебе, дружок.

Д е с п и ж е к *(с опаской)*. О чем вы, дарга?

М а с п ы к а й. Факты насчет Арбаккая подтвердились. Работает он плохо, да и мошенник, говорят. Если не примешь меры, тебе не поздоровится.

Д е с п и ж е к *(испуганно)*. Как быть, дарга? Может, выгнать его с работы?

М а с п ы к а й. Сделай ему предупреждение или выговор. Этим опередишь события и оградишь себя.

Д е с п и ж е к (*обрадованно*). Правильно, дарга, правильно. Лучше не придумаешь.

М а с п ы к а й. У меня к тебе товарищеская просьба.

Д е с п и ж е к (*с готовностью*). Какая, дарга?

М а с п ы к а й. Нина моя на работу поступила. И с головой ушла в работу клуба, да в агитбригады. Дома днем с огнем не сыщешь. Ничего не могу с ней сделать. Поговори с Еленой Чыргаловной, пусть повлияет.

Д е с п и ж е к. Елена Чыргаловна у меня сумеет уговорить. Моя Элеонора дьявола проведет. Сила!

Нина и Елена Чыргаловна входят.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Славчик, гости собираются домой. Пора и стремена подтянуть. (*Что-то шепчет на ухо Деспижке и уводит в спальню.*)

Д е с п и ж е к (*на ходу*). Конечно. Как же иначе! Эй, тетушка Манма! Выноси-ка сюда шампанское. (*Манма из кухни выносит на подносе бутылку шампанского, бокалы и ставит на стол.*) Елена Чыргаловна выходит из спальни с бумажным свертком.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Гостя не положено отправлять с пустыми руками. Нина Делгеровна, примите в знак дружбы и уважения. (*Подает Нине сверток.*)

Н и н а (*не берет*). Мы еще не так близки, чтобы друг от друга подарки принимать. Неудобно. Нет, нет, Елена Чыргаловна, извините, я не могу принять подарок.

М а с п ы к а й. Что ломаешься, как копеечный карандаш. Люди тебе уважение оказывают, а ты... бескультурная, а еще считаешь себя работником культуры!.. (*Из рук Елены Чыргаловны берет сверток и отдает Нине.*) На, держи.

Н и н а (*берет брезгливо сверток, еле слышно произносит*). Спасибо... Елена Чыргаловна.

Д е с п и ж е к. От меня дорогим гостям в подарок будет овца.

Н и н а (*упрашивает*). Пойдем, Иргит. Ведь поздно. (*Сверток кладет на диван.*)

Д е с п и ж е к (*разливает вино*). Ну что вы торопитесь, как на пожар? Выпейте на посошок, чтобы в езде ноги крепко упирались в стремена, руки цепко держали поводья. Пейте, пейте все до дна. (*Кроме Нины, все пьют.*)

Н и н а (*ставит бокал на стол*). Я говорю тебе — пойдем. Что за человек ты, Иргит!

М а с п ы к а й (*сердито*). Что ты гонишь меня, будто у тебя семеро по лавкам. Куда ты так спешишь? А?

Н и н а. Я ж тебе говорила, что завтра рано утром уезжаю. М а с п ы к а й. Что ты будешь делать в своей культбригаде? Опять свои песни распевать. Подумаешь, соловей.

Н и н а (*с трудом сдерживаясь*). Спасибо, Елена Чыргаловна, за угощение. (*Быстро уходит.*)

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Мы, женщины, любим ласку. Если будете только угождать ей, она все сделает так, как вам надо. Понимаете?

М а с п ы к а й. Что только я не делал. Теперь стало невозможно. Попробую ваш совет, байырлыг. (*Прощается за руку.*)

Д е с п и ж е к (*подает ему сверток*). Забыли взять, дарга.

М а с п ы к а й (*берет сверток*). Благодарю! Не забудь мою просьбу, друг. Байырлыг (*уходит*).

Манма выходит из кухни, начинает убирать со стола.

Д е с п и ж е к. Эй, жена, что-то подарок мы подсунули им слишком дорогой.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Игрок всегда рискует. Один раз проиграет, другой выиграет. Зато Маспыкай-дарга теперь в твоих руках. Ты в выигрыше и жалеть не о чем. (*Продолжительно зевает.*) Пойдем спать.

Манма выходит из кухни без фартука. Подходит к столу. Берет стакан. Задумывается.

М а н м а (*качая головой, осудительно*). Эх, люди!.. (*Уходит.*)

Занавес.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

Комната в квартире Маспыкай. В убранстве нет ничего лишнего. Порядок и чистота бросается в глаза. Посередине небольшой круглый стол. На столе ваза с букетом полевых цветов. В углу этажерка с книгами. Прямо два больших окна. В окна видны деревья с зеленой листвой, вдали горы, на которых краснеет закатное солнце. Слева комната. Справа кухня. В открытую дверь видно Нину, занимающуюся домашними делами. Она напевает песню.

Н и н а (*напевая, выбегает в сени и оттуда несет масло. Вдруг останавливается и о чем-то думает*). Нет, нет, это место так петь нельзя! В этом куске не должно быть печали, а только сильное желание и мечта встретиться с любимым. Сначала напевает мелодию без слов. Вот надо как петь... (*Напевая, уходит в кухню.*)

Входит Маспыкай. Вытирает пот, кладет папку на стол, снимает пиджак и бросает на стол. Садится на диван.

М а с п ы к а й (зовет). Нина! А, Нина? Выйди сюда.

Н и н а (выходит, взволнованно). Что, Иргит? Что с тобой? (Пиджак и папку быстро уносит в другую комнату. Оттуда приносит мужу тапочки.) Что случилось?

М а с п ы к а й. Дай что-нибудь холодного. (Нина уходит в кухню и приносит оттуда холодный чай. Маспыкай пьет чай.) У нас будут гости, Ниночка!

Н и н а (успокоившись). Ну и что?

М а с п ы к а й. К нам должны придти гости.

Н и н а. Зачем же из-за этого так волноваться? Я думала, что-то страшное случилось.

М а с п ы к а й. Как не волноваться? У нас ничего не готово к приему гостей.

Н и н а. Что за гости? Когда будут?

М а с п ы к а й. Деспижек с женой. Я их пригласил к семи часам вечера.

Н и н а. Ведь в семь часов у меня репетиция.

М а с п ы к а й. А причем здесь репетиция?

Н и н а. Притом, что я занята и должна обязательно присутствовать на репетиции.

М а с п ы к а й (сердито). Сегодня репетиция, завтра — концерт, послезавтра — культбригада (переходит на крик). Что это за жизнь, Нина?

Н и н а. Я не понимаю, как ты представляешь жизнь? Неужели идеалом ее кажется тебе затхлая атмосфера Деспижков?

М а с п ы к а й. погоди, Нина. Ты носишься где попало, хихикаешь со всеми, голосишь непристойные песни. Это нормально по-твоему? Учти, ты ведь не девчонка.

Н и н а. А что мы с тобой дряхлые старички? Давно ли мы не пропустили ни одного фильма и концерта?

М а с п ы к а й. Зачем вспоминать глупые дни юности? Пора тебе войти в разум, ты уже семейная женщина. Подумай о своем добром имени.

Н и н а (удивленно). Чем я замарала его?

М а с п ы к а й. Посмотри, как слаженно и дружно живут в других семьях. (Повышая голос.) Ни одна порядочная женщина не шляется, как ты.

Н и н а (иронически). Скажи например, Элеонора Чыргаловна.

М а с п ы к а й. Вот именно. Элеонора Чыргаловна имеет совесть и порядочность. Чем насмеяться над ней, лучше б поучилась у нее, какой должна быть женщина.

Н и н а. Нет, Иргит, даже на мизинец не желаю быть похожей на нее. Избавь. Как я погляжу, ничем ты, Иргит, не

отличаешься от Елены Чыргаловны. В последнее время в кино даже не ходишь.

М а с п ы к а й. Значит, ты решила и впрямь, чтоб дом был сиротой, покрылся грязью.

Н и н а. Можешь сам и в квартире убрать, обед приготовить. Я ведь тоже работаю.

М а с п ы к а й. В конце концов ты меня хочешь превратить в кухонного мужика. Ты в своем уме или рехнулась окончательно? Люди-то не зря болтают.

Н и н а. О чем?

М а с п ы к а й (*злится*). О том, что ты, как корова от овода, бегаешь куда попало, ничего не видя, ничего не слыша.

Н и н а (*желая успокоиться*). Что с тобой, Иргит? Кроме брани и упреков от тебя ничего не услышишь. Чего ты хочешь от меня. Скажи спокойно.

М а с п ы к а й. Скажи мне прямо. Мы с тобой муж и жена? Или чужие люди?

Н и н а (*улыбается грустно*). Такое несказанное счастье выпало на долю мою, что я стала твоей женой.

М а с п ы к а й (*вспыхнув*). Раз жена, нечего дурака валять. Исполняй свои обязанности и все. В противном случае...

Н и н а. Что будет?

М а с п ы к а й (*соскакивает с места, от гнева не знает куда деться*). Если так будет продолжаться... Всю дурость из тебя живо вытравлю.

Н и н а (*разыгрывая*). Интересно знать, у кого мозги набекрень? Зачем с больной головы на здоровую перекладывать?

М а с п ы к а й. Самая худая баба гораздо лучше тебя. (*Уходит во внутреннюю комнату, возвращается, одевая на ходу пиджак.*) На моем месте ни один человек не смог бы прожить одного дня! Понятно?

Н и н а (*сурово*). Тебя никто насильно не заставляет жить со мной. И я тебя не держу.

М а с п ы к а й. Сбежать хочешь, чтоб свободной быть? Здорово получается! Нет, я тебя заставлю по одной плашке ходить. (*Уходит, сердито хлопнув дверь. Нина опускается на стул и плачет. Кто-то стучится в дверь.*)

Н и н а (*вздрыгнула. Быстро поднимается с места. Вытирает глаза*). Заходите. (*Входит Севиль Чамбаевна*). Мама! Милая мама! (*Больше ничего не может сказать, только обнимает мать.*)

Севиль Чамбаевна (*одной рукой обняла дочь, другой гладит ее голову*). Вроде бы никогда такой ласковой не была, что с тобой?

Н и н а (*не может удержать слез*). Я очень стосковалась по тебе, мама.

Севиль Чамбаевна. Ведь десяти дней не прошло, как я была у тебя. Быстро же тосковать начала. Па! Да ты никак плачешь?

Нина *(отводит взгляд от матери)*. Да нет, мама, я это так. Глаза почему-то слезятся, вероятно, заболели. Садись, мама. Сейчас подогрею чай *(уходит в кухню)*.

Севиль Чамбаевна *(садится)*. Что с ней? Плачет. Это не зря. И в тот раз в ее разговоре было что-то *(думает)*.

Входит Нина с чайником и чашками. Ставит на стол. Снова уходит. Принесит еду. Разливает чай.

Нина. Когда приехала, мама?

Севиль Чамбаевна. В обед. Больного привезла. Нина, неужели ты думаешь что я, фельдшер, не могу отличить больные глаза от заплаканных? Расскажи мне без утайки все, что у тебя на душе.

Нина *(не поднимая глаз, задумалась)*. Ты, мама, права во всем, во всем.

Севиль Чамбаевна. И я могу, дочка, ошибиться. Человеку это свойственно.

Нина. Не ошиблась. Я много думала об этом. Моя ошибка стала для меня же роковой.

Севиль Чамбаевна. О какой ошибке ты толкуешь все время? Объясни мне толком.

Нина. При нашей последней встрече я тебе намеками рассказала, как мне живется. Но после поступления на работу хоть волком вой. Он думает запереть меня в четырех стенах и никуда не пускать. Я хотела идти на репетицию, он наговорил кучу гадостей и убежал. Пилит, пилит, меня, хуже жавой пилы. Насквозь просверлил меня.

Севиль Чамбаевна. К семье надо относиться серьезно. От домашних дел никуда не денешься.

Нина. Я знаю, мама. И голодным он не был, и грязным не ходил. Да и в доме у меня, сама видишь, всегда порядок. Ухаживала за ним, как за ребенком, только что в рот еду не подавала. Все равно я ему плоха.

Севиль Чамбаевна. Как же так? Без ветра трава не колышется.

Нина. До этого два-три года ездила с ним по районам, забросила учебу, нигде не работала, только хозяйничала. Тогда все было в порядке. Но вот приехали сюда, поступила на работу, стала участвовать в концертах Дома культуры, агитбригады. И все изменилось, как будто его кто подменил.

Севиль Чамбаевна. Неужели?

Нина. Я никогда не перечила ему, вот и привык приказывать. Превратил меня в прислугу. А уж как сдружился с Деспижеками, мне житья не стало.

Се в и л ь Ч а м б а е в н а. Как можно без друзей обходиться?

Н и н а. Если б просто друзья, куда ни шло. Он в восторге от жены Деспижека, которая сидит дома, строит из себя важную барыню. О работе думать не желает. Он ее превозносит, а меня унижает.

Се в и л ь Ч а м б а е в н а. Э-э, дочка, может, ты на мочь разменялась и завидуешь этой женщине?

Н и н а. Что ты, мама! Завидовать-то нечему. На мой взгляд она просто никудышняя. Ее интересуют паряды, нажива, власть над мужем. Я так жить не могу.

Се в и л ь Ч а м б а е в н а (*немного подумав*). И все же, доченька, особо печалиться не следует. Печаль — плохая советчица. Она может еще больше запутать.

Н и н а. Мне нет особой печали. Но я должна бороться за свое достоинство. Мне надоело быть кухонной подтиралкой.

Се в и л ь Ч а м б а е в н а. Отстаивать свое достоинство — дело хорошее. Но я сама с Иргитом поговорю.

Н и н а (*быстро*). Нет, нет! Ни в коем случае. Не ты мне нашла его, не ты сосватала. Я сама до сути доберусь. Будет трудно — приду.

Се в и л ь Ч а м б а е в н а. Глупости не натвори. Коммунист за общественное и личное дело одинаково в ответе.

Н и н а (*улыбаясь*). По-твоему мама, решение парторганизации нужно иметь на руках, чтобы влюбиться. Чудно, если, к примеру, был бы протокол о том, что обязать Нину стать женой Иргита Маспыкая (*смеется*).

Се в и л ь Ч а м б а е в н а (*строго*). Упрощать не стоит. Любовь, конечно, очень деликатная штука. Протоколом ничего не сделаешь. Но не думай, что у партии нет средств для решения этого вопроса. Об этом тебе надо помнить.

Н и н а. Понимаю, мамочка, понимаю. Не обращай внимания, просто к слову пришлось. За совет спасибо.

Се в и л ь Ч а м б а е в н а. Вот и ладненько. Мне пора. Меня, наверное, ждут.

Н и н а. Анай что делает?

Се в и л ь Ч а м б а е в н а. В молодежной овощеводческой бригаде верховодит. Готовится к вступительным экзаменам в институт.

Н и н а. Как она работает?

Се в и л ь Ч а м б а е в н а. Хорошо. Хвалят.

Н и н а (*вздыхнув*). Отлично. Анай пойдет не по моей дорожке. Будет счастлива.

Се в и л ь Ч а м б а е в н а. Разве твоя дорога плохая?

Н и н а. Она с самого начала была ошибочной.

Се в и л ь Ч а м б а е в н а. Семья, по-твоему, ошибка? Непонятная теория, доченька.

Н и н а. Я обобщений не делаю. О себе говорю. О личной ошибке. Что за жизнь у меня?

Севиль Чамбаевна. Жизнь ценить надо, любовью надо дорожить. Если чувства свои будете разбазаривать, сердце превратится в камень, душа притупится, и ваша совместная жизнь разлетится в прах.

Н и н а. К тому идет, мама. Боюсь, что сердце мое обгорело, как дерево после пожара. Мамочка, мне так тяжело.

Севиль Чамбаевна. У Иргита ведь не все плохое, есть же у него и хорошие черты в характере. Не стоит брать во внимание только плохое.

Н и н а. Он лишился всех своих хороших качеств. Он неблагодарный. Народ его поднимает, выдвигает. А он думает, что умнее всех. Зазнался. В последнее время совсем князьком стал чувствовать себя.

Севиль Чамбаевна. Ты и на себя хорошенько посмотри. Возможно, и у тебя есть недостатки. Молодость отличается иногда поверхностным и легкомысленным суждением. Подумай, дочка.

Н и н а. Хорошо, мама. Подумаю. Взвешу. *(С улицы доносятся стук колес и звон колокольцов.)*

Севиль Чамбаевна *(заторопилась)*. Дедка Хорлугбай. Выйду, встречу. *(Направляется к выходу. Навстречу входит Хорлугбай. Он в костюме, сапогах, соломенной шляпе. В руке держит сетку с мячами.)*

Хорлугбай *(остановился. Поет)*.

Нине милой черноглазой
Мой поклон от всей души.
Расскажи, как поживаешь,
Как дела свои вершишь?

(Снимает шляпу, кланяется.)

Н и н а *(встает)*. Здравствуйте, здравствуйте, дедушка! *(Подает ему руку.)* Проходите вот сюда. Садитесь. *(Приглашает к столу.)*

Хорлугбай *(обращается к Севиль Чамбаевне)*. Сколько ждать тебя прикажешь? Может поплетемся потихонечку? *(Сетку с мячами кладет на стол.)*

Севиль Чамбаевна. Ехать надо. Уж поздно стало. Беседа наша с дочерью затянулась *(указывает на мячи)*. За чем они тебе?

Хорлугбай. Мне-то они не нужны. Заказ колхозного детсада. Не беспокойся, Севиль, что поздно, с ветерком домчу. Дорога хорошая. Не опоздаем. Едем?

Н и н а. Выпейте чаю, дедушка.

Хорлугбай *(встает, поет)*.

Мой очаг зовет меня —
Поджидает там родня.

Спасибо, внучка. Чай распивать времени нет. Потом как-нибудь. Не последний раз присхал. До свидания, Нина (*направляется к выходу*).

Н и н а. Погодите, я с вами. Мне тоже пора идти. Провожу вас немножко. Я часто вспоминаю вас.

Х о р л у г б а й. Я, доченька, о тебе тоже думаю. Как Маспыкай заполонил тебя, у нас в колхозе песен стало меньше. В клубе только кино крутят, да танцульки устраивают. От скуки игиль себе смастерил. Каждый вечер в моем доме народ бывает. Теперь думаю с Карасал Ак-оолом потягаться. Чья возьмет. Ну, поехали! (*Уходят*).

Занавес.

ПЯТАЯ КАРТИНА

За занавесом хор исполняет последний куплет «Песни животноводов». Занавес открывается, сцена Дома культуры. Участники хора расходятся.

Р у к о в о д и т е л ь х о р а. Товарищи! Слушайте! Эта песня уже отработана. Включаем в программу. Завтра за час до концерта собираемся. Товарищ Дилгижек, не опаздывай. У тебя всегда много причин находится. Смотри, не опаздывай...

Д и л г и ж е к. Никаких причин. (*Вынимает из кармана блокнот, листает и, найдя нужную страничку, читает.*) Завтра в 7 часов концерт. Никакого бюрократизма. (*Смеется, уходит.*)

Р у к о в о д и т е л ь х о р а. Ваш номер хорошо получается. Но песню петь, не только мелодию выводить надо. А вникнуть глубже в содержание, в образ. Поставьте себя на место Чечек. Постарайтесь выразить ее душевное состояние. Если этого добьетесь, прозвучит еще лучше. (*Уходит. На сцене остаются Нина и Санданак.*)

С а н д а н а к. Нина, вы сегодня грустны. Не больны ли?
Н и н а. Нет.

С а н д а н а к. Может расстроились из-за нашего номера, не верите, что справимся?

Н и н а. Почему? Только что руководитель сказал, что получается. Но на душе у меня кошки скребут. Сама не знаю отчего.

С а н д а н а к. Скажите, что беспокоит и мучает вас? Если вам неудобно, не отвечайте.

Н и н а. Что неудобно? Я сама не знаю причины. А на душе муторно.

С а н д а н а к. А вы постарайтесь не думать об этом.

Н и н а. Не получается. Будто в сердце заноза сидит.

С а н д а н а к. А вы думайте о чем-нибудь другом. Например, объявляют ваш номер, зрители ждут вас. Почему они ждут?

Н и н а (*подумав, разочарованно*). Интересуются.

С а н д а н а к. Не только поэтому. Они ждут радости. Возьмите охотников. Когда у них богатая добыча, как бы они не устали, радость охватывает их. Почему? Потому что несут домой радость.

Н и н а. Так это же охотники.

С а н д а н а к. И вы также. Несете зрителям радость. Тот, кто доставляет радость и сам должен быть радостно-просветленным. Только об этом думайте. И увидите сами, что получится.

Н и н а (*задумывается и, словно разбуженная ото сна, бодро*). Андрей! Давайте повторим наш номер!

С а н д а н а к. А временем располагаете? Не поздно ли?

Н и н а. Ничего, ничего! Начнем!

С а н д а н а к. Хорошо. Не забывайте советы руководителя. Помните, что он сказал? (*Уходит вправо.*)

Н и н а (*с печальной задушевностью поет*).

Соловьем бы гордым стать,
Чтоб петь и по лесам летать,
Иль жаворонком вольным
Звенеть в полях раздольных.

Слева выходит Елена Чыргаловна, украдкой наблюдает за Ниной.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а (*оглядывается назад, жестикулирует, громким шепотом зовет*). Сюда, сюда! Ваша супруга здесь! (*Входят Деспижек и Маспыкай. Они оба выпивши*).

Н и н а (*не замечая подглядывающих поет*).

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Видите, какая веселая? Посмотрим, что будет дальше.

Выходит с другой стороны сцены Санданак. Он в радостном возбуждении. Нина бросается в его объятия.

Д е с п и ж е к (*смотрит на Маспыкаю*). Здесь что-то не того... дарга! (*Маспыкай в гневе порывается к жене*).

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а (*удерживает Маспыкаю*). Не говорила ли я вам? Любуйтесь!

М а с п ы к а й. О, нет! Я им покажу!

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а (*наблюдает за Маспыкаем*).

Они от вас не уйдут. Смотрите, что будет дальше. Это же сенсационно интересно!

Н и н а (*держит Санданак за обе руки и радостно поет*).
С а н д а н а к (*счастливый и гордый*).

Ни законы, ни всевышний
Разлучить не в силах нас.
А судьба моя танцет
Только в блеске черных глаз.

Н и н а (*задумчиво, потупившись*).

Беглецами нас считают,
Каждый нас обидеть может.
Нашу жизнь с тобою строить
Кто же, кто же нам поможет?

Д е с п и ж е к (*плюнув*). Вот как! Они уж до совместной жизни договорились. Разве это нормально, дарга?

С а н д а н а к (*держит Нину за руки, восхищенно*). Почему вы во время репетиции не так пели, Нина Делгеровна?

Н и н а (*радостно*). Мне захотелось сейчас передать в песне переживания Чечек. Это чувствовалось; Андрей?

С а н д а н а к. Петь, Нина Делгеровна, ваше призвание. От души благодарю.

Н и н а. Дорогу к призванию вы помогли мне найти. Я никогда этого не забуду.

М а с п ы к а й. Нечего сказать, хорошую дорожку ты себе избрала! Я тебе покажу дорогу! (*Деспижек в знак согласия покачивает головой*.)

С а н д а н а к (*смотрит на часы*). Уже поздно. Я вас провожу немного.

Н и н а. О времени не думаю. В голове моей только Чечек. Ее радости, ее горести.

М а с п ы к а й. Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела. Рано, гражданочка, радуешься! Скоро заплачешь! (*Деспижек всем видом сочувствует Маспыкаю*.) С меня хватит! Сколько еще на них можно смотреть. (*Хочет выйти из своей засады*.)

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а (*удерживает Маспыкая*). Капельку терпения! Посмотрим. Они еще кое-что выкинут!

С а н д а н а к. Радостных творческих минут в вашей жизни будет еще много, Нина Делгеровна. Это только начало. Пойдемте!

Н и н а. Куда вы спешите, Андрей Демидович? У вас спешное дело есть?

С а н д а н а к. Нет, нет. Если б можно, я бы от вас никогда не ушел.

Н и н а. Это не комплимент?

С ан д а н а к. Я до них не охотник, Нина Делгеровна. А идти надо, чтобы избежать вам неприятностей дома.

Н и н а. Если так, спасибо, Андрей. Проводите меня (*направляется влево*).

М а с п ы к а й. Терпение мое лопнуло! (*Елена Чыргаловна удерживает Маспыкая, он отталкивает ее и идет навстречу Нине и Санданаку*).

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а (*задерживает Деспижека. Он порывается идти за Маспыкаем*). Свидетелей им не надо. Пусть сами милуются. (*Уводит Деспижека*).

М а с п ы к а й (*встает между Ниной и Санданаком*). Ты молодой, холостой парень. Зачем путаешься с замужними бабами? Разве девушек не хватает? (*К Нине*.) А ты что таскаешься с парнями? Ты замужем. И должна сидеть дома.

С а н д а н а к. Что вы говорите, дарга?

Н и н а (*в смущении*). Что болтаешь, Иргит? И не стыдно тебе?

М а с п ы к а й (*повышая голос*). Ну, ну, значит, вот к какому концерту готовишься. Гульбище! Бессовестная!

С а н д а н а к. Это не к лицу вам, дарга. Успокойтесь!

М а с п ы к а й (*сердито*). Прочь, шенок! Тебя не спрашивают, ты не сплясывай. Без тебя обойдусь!

С а н д а н а к. Сегодня с вами бесполезно разговаривать. Вы пьяный. Когда вы придете в себя, мы поговорим, дарга.

М а с п ы к а й. Цыц! Видеть тебя не могу! (*Толкает Санданак в грудь*.)

С а н д а н а к (*держит Маспыкая за локоть*). Руки не распускайте, дарга! Будьте осторожнее. Иначе их можно укоротить.

М а с п ы к а й (*морщится от боли*). Отпусти руку, молоко-сос! (*Кричит*.) Отпусти, говорю!

С а н д а н а к (*отпускает руку Маспыкая*). Подумайте, дарга, прежде чем распускать руки. А сейчас идите домой.

Н и н а. Оставьте его. Видите, он потерял человеческий облик. До свиданья, Андрей. (*Быстро уходит направо*.)

С а н д а н а к. Недостойно ведете себя. А еще взрослый человек, да к тому же дарга. Будьте здоровы! Придите в себя. (*Уходит влево*.)

М а с п ы к а й (*бросается то влево, то вправо, угрожая Нине и Санданаку*). Ну, хорошо! Хорошо! Душу из вас вымотаю! Я с вами рассчитаюсь!

З а н а в е с.

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Декорация представляет сцену красного уголка. Слева стол, накрытый красной скатертью. С одной стороны стола трибуна. С правой стороны предполагается зрительный зал. Виднеются сидения в зале. За столом Маспыкай и Деспижек.

Д е с п и ж е к. По отношению к нему, я думаю, дарга, принять самые строгие меры.

М а с п ы к а й. Как, дружок, ты еще ничего не принял?

Д е с п и ж е к (*растерянно*). Еще не поздно. Сейчас же приму меры. Немедленно!

М а с п ы к а й. Не ори. Какие меры хочешь принять?

Д е с п и ж е к. Сниму с работы. И все! Злостное нарушение трудовой дисциплины. С такой формулировкой далеко не уедешь.

М а с п ы к а й. Не спеши! Основания должны быть вескими. Да еще не известно, что скажет профком!

Д е с п и ж е к. Причин больше, чем достаточно. Два дня прогула. А профком что? Дам лично указание. И точка.

М а с п ы к а й. Надо сделать так, чтобы комар носа не подточил. Меня и Нину ни в коем случае не впутывать в эту историю. Иначе всё полетит к черту.

Д е с п и ж е к (*с готовностью, шепотом*). Так, так, дарга!

М а с п ы к а й. Если этот Санданак уберется отсюда, Нина перестанет шататься. Они и не подозревают, что мы им такую пилюлю готовим. Жаль, что я в тот раз был под градусами, когда их прихватили в Доме культуры. Сам виноват. Теперь все зависит от тебя.

Д е с п и ж е к (*прерывая*). Ничего, не беспокойся, дарга.

М а с п ы к а й. Как же не беспокойся?

В зале показывается Дилгижек.

Д е с п и ж е к (*увидев Дилгижека, громко говорит*). Ваши указания доведем до сведения коллектива. До свиданья, дарга!

Д и л г и ж е к (*входит на сцену*). Здравствуйте.

Маспыкай, не отвечая на приветствие, поспешно удаляется.

Д е с п и ж е к. Вовремя пришел, товарищ Дилгижек. Посоветоваться надо. Вопросик есть. Садись. (*Дилгижек садится.*)

Д и л г и ж е к. Какой, дарга?

Д е с п и ж е к. За последнее время в нашем коллективе участились случаи нарушения трудовой дисциплины.

Д и л г и ж е к. Без всякого бюрократизма, расшифруйте, тарга.

Д е с п и ж е к. Мы, надеясь на вас, избрали вас председателем месткома. Но вы, допуская такие вопиющие недостатки, не оправдали нашего доверия, товарищ Дилгижек.

Д и л г и ж е к. Без всякого бюрократизма, дарга, объясните конкретней, не загадывая загадки.

Д е с п и ж е к. Ничего нет легче. Заготовителю Санданаку за прогул по административной линии я сделал предупреждение. А что предпринял местком?

Д и л г и ж е к. Он ездил с агитбригадой, дарга. Разве это можно считать за прогул?

Д е с п и ж е к. Другие своевременно вернулись. А Санданак самовольно, через два дня вернулся.

Д и л г и ж е к. Это мы выяснили. *(Вытаскивает из кармана блокнот, находит нужную страницу.)* Без всякого бюрократизма. Остался по своей работе. Между прочим, с вашего разрешения.

Д е с п и ж е к. А основания есть? Приказ, письменное распоряжение, командировочное удостоверение?

Д и л г и ж е к. Мы поверили ему на слово. Без всякого бюрократизма.

Д е с п и ж е к. Слово к делу не пришьешь. Откуда вы знаете, работал он или пьянствовал?

Д и л г и ж е к. Конечно, не всякому можно верить. Но Санданаку, мы считаем, верить можно.

Д е с п и ж е к. А дело вот в чем. Слушайте внимательно. На прошлой неделе, воспользовавшись выездом агитбригады, он два дня прогулял. Как вы на это смотрите?

Д и л г и ж е к. Придется выяснить. Без всякого бюрократизма.

Д е с п и ж е к. Не стоит выяснять. Мы решили снять его с работы. Таково же указание соответствующих органов.

Д и л г и ж е к. Вот тебе, на! Без всякого бюрократизма. Разве можно такой серьезный вопрос решать без месткома, дарга?

Д е с п и ж е к. Это уж ваше дело. Я познакомил вас с указанием свыше. Мы не имеем права снижать авторитет вышестоящих органов. Их указания обязаны выполнять. Людей, которые сюда придут, задержите. *(Уходит.)*

Д и л г и ж е к. Странно. Весьма странно! На Андрея это не похоже. А впрочем, кто знает. *(Немного подумав, начинает напевать частушку. Входит Санданак.)*

Д и л г и ж е к. Здорово, друг! Тучи нависли над тобой. Ох, черные. Без всякого бюрократизма.

С а н д а н а к *(ничего не подозревая)*. Тучи, какие?

Дилгижек. Скоро здесь собрание будет. Хотят выгнать тебя с работы.

Санданак *(удивлен)*. За что?

Дилгижек. В основном за прогул.

Санданак. Когда я прогуливал?

Дилгижек. Помнишь, ты отстал от культбригады по своей работе, как ты говорил, а они это считают за прогул. И после выходного у тебя два дня прогула.

Санданак. Вот как! Деспижек-дарга мне разрешил.

Дилгижек. Без всякого бюрократизма. Основания где?

Санданак. Какие основания?

Дилгижек. Письменное распоряжение, приказ, командировочное удостоверение.

Санданак. Я получил устное разрешение от Деспижека-дарга. Разве это не основание?

Дилгижек. Ни Деспижека, ни твои слова к делу не пришьешь. В табеле указано, что ты два дня не выходил на работу. Давай какой-нибудь документ. И я в табеле исправлю. Без всякого бюрократизма. *(В зал входят несколько человек.)*

Санданак. И ты, я вижу, в бюрократизм ударился, дружок?

Дилгижек. Не преувеличивай, приятель. Местком здесь не при чем. Но у нас нет документов, чтоб тебя оправдать. Без всякого бюрократизма. Бумажка нужна. *(Входит Деспижек, держа под мышкой большую красную папку. Санданак уходит в зал.)*

Деспижек *(смотрит вслед Санданаку и неодобрительно покачивает головой)*. Собрание устраивать не будем. *(К Дилгижеку.)* Ты тоже иди в зал. *(Дилгижек, пожимая плечами, уходит в зал. Деспижек ногой толкает баян, забытый Санданакон, идет к сцене и картинно встает.)*

Товарищи! Разговор будет коротким. Лишних слов не нужно. Я вас ознакомлю с приказом райзаготконторы. *(Из папки вынимает бумагу, читает.)* «Приказ. Параграф первый. За неоднократные прогулы без уважительной причины, за безответственное и недобросовестное отношение к работе *(пауза)* дезорганизатора Андрея Санданака с этого числа текущего года и месяца снять с работы...» *(В зале шум, выкрики.)* Тише, товарищи! Порядок, порядок! *(Читает дальше.)* «Параграф второй. Обязать бухгалтерию немедленно произвести расчет с заготовителем Санданакон. Параграф третий. С приказом ознакомить коллектив заготконторы. Заведующий заготконторой Деспижек». *(Пауза.)* Впредь подобные безобразия надо вырывать с корнем. Учтите, товарищи! *(Сходит с трибуны, снова ногой отталкивает баян Санданакон.)*

Первый голос. Непонятно. Можно. Вопрос?

Деспижек. По этому поводу никаких вопросов не должно быть. Понятно?

Второй голос. Есть предложение, дарга. Я думаю...

Деспижек. Я же сказал — собрания не будет, прений тоже.

Третий голос. Тогда зачем собирали?

Четвертый голос. Неправильно!

Деспижек. Приказ администрации — это закон, не подлежащий обсуждению. Его надо выполнять. Ясно? *(Торжественно уходит. Шум. Собравшиеся расходятся. Вдруг стало тихо. Санданак поднимается на сцену. Задумывается.)*

Дилгижек *(поднимается из зала на сцену, подходит к Санданаку и кладет ему на плечо руку)*. Андрей, ты не очень печалься. Без всякого бюрократизма, на месткоме рассмотрим.

Санданак. Спасибо за заботу, друг. А печалиться мне не о чем. Просто думаю. *(Смотрит в лицо Дилгижека, бодро.)* Не к лицу борцу горевать. Я даже рад.

Дилгижек. Знаешь, какой он человек. Он тысячу причин найдет.

Санданак. Волков бояться — в лес не ходить.

Дилгижек. Так-то так. Осторожным быть — тоже не помешает. Я помогу тебе, друг. Без всякого бюрократизма.

Санданак. Спасибо, Макар. Ты извини меня. Мне хочется одному побыть, собрать мысли. Попозже я к тебе зайду. Можно?

Дилгижек. Конечно. Без всякого бюрократизма. *(Уходит.)*

Санданак задумался. Увидел баян. Поднял его и начал играть. Входит Нина. Увидев Санданака, остановилась и некоторое время наблюдает за ним.

Нина *(тихо)*. Андрей!

Санданак *(вздрагнув)*. А-а, Нина. Здравствуй! *(Встает, идет ей навстречу, подает руку.)*

Нина. Андрей... Это правда? Говорят, что вас с работы сняли.

Санданак. Правда, Нина Делгеровна.

Нина *(удивлена)*. Неужели? Из-за чего?

Санданак. Как «злостного» нарушителя трудовой дисциплины, прогульщика, недобросовестного работника, не выполняющего указания руководства и т. д...

Нина *(крайне удивлена)*. Не может быть! Вы, конечно, преувеличиваете Андрей? Это же неправда!

Санданак. Зачем мне преувеличивать? Какая мне выгода?

Н и н а. Я не могу поверить в это, Андрей. Как же это получилось?

С а н д а н а к. Спасибо, Нина, за то, что вы меня не считаете таким плохим человеком. Сегодня для меня нет человека ближе, чем вы. Спасибо!

Н и н а (*радостно*). Сколько я мечтала хоть чем-нибудь быть полезным вам. Благодарю вас за доверие. Дайте вашу руку. (*Жмет Санданак у руку.*) Теперь расскажите мне, что все это значит?

С а н д а н а к. Клевета. Наглая клевета на меня. Я с разрешения Деспижека отстал от агитбригады, чтобы проводить работу по закупке скота. За это приписали мне прогул. А Деспижек от своих слов отказался. (*В это время в зале появляется Елена Чыргаловна. Увидев Нину и Санданака прячется, прислушиваясь к их разговору.*)

Н и н а. Надо доказать свою правоту. Неужели смиритесь с такой клеветой?

С а н д а н а к. Разумсется я этого так не оставлю. Но все-таки странно.

Елена Чыргаловна оглядывается и кого-то жестом приглашает к себе. Показывается Манма. Она вглядывается в Нину и Санданака, взмахивает рукой и уходит, несмотря на то, что Елена Чыргаловна ее задерживает.

Н и н а. Что странно?

С а н д а н а к. Удивляюсь такому внезапному повороту дел. Странно то, что Деспижек вдруг стал так ненавидеть меня. Видно, ему со мной в одной организации почему-то тесно стало.

Н и н а. Что вы теперь думаете делать?

С а н д а н а к. Очистить себя от клеветы и расстаться с Деспижек-даргой. (*Елена Чыргаловна крадучись уходит.*)

Н и н а. А это не похоже на отступление перед трудностями?

С а н д а н а к. Всякое случается, Нина. Жизнь прожить — не поле пройти. Не всегда в ней гладко. Попадаются пропасти и кручи. И человеку иной раз приходится делать крутые повороты.

Н и н а (*печально*). В таком случае я многое должна потерять.

С а н д а н а к. Что именно, Нина Делгеровна?

Н и н а. Андрей, я почему-то не могу вас представить вне музыки. А если вы уедете отсюда, мне кажется, я навсегда разлучусь с ней. А для меня без музыки нет жизни.

С а н д а н а к. Вашу любовь к музыке никто не может отнять. Музыка — это океан, которому конца и края нет. Небольшой потере не придавайте значения. В жизни у вас все есть.

Н и н а (*грустно*). Жизнь моя только с виду гладкая, а на самом деле она рушится.

С а н д а н а к (*волнуясь*). Что вы говорите? Я не вижу причины вашей грусти.

Н и н а (*голос у нее дрожит от незаслуженной обиды*). Люди мое стремление, мою мечту опошляют. Говорят, что я путаюсь с вами. (*Плачет.*)

С а н д а н а к (*гневно*). Кто такой подлостью занимается? Уж не Масныкай-дарга ли?

Н и н а. Шпионят за каждым шагом. Как только прихожу с репетиции или концерта домой, начинается «веселье». Всякую гадость плетет, только что не бьет.

С а н д а н а к. Неужели он такой подлец? Мне такое даже не снилось.

Н и н а. Не один Деспижек вас уволил с работы. Между моим мужем и Деспижеками такая дружба, что водой их не разольешь. Друг к другу ходят в гости, обмениваются подарками, вместе пьянствуют. Они вместе сделали это.

С а н д а н а к. Для меня ваша честь превыше всего. Мой долг оградить вас от всякой клеветы. Никуда я отсюда не уеду.

Н и н а. Нет, Андрей. Бегите отсюда, подальше от этой грязи.

С а н д а н а к. А вы? Ваше доброе имя?

Н и н а. Ничего. Своей судьбой сам человек распоряжается. Я найду свой путь.

С а н д а н а к (*решительно*). Нет, Нина. «Лучше самому умереть, чем честь погубить». Пока это дело не распутано до конца — отсюда ни шагу не сделаю.

Н и н а. Андрей, я знаю, что мне делать. Я не могу больше с Иргитом жить. Уеду.

С а н д а н а к. Это ваше личное дело. Жить или разойтись. Но я остаюсь здесь. А вы куда собираетесь уезжать?

Н и н а. Вы однажды мне путь к музыке указали. Теперь вам придется меня провожать. Хочу поехать учиться в музыкальное училище.

С а н д а н а к. С радостью провожу и пожелаю вам успехов. А когда закончите училище, встречу вас и буду слушать ваше удивительное пение.

Н и н а. Спасибо, Андрей. Только жаль расставаться. Мне так хорошо с вами.

С а н д а н а к. Ничего, Нина. Музыка, что океан, волны которого доходят до любого берега. Может, на каком-нибудь берегу я встречу с вами. Я никогда не забуду вас.. А теперь ретегировать будем?

Н и н а. Пожалуй, нет. Пойдемте.

С а н д а н а к. Идемте. *(Встает. Берет свой баян.)*
Н и н а. Андрей, сыграйте мою любимую песню *(Андрей играет, Нина поет).*

Окропленные росой
Луга искрятся при луне.
Д сердцу нет ни где покоя —
Образ твой всегда при мне.

(Идут влево. Последний куплет поет за сценой.)

Его из рук не выпускаю,
Делюсь с ним о моей любви.

Справа выходит Манма. В одной руке ведро, в другой веник. Она с удальством слушает песню.

М а н м а *(одна)*. Прямо волшебная песня. Слушая ее, забываешь возраст свой. Хорошие ребята. И песня отменная. Сердце радуется, глядя на них *(начинает уборку сцены. Елена Чыргаловна, Деспижек и Маспыкай входят справа, оглядываются кругом)*.

М а с п ы к а й *(сердится)*. Где же они, Елена Чыргаловна?

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а *(растерянно)*. Только сейчас вот здесь целовались-миловались. Надо у тетушки Манмы спросить.

М а с п ы к а й. Куда эти голубки ушли?

М а н м а. Ни целования, ни милования не видела. Просто разговаривали. Тут они были давеча. Я сейчас пришла, а их уж нет.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а. Заметили нас и удрали черным ходом. Идемте скорее. Мы их накроем. *(Идет влево.)*

М а с п ы к а й. Мне свидетелей не надо. Я сам *(уходит влево)*.

Е л е н а Ч ы р г а л о в н а *(хохочет)*. Он им покажет, где раки зимуют. Пошли.

Д е с п и ж е к. А я фельетончик в газету пошлю. Они, бедняги, вволю наплачутся. Мне Маспык-дарга об этом намекнул. *(Уходят.)*

М а н м а *(качая головой)*. Как только терпит земля таких нечестивцев!

З а н а в е с.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

СЕДЬМАЯ КАРТИНА

Комната в доме Севиля Чамбаевны. Слева два окна. Между ними стол, накрытый белой скатертью. Прямо и направо двери во внутренние комнаты. В одном из углов этажерка. В комнате чисто. Кроме необходимой мебели ничего нет. Анай в чемодан складывает платья, книги. Входит с улицы Севиля Чамбаевна, держа в руках газеты и журналы.

Севиля Чамбаевна (*кладет корреспонденцию на стол*). Хорошенько проверь, может, что забыла.

Анай (*закрывает чемодан*). Ничего не забыла, мама. Писем нет?

Севиля Чамбаевна. Нет, только журналы и газеты. Все собрала?

Анай. Все. Досадно, что Нину не увижу. (*Смотрит на часы*.) Осталось пятнадцать минут. Можно трогаться.

Севиля Чамбаевна. После экзамена шли мне телеграмму.

Анай. Ладно, мама. Ты только не волнуйся. Я экзамены выдержу. Чувствую сердцем, что Нина скучает обо мне. Может, заехать к ней, мама? Завтра уеду.

Севиля Чамбаевна. Нет, нет. Собралась и поезжай. И билет до Кызыла уже на руках. Лучше после экзаменов несколько дней поживешь у нее.

Анай. Согласна, мама. Я готова в поход. Ты обо мне не очень скучай. До свиданья. (*Обнимает и целует мать, берет в руку чемодан и уходит*.)

Севиля Чамбаевна. Доброго пути, доченька. (*Медленно идет к столу, берет газету, садится на стул и читает. Вдруг взволнованно*.) Нет, нет!.. Этого не может быть!.. (*Хмурится. Гневно мнет в руках газету*.) Ах!.. (*Склоняется на стол, неподвижно сидит. Через некоторое время раздается стук в дверь*.) Входите. (*Входит Анарат в синем костюме, белой сорочке*.)

Анарат. Здравствуйте, Севиля Чамбаевна!

Севиля Чамбаевна (*встает с места*). Здравствуйте, Начын Хулуроолович. Проходите, присаживайтесь.

Анарат. Благодарю. Я к вам, Севиля Чамбаевна.

Севиля Чамбаевна. По какому делу? (*Взгляд ее падает на газету. Она ее начинает разглаживать*.)

Анарат. У вас в больнице, Севиля Чамбаевна, тяжело больных нет?

Севиля Чамбаевна. Таких пока нет. А что, Начын Хулуроолович?

Анарат. Не съездить ли вам в Теректиг?

Севи́ль Ча́мбаевна. Поездка туда у нас запланирована. Немного позже поедем.

Анара́т. Так... Надо бы медосмотр провести среди доярок. И проверить санитарное состояние фермы. Давно там не бывали. И вообще там работы будет много. Хорошо бы поездку ускорить, Севи́ль Ча́мбаевна.

Севи́ль Ча́мбаевна. Не уговаривайте, Начын Хулуроолович (*улыбается*), обязательно поеду. Я все поняла. (*Берет в руки газету.*) Прочитав газету, пришли меня успокоить.

Анара́т. Прочитали. Некоторые болезни, Севи́ль Ча́мбаевна, мы тоже умеем излечивать. И считаем, что от душевной боли лучшее лекарство — труд. И вот партбюро решило направить вас на дальние фермы. Кроме своей прямой работы будете выполнять партийное поручение.

Севи́ль Ча́мбаевна. Спасибо за беспокойство, Начын Хулуроолович. Всякое бывало. Но перед партией я должна быть в ответе. Новую жизнь, этот колхоз, наше село мы вместе строили. Были и у меня ошибки. Но в таком тяжелом положении, как сейчас, я никогда не бывала. Значит, в воспитании Нины где-то, что-то я проглядела, прозевала. И за это готова нести ответственность.

Анара́т. Но в ее воспитании участвовала и партийная организация. Значит, мы за это тоже должны отвечать. Партбюро с фельетоном ознакомились. Сделаем выводы. (*Встает.*)

Севи́ль Ча́мбаевна. Еще раз спасибо, Начын Хулуроолович, за заботу обо мне. Я сейчас схожу в больницу, дам распоряжения и поеду.

Анара́т. Значит, договорились. (*Уходит.*)

За Анаратом уходит Севи́ль Ча́мбаевна. Некоторое время сцена пуста. Входят Нина и Санданак с чемоданами в руках. Нина, поставив чемодан, идет во внутренние комнаты. Возвращается.

Нина. Мамы нет дома. Она, вероятно, в больнице. Ты умойся и приведи себя в порядок.

Сандана́к. Нет, нет, Нина! Мне немедленно надо встретиться и поговорить с председателем и партторгом колхоза. Если я буду откладывать разговор, народ всякое может предполагать.

Нина. Невинному человеку нечего бояться. Насчет мамы не сомневайся. Она мне поверит.

Сандана́к. И все же мне неудобно с нею встречаться. Сначала я пойду в правление колхоза. Я здесь работал и они меня знают. Кроме того здесь есть люди, которые хорошо знают темные сделки между Арбаккаем и Деспижekom. С ними тоже надо встретиться.

Н и н а. Хорошо, Андрей. Пока не получу ответ из обкома на свое заявление, я остаюсь здесь.

С а н д а н а к. Но и ты, Нина, без дела не сиди. Найди себе какую-нибудь работу, иначе тебе будет тяжело.

Н и н а. Обо мне, Андрей, не беспокойся. Что-нибудь придумаю. А тебе вот трудно будет.

С а н д а н а к. На моем веку много было горького. Рос сиротой. Перенесу и эту беду. Думаю, суд мое дело разберет без проволочки.

Н и н а. Как ты думаешь, что решит суд?

С а н д а н а к. Профком санкцию о моем увольнении не давал. Это первое. Есть свидетели, которые подтвердят, что я не прогуливал, а работал в те дни, которые указаны в приказе. Это второе. Имеются квитанции, заполненные теми, кто в эти дни продавал скот. Это три. Какие же еще доказательства требуются?

Н и н а. Так-то оно так. Но против тебя в заговоре состоят Деспижек и Маспыкай. Это надо иметь в виду. Они способны на все.

С а н д а н а к. Советскую власть и партию составляют не только они. Правду от лжи наш суд сумеет отличить, я думаю. В это я свято верю, Нина, и ты не сомневайся. Ну, я пошел. Перед отъездом в Кызыл постарайся, Нина, встретиться со мной.

Н и н а. Непременно встретимся и поговорим, Андрей. До свиданья. *(Подает Сандану руку.)* Я буду тебе писать. А ты ответишь мне.

С а н д а н а к *(держит Нинину руку в своей)*. От тебя получить письма — для меня большая радость, Ниночка. Будь здорова. До скорого. *(Уходит.)*

Н и н а *(одна, задумчиво)*. Вот результат одной ошибки. Если б одна хоть пострадала... А то и Санданак ни за что в беду попал... Бедная мама... Жаль мне ее. *(Запевает грустную песню.)*

Туча черная нависла
Над моею головой.
Будто грязью всю облили,
Этой страшной клеветой!..

Входит Севиль Чамбаевна. Увидев Нину, она гневно вспыхивает. Мать и дочь смотрят друг на друга.

С е в и л ь Ч а м б а е в н а *(строго)*. Чего стоишь, как иступан, и глазами хлопаешь? Сказать нечего?

Н и н а. Мама, я знаю причину твоего гнева. Но я не в такой степени виновата перед тобой. Поверь мне, мама, я...

С е в и л ь Ч а м б а е в н а *(не сдержавшись, прерывает)*

дочь, указывая на газету). Если ты чиста, то что это такое? Скажи, что это такое?

Нина (*золнуясь, но с достоинством*). В этом пaskвиле от начала до конца одна клевета. Хотя ты поверь мне, мама...

Севи́ль Ча́мбаевна (*несколько успокоившись*). Почему же ты не опровергла эту клевету?

Нина. За этим я приехала сюда. Кто же меня может знать лучше тебя, мама, и моих друзей, с которыми я выросла вместе? Кроме вас у меня свидетелей нет. (*Взволнованно.*) Если и вы от меня отвернетесь, кто же за меня заступится? (*Садится и опускает голову.*)

Севи́ль Ча́мбаевна (*успокаиваясь*). Что ты хочешь этим сказать? Ты думаешь, что мы на твои художества будем глухи — немы? И будем покрывать грехи твои?

Нина. Поверь, мама, что я никакой подлости не совершила. Куда же мне идти, кому сказать... (*Рыдает.*)

Севи́ль Ча́мбаевна (*вздыхнула, под села к Нине, гладит ее по голове*). Я, конечно, должна тебе верить, дочь моя. Расскажи мне все начистоту.

Нина. Как я жила с мужем, тебе известно. В последнее время он стал невыносим. И в конце концов оболгал меня, обвинил в разврате, моральном разложении и связи с Санданакон, хотя он ни в чем не повинен. В результате меня исключили из партии и сняли с работы. (*Снова плачет.*)

Севи́ль Ча́мбаевна. Постой, дочка, может, ты тоже в чем-то виновата. Подумай...

Нина. В течение трех-четырёх лет я чистила кастрюли, варила обеды и сторожила его дом. Поступив на работу, стала заниматься общественной работой, участвовала в концертах. А муж это расценивал, как измену ему.

Севи́ль Ча́мбаевна. Жизнь прожить — не поле измерить. Она тонкая штука. И не разобравшись в ней, нельзя сразу смаху рвать.

Нина (*решительно*). О, нет, мама. Я долго думала об этом. Иргит только себя признает человеком, а я для него была постелью, всем, чем угодно, но не человеком. А ведь и у меня есть душа, есть мысли, мечты. (*Гневно.*) Если человеку плюнуть в лицо, он может утереться. А как стереть плевков с души? (*Плачет.*)

С улицы доносится стук колес и звуки бубенцов. Немного погодя, входит старик Хорлугбай.

Хорлугбай (*стоя возле дверей, запекает*).

Не ругайтесь, не бранитесь,
Лучше крепче обнимитесь.
Ссора старит человека —
Это просьба Хорлугбека.

(К Севиль Чамбаевне.)

Бьют копытами лошадки.
Ждут лихого седока.
Повезу вас очень быстро.
Вы хлебнете ветерка.

(Кланяется). Здравствуй, Ниночка, Соловушка моя. Домой вернулась?

Нина (берет себя в руки, улыбается). Домой вернулась я, дедушка.

Хорлугбай (садится). Бывает. Не так легко свою стежку-дорожку найти в жизни, доченька.

Нина (взглянув на мать, улыбается). Но некоторые люди, дед, не хотят меня видеть дома и рады обратно выпроводить.

Хорлугбай (покопался на Севиль Чамбаевну). Этого не может быть. Замолкли песни без тебя, Соловушка. А без песен жизнь скучна и однообразна. Песня — это соль жизни.

Севиль Чамбаевна. Вот теперь будете петь да радоваться!

Хорлугбай. А то как же. Точно. И споем, и порадуюсь.

Сладкозвучный, чадаган¹ мой,
Друг мой в радости и горе
Ты мне вторишь безотказно.
Ты поешь и плачешь страстно
Эх! Споем, споем, мой друг вдвоем!

Чуешь, Чамбаевна, от песен плакать и смеяться можно!

Севиль Чамбаевна (улыбнувшись). Смотрите, не зарыдайте. Не пора ли нам в путь? Ехать не близко.

Хорлугбай (поднимается). У ворот для вас готова пара вороных, уважаемая Севиль Чамбаевна.

Севиль Чамбаевна. Анай поехала в Кызыл сдавать экзамены в институт. Я завтра вечером приеду. (Хочет что-то сказать дочери, но не решается. Машет рукой.) Ладно, приеду, поговорим обо всем. (Уходит.)

Хорлугбай (на ходу бросает). Не печалься, Ниночка, не горюй. Я с матерью поговорю, вправлю ей мозги. (Уходит.)

Нина. Вот и все. Четыре года жизни даром пропали. Надо жизнь начинать снова.

Занавес.

¹ Чадаган — музыкальный инструмент.

ВОСЬМАЯ КАРТИНА

Колхозная контора. Слева два окна. Справа входная дверь с улицы. В углу книжный шкаф. На стене карты, диаграммы. Прямо от зрителя большой письменный стол, на котором стоит телефон, лежат папки, бумаги. За столом, приставленным к письменному, сидят с одной стороны Севиль Чамбаевна, с другой сидит Анарат.

Севиль Чамбаевна. Не ошибочно ли ваше мнение о Нине?

Анарат. Что вы считаете ошибочным?

Севиль Чамбаевна. Предложение о принятии на работу человека, совершившего такой проступок.

Анарат. Да, она запуталась. Понесла тяжелое наказание за это. А дальше как быть? По-моему, ее следует сейчас поддерживать. Дать ей возможность работать. Ведь в труде воспитывается, проверяется человек. А вы как думаете, Севиль Чамбаевна?

Севиль Чамбаевна (*подумав*). Пожалуй, вы правы. Как мать благодарна вам. Но партийная совесть моя все равно неспокойна.

Анарат. Севиль Чамбаевна, вы старый член партии, скажите мне, где у вас кончается совесть материнская и начинается совесть партийная? Я что-то не могу найти точную грань.

Севиль Чамбаевна. Перед глазами моими проходит все воспитание дочери. И никак не могу найти то звено, где я что-то важное проглядела. Как же я не заметила, что Нина свернула на скользкий путь? Не могу себе этого простить.

Анарат. Нина выросла на наших глазах. Хорошо училась, была примерной общественницей.

Севиль Чамбаевна. Оно, конечно, так. Но видите, что получилось?

Анарат. Я ни в коей мере не защищаю Нину. А в семейных делах ее надо разобраться.

Севиль Чамбаевна. Есть ли в этом смысл, Начын Хулеролович? Райком уже занимался этим вопросом. Люди за последнее время и на меня стали косо поглядывать.

Анарат. В конце концов, не райком же является высшей партийной инстанцией. Лучше вас Нину никто не знает, поэтому вы честно и откровенно должны сказать свое слово о ней. Мы с вами еще потолкуем об этом.

Севиль Чамбаевна. Спасибо за доверие. До свиданья. (*Уходит.*)

Анарат (*один*). До замужества Нина была чудесной девушкой. А через четыре года вдруг морально разложилась. Здесь что-то не то. В чем же причина такой разительной перемены? (*Пауза.*) А не в самом ли Маспыкае надо ее поискать?

Входит Маспыкай, держа под мышкой большую красную папку. Едва ответив на приветствие Анарата, садится за письменный стол.

Анарат. Куда путь держите, дарга?

Маспыкай. К вам приехал.

Анарат. По какому делу?

Маспыкай (*в тоне выговора*). Имеются факты, что за последнее время у вас в колхозе совершенно запущена идеологическая работа. Вот я и приехал поговорить по этому поводу, товарищ Анарат.

Анарат. Я вас слушаю.

Маспыкай. Культурно-массовой работой у вас руководят морально разложившиеся элементы, люди, исключенные из партии. Запомните, клуб это не место для непристойных игр, а очаг партийной, политмассовой работы. Вам об этом должно быть известно, товарищ Анарат?

Анарат. Минуточку, дарга. Пока Нина была вашей женой, все было в порядке. Но стоило ей уйти от вас и она превратилась в чуждого элемента. Крутой поворот. На все 360°. В чем дело?

Маспыкай (*рассердился, папку перекладывает на другое место*). Вы извращаете принципиальное решение райкома партии по важнейшему вопросу. Не пытайтесь изворачиваться и не задавайте тенденциозных вопросов, товарищ Анарат. Иначе вам в другом месте придется ответ держать.

Анарат. Разрешите узнать где и за что?

Маспыкай. Вы не маленький и сами понимаете, что партия вас по головке не погладит за то, что у вас на идеологическом фронте свивают гнезда отрепья, разложившиеся элементы и прочая шваль.

Анарат. И что же дальше?

Маспыкай. Райком партии будет вынужден рассмотреть ваши антипартийные дела.

Анарат. Не увлекайтесь товарищ Маспыкай. И не приплетайте, где надо и где не надо слово партия. Непонятно, что означает для вас партия?

Маспыкай. А, значит, вам не нравится это слово? За это особо ответите!

Анарат. Вы меня не запугивайте! (*Встал.*) Если хотите знать, партия — сердце, которое стучит во мне, это — вся моя жизнь, которая движет мною! Не отнять ее вам от меня! Руки у вас коротки! Понятно?

Входит Хорлугбай с игилем в руках. И смотрит с удивлением на Маспыкаю.

Маспыкай. Что тебе нужно, старик? Мы важным делом заняты. Выйди отсюда. Потом зайдешь.

Хорлугбай (*садится на стул, не обратив внимания на слова Маспыкая, пробует струну на игле*). Мне некогда, дарга, входить и выходить. Мне нужно договориться по поводу культурно-массового мероприятия.

Маспыкай (*выходя из себя*). Что за чертовщина такая? Что он пьяный или сумасшедший?

Хорлугбай (*поет, аккомпанируя себе на игле*).

Успокойтесь, не кричите,
Из себя не выходите.
Поспокойней, по порядку,
Старику вы объясните.

Маспыкай. Товарищ Анарат, что вы стоите, как истукан. Он же пьян вдребезги. Немедленно сдайте его в милицию!

Хорлугбай. Я же сказал, что мне некогда. Если у вас уйма времени, то сидите и слушайте. Начнем. (*Играет на игле.*)

Входит Нина, увидела Маспыкая, лицо ее мрачнеет.

Маспыкай. Кроме прочего и за это хулиганство вам придется отвечать! (*Схватив свою папку, быстро уходит, хлопнув дверь.*)

Анарат. Что вы натворили? Какой бы ни был, а все же дарга.

Хорлугбай. Если б я его отсюда не выкурил, неизвестно, сколько бы торчал он здесь... Гладенькой дорожки.

Анарат. Вам что нужно, Нина?

Нина. Поздравьте меня, Начын Хулуроолович!

Анарат. Сначала я должен знать с чем.

Нина. Получила положительный ответ на свое заявление. Восстановили в партии.

Анарат. Поздравляю (*крепко жмет руку Нины*).

Хорлугбай (*пожимает Нинину руку*). Я же тебе говорил, что не горюй, все обойдется. Партия, она не ошибается. Человек, конечно, может ошибаться.

Анарат. Верно, товарищ Хорлугбай. В жизни могут быть всякие превратности. Но никогда нельзя терять веру.

Нина. Спасибо вам, Начын Хулуроолович, что в трудное время вы не отвернулись от меня.

Анарат. Видимо, основательно разбирались в твоём вопросе. Теперь успокойся и работай, засучив рукава.

Хорлугбай (*вдруг*). Нина, ведь я за тобой пришел. Старики собрались. Пойдем скорей, а то не дай бог, разбегутся.

Анарат. Что за старики?

Хорлугбай. Мы хотим в клубе организовать асам-ак-

сам... *(махнул рукой)*. Объясни ты, Нина. Мне не выговорить это замысловатое слово.

Н и н а. Дед Хорлугбай внес очень интересное предложение. Организовать ансамбль песни стариков в клубе.

А н а р а т. Это стоящее дело. А люди-то имеются?

Х о р л у г б а й. Конечно. Кашпак-оол будет играть на бызачи, Серенма будет играть на балалайке. А певцов у нас хоть отбавляй. Например, ты и я.

А н а р а т. Ну, ну, не заговаривайся. Ты ведь иногда такое болтнешь, ни в какие ворота не лезет.

Х о р л у г б а й. Ничего не болтаю. Как выедем в поле, как затынешь, на весь сумон слышно. Пойдем, пойдем. Подай пример.

А н а р а т. Ты впрямь из ума начал выживать. Стареешь, видать.

Х о р л у г б а й. Ты редко когда ошибаешься. Но тут махнул.

А н а р а т *(смеясь)*. Интересно. Говорят ошибки признавать — от грехов очищаться. Давай, говори.

Х о р л у г б а й. Запомни: возраст дает ум, труд — мудрость.

А н а р а т *(серьезно)*. Очень правильно. Принимаю полностью. А все же интересно взглянуть на твой будущий ансамбль. Где он?

Н и н а. В доме у деда Хорлугбая.

А н а р а т. А почему не в клубе.

Н и н а. В клуб идти сразу не все решаются. Мы решили собрать их на первый раз в неофициальной обстановке.

Х о р л у г б а й. Пойдем, Нина. Дел у нас по горло. *(Хорлугбай и Нина уходят.)*

А н а р а т *(один, задумавшись)*. Да, все еще живуче у нас феодально-княжеское отношение к женщине. В плену у него оказываются, прежде всего, люди отстающие от духа времени, политические обыватели, как Маспыкай. *(Звонит телефон. Анарат берет трубку.)* Алло! Да, Анарат слушает. Здравствуйте, дарга! Нина? Да, она работает заведующей клубом. Нет, не я один, а бюро решило. Конечно разбирали и учитывали. Но деловые качества человека проверяются на работе. *(Слушает.)* Да, Маспыкай был здесь. Он от имени райкома грозился и меня вытурить из партии. По этому поводу я объяснительную пишу. До свиданья, дарга. *(Кладет телефонную трубку, задумывается.)* Попытка воспользоваться исторической обусловленностью положения женщины и ограничить ее участие в общественной жизни есть вреднейший пережиток прошлого. С этим надо решительно бороться! *(Гаснет свет, в окно смотрит лунная ночь. Слышится песня)*

«Соловей», которую поет Нина.) Вот он, талант, который задышался в четырех стенах кухни, теперь вышел на широкий простор, свободно льется и радуется сердца людей.

З а н а в е с.

ФИНАЛ

Между восьмой картиной и финалом прошло три года. Открытая веранда в доме Севиля Чамбаевны. Перед верандой цветочная клумба, возле которой стоят круглый стол и скамейки. Вечерует. Анай с Манма накрывают на веранде праздничный стол.

М а н м а. Анай, время-то уже порядочное. Гости уже могут нагряться. А матери почему нет?

А н а й. Не знаю. Может, вы в больницу сходите?

М а н м а. Это можно. Пойду, узнаю. *(Снимает фартук.)* А ты тут присматривай, чтобы не пригорело. *(Уходит. Анай уходит в дом.)*

Входят Санданак и Дилгижек. На Дилгижке новый черный костюм, узкий черный галстук. В руках букет. Санданак в дорожном, но опрятном костюме.

С а н д а н а к. Я-то зачем иду? Я лучше уйду, Макар. До свиданья. *(Подает руку.)*

Д и л г и ж е к *(руку прячет за спину)*. В чем дело, дружок?

С а н д а н а к. Я же не приглашен. И оказался здесь случайно, проездом.

Д и л г и ж е к. Без всякого там бюрократизма. Не артачься. Сегодня и Нина приедет сюда.

С а н д а н а к *(заинтересовавшись)*. Нина, говоришь? А откуда тебе это известно?

Д и л г и ж е к. Анай говорила. Телеграфировала, что будет. Пошли, без всякого бюрократизма *(тянет Санданака за руку)*.

С а н д а н а к. Погоди, Макар. Еще никого нет. Неудобно первыми являться в гости.

Д и л г и ж е к. Но давай сделаем так: иди ко мне. И никуда не уходи. Как только соберутся гости, я за тобой прибегу. Понял?

С а н д а н а к. Понятно *(направляется к калитке)*.

Д и л г и ж е к. Постой! Возьми ключ *(отдает ключ Санданаку. Он уходит. Выходит Анай, держа в руках ведро)*.

А н а й. С кем ты беседовал, Макар?

Д и л г и ж е к. Я-то? А с другом одним. Гости где? Или рано еще?

А н а й. Мама еще не пришла с работы. Гости подойдут.

Дилгижек. Я думал, что опоздаю. Ну и прибежал. А мать почему опаздывает?

Анай. У жены Бадыжыка роды. Утром привезли. Вот она и задержалась.

Дилгижек. Ну как это не вовремя. Ну и родила бы вчера или завтра.

Анай *(смеется)*. Не болтай глупости.

Дилгижек. Не завтра, так послезавтра.

Анай *(хохочет)*. Ты меня уморил!

Дилгижек *(смущенно оглядывает себя)*. Что с тобой, Аня? Объясни, но только без всякого бюрократизма.

Анай. Подумай, как она может завтра или послезавтра? Вот и смеюсь.

Дилгижек. А-а! Я думал...

Анай *(продолжает смеяться)*. Ты думал... Родить, старые люди говорят, нельзя годить.

Дилгижек *(помолчав)*. Действительно глупость сморозил. А ты куда с ведрами? За водой? Дай мне ведро. Я помогу тебе. *(Прячет букет за спину.)*

Анай. Что у тебя в руке?

Дилгижек. Это? *(Показывает букет.)* Подарок.

Анай. Кому?

Дилгижек. Да его на стол можно поставить. На, унеси *(отдает букет, берет ведра)*.

Анай *(нюхает цветы, идет на веранду, ставит их в вазе на стол и смотрит внимательно на Дилгижека)*. Ты чего это, как на свадьбу вырядился?

С улицы слышится гул мотора и звук клаксона. Входит во двор Нина, держа в одной руке балетку, в другой плащ.

Нина *(одна)*. Здравствуй, мой дом родной! Сколько раз я поднималась на это крыльцо. И падала с него, когда была маленькой. И вот три года я на эти ступеньки не ступала ногой. А странно. Будто вчера только я была здесь. И никогда не уезжала. *(Смотрит по сторонам.)* Кажется, ничего не изменилось. Только деревья выросли, да клумба появилась. *(Слева входят Анай и Дилгижек с ведрами.)*

Дилгижек. Тебе еще два года учиться осталось? Как долго?

Анай. Ничего не долго. Тебе надоело ждать меня? Да? Если так, можешь не ждать.

Дилгижек. Что значит надоело? Я могу, без всякого бюрократизма, сто лет тебя ждать!

Анай *(увидела Нину, обрадовалась)*. Нина! Сестренка! *(Бежит к Нине, обнимает и целует ее.)* Дай я на тебя посмотрю *(отходит от Нины, внимательно рассматривая ее)*.

Нина. Как находишь меня? Постарела?

А н а й. О, нет! Похорошела, сестра!

Н и н а. Теперь дай я на тебя посмотрю, Анай. Из девчужки-резвужки ты превратилась в девушку (*замечает Дилгижека, который стоит с ведрами в руках*). Здравствуйте! А вы сюда когда приехали?

Д и л г и ж е к (*продолжая держать ведра, растерянно*). Здравствуйте, Нина Делгеровна. Давно. Магазином заведую. Пришел поприветствовать Севиль Чамбаеву. Ане воды помог принести, без всякого бюрократизма. (*Смотрит то на ведра, то на Анай.*)

А н а й (*смеется*). Ты чего ведра держишь? Поставь их. Нет, лучше отнеси (*Дилгижек с ведрами входит в дом*).

Н и н а. Мама где? Дома?

А н а й. С работы еще не пришла.

Н и н а. Что так долго задержалась?

А н а й. Роды принимает. Пойдем, сестра, в дом. (*Берет бабетку, направляется в дом. Дилгижек выходит оттуда.*)

Н и н а. Если не спешите, посидим тут и поговорим немного. (*Садятся за круглый столик.*)

Д и л г и ж е к. Конечно, поговорим, без всякого бюрократизма.

Н и н а. Ничего об Андрее не слышали? Где он, как живет? Он ведь вам друг?

Д и л г и ж е к. Он здесь.

Н и н а (*заинтересовавшись*). Здесь?

Д и л г и ж е к. Я хотел сказать в нашем районе.

Н и н а. А вы, наверное, встречаетесь с Андреем!

Д и л г и ж е к. Разумеется. Только что виделись.

Н и н а. Вот как? А сейчас где он? Уехал?

Д и л г и ж е к. Нет, не уехал. Если вы не возражаете, я его, без всякого бюрократизма, сюда приведу.

Н и н а. Хорошо, Макар, позовите Андрея.

Д и л г и ж е к. Будет сделано (*уходит*).

Н и н а (*с просветленным лицом*). Андрей... Андрей... Милый Андрей. Хороший друг и верный товарищ. (*Уходит в дом.*)

Входит Хорлугбай в синем шелковом халате, фетровой шляпе, хромовых сапогах с иглем в руках. Смотрит по сторонам, пожимает плечами и начинает петь.

Видно, в поле разбежались
И телята, и ягнята.
А куда же вы девались,
Черноглазые девчата?

Быстро входит Манма.

М а н м а. Сына родила! Сына! (*Увидела Хорлугбая.*) А где Анай?

Хорлуغبай. Если видел, то что в награду? Лучше рас- толкуй, о каком сыне ты говоришь?

Манма. Жена Бадыжыка уже... Анай, а Анай! (*Убегает в дом.*)

Входит Анарат.

Анарат (*увидев Хорлугбая*). То ли опоздали, то ли рано пришли? Не пойму, дел.

Хорлуغبай. Ничего не могу понять, дарга. Манма сей- час прибежала, кричит: «Сына родила! Сына!» и ушла в дом.

Анарат. Да, да у Бадыжыка счастье — сын родился. А мы, пока суд да дело, пройдемся. (*Уходят.*)

Анай и Манма на столе расставляют посуду.

Нина (*она переоделась*). Тетя Манма, дайте я помо- гу вам.

Манма. Нет, нет. Мы с Анай одни справимся. У нас все готово. Ты лучше отдохни, вбирай в грудь воздух деревенский.

Анай. Правильно, сестра, побудь на воздухе. Если подой- дут, постарайся занять их как-нибудь.

Нина. Тетя Манма, а вы давно здесь живете?

Манма. Я уже на пенсии. Но без дела стало невольно. Выпросила у твоей матери работу. Сторожу. И вот с прошлого года мы живем две старушки вместе.

Нина сходит с веранды. Ей навстречу идет Маспыкай, скромно, но элегант- но одетый.

Маспыкай. Здравствуйте. Узнал, что вы приехали и от- ваяжился поговорить с вами.

Нина (*строго*). Мы с вами обо всем и давно перегово- рили. Какой разговор сейчас может быть между нами?

Маспыкай. Прошу понять меня правильно. Я не в гости пришел. И никакой неприятности не причиню, не буду портить вам настроения. Давайте присядем и выслушайте меня.

Нина. Я могу и стоя выслушать. Говорите.

Маспыкай. Как хотите. Я не терял вас из вида. Пользо- вался всякой возможностью, чтобы узнать о вас что-нибудь. И очень хотелось с вами увидеться.

Нина. Зачем?

Маспыкай. Чтобы попросить у вас прощения. Если мо- жете, забудьте обиды на меня.

Нина. Все это ни к чему, потому что...

Маспыкай. Прошу вас, не перебивайте меня. Я своими руками разрушил свое счастье, поломал жизнь. Вы ни в чем не виноваты.

Нина. Не понимаю, к чему весь этот экскурс в прошлое?

Маспыкай. И за все, что сделал я плохого, получил

должное, справедливое наказание. Трудно мне было, но пережил.

Н и н а. Честь вам и хвала. Только зачем вы мне рассказываете? Хотите разжалобить?

М а с п ы к а й. Нет, Нина. Сломанное целым не может быть. Я хочу только одного: чтобы вы меня всю жизнь не считали подлецом и простили. И все. Прощайте. *(Быстро уходит. Ему навстречу идет Санданак, но Маспыкай его не замечает, его голова опущена вниз.)*

Н и н а *(увидев Санданака, радостно)*. Андрей! *(Идет к нему навстречу.)* Здравствуй, Андрей... Демидович! *(Подает руку.)* Очень хотелось вас видеть. *(Руку свою не отнимает.)* Вот и сбывлось одно из моих желаний. Закончила музыкальное училище. Стала певицей.

С а н д а н а к. А у меня было только одно желание, чтобы сбывались все ваши желания. Я очень рад за вас, Нина Делгеровна. Дорога открыта перед вами.

Н и н а. Спасибо, Андрей. Я тоже вас поздравляю.

С а н д а н а к. С чем?

Н и н а. С повышением по должности.

С а н д а н а к. А-а, с этим можно и без поздравления обойтись. А вот я хочу похвастаться.

Н и н а. Я не замечала прежде в вашей натуре такую черту. Ну, попробуйте, пожалуй.

С а н д а н а к. Я закончил нашу вечернюю музыкальную школу по классу баяна.

Н и н а *(искренне обрадовавшись)*. Рада, сердечно рада за вас! *(Жмет Санданакую руку.)* Музыку вы всегда сравнивали с морем. Помните?

С а н д а н а к. Конечно, помню.

Н и н а. На волнах этого моря мы встретились снова с вами.

С а н д а н а к. Да.

Входит Севиль Чамбаевна. Несмотря на усталость, лицо ее сияет радостью.

Н и н а. Мама! Мамочка! *(Бросается в объятия к матери.)* Милая, любимая, единственная моя! Очень соскучилась о тебе! Пока собираются гости, посидим чуток. *(Подходят к столу.)*

С е в и л ь Ч а м б а е в н а. Здравствуйте, Андрей. *(Подает ему руку, садится.)* Когда пожаловали к нам? Не спешите?

С а н д а н а к. Сегодня утром. Дела свои закончил. Особенно не спешу.

С е в и л ь Ч а м б а е в н а. Тогда я приглашаю вас на чашку чая.

С а н д а н а к. С удовольствием принимаю ваше приглашение. *(Отходит к клумбе.)*

С е в и л ь Ч а м б а е в н а. Я так волновалась сегодня.

Ждала тебя. И роды принимала. Тяжелые были роды. (*Прижимает голову дочери к своей груди.*)

Нина (*ласкаясь*). Я, мама, тоже. То мне казалось, что автобус тащится, как черепаха, то обуял страх, что на пути он поломается. Но все обошлось хорошо.

Севиля Чамбаевна, Молодец, Нинок. Я горжусь тобой! Мечта твоя исполнилась. Гордость за детей — это самое большое счастье матерей. И ты мне доставила это. Спасибо, доченька.

Собираются гости. У многих букеты в руках. Они, поставив их, расходятся кто куда. Одни образуют кружок и о чем-то оживленно говорят, любуются цветами.

Нина. А ты у меня, мама, тоже молодец! И как мне хорошо дома. Я тобой горжусь. Ты у меня самая прекрасная на всем-всем белом свете.

Входят Анарат и Хорлугбай.

Хорлугбай. Кажется, вовремя спелы.

Анарат (*подходит к столу*). Сперва надо поздороваться с гостями! Здравствуй, Нина! Поздравляю тебя с дипломом. (*Жмет Нине руку.*)

Нина. Спасибо, Начын Хулоролович! Это вы мне помогли окончить училище. И я никогда не забуду этого.

Хорлугбай. Я передаю горячий привет нашему Соловушке от старейших певцов и музыкантов нашего колхоза «Теректиг». (*Жмет руку Нине.*)

Нина. Милые, хорошие мои, всем вам большое спасибо.

Быстро входит Дилгижек. Он уже успел переодеться. В руках держит пакет, перевязанный лентой. Увидев на веранде Аня, манит к себе. Та его не замечает.

Дилгижек. Аня! А, Аня! Иди сюда! Иди же скорей, без всякого бюрократизма!

Санданак. Что с тобой, Макар! Ты вроде не в себе?

Дилгижек (*сердито*). «Что с тобой?» Решили вместе придти. Осел! Сбежал. Я его ищу по всему поселку. Аж мозоли натер (*дает Санданак пакет*).

Санданак. Нет, нет. Я здесь случайный человек. Ты сам. Договорились?

Севиля Чамбаевна. Молодые люди, о чем у вас спор?

Дилгижек. Какой может быть спор? Примите от нас с Санданаким подарок, Севиля Чамбаевна. С днем рождения вас! (*Разворачивает бумажный пакет и передает белую шелковую шаль Севиля Чамбаевне.*)

Санданак. Товарищ Дилгижек немного ошибся. Этот

подарок не только от нас с ним, а от всех работников нашей конторы.

Севиль Чамбаевна (*встает, берет шаль, набрасывает ее на плечи*). Спасибо, ребята. Отменный подарок. (*Жмет руки Дилгижеку и Санданак. Гости аплодируют.*)

Анарат. Уважаемая именинница, Севиль Чамбаевна! Правление колхоза, партийная организация и все колхозники поздравляют вас с пятидесятилетием жизни и двадцатипятилетием трудовой деятельности! (*В это время гости обступают юбиляра. Аплодируют.*)

Хорлугай. Дорогие односельчане, люди! Я тоже хочу слово сказать. Севиль Чамбаевна к нам приехала молодой девушкой. А сейчас на ее черных волосах седина сверкает. В мороз и зной, днем и ночью боролась с болезнями. Сколько жизней она вырвала из когтей смерти? Скольким из нас дала возможность дальше видеть золотое солнце и радоваться? Вот она какая! Поэтому мы с радостью приветствуем и говорим: наш земной поклон тебе! (*Горячо аплодируют гости, Хорлугай кланяется Севиль Чамбаевне.*)

Севиль Чамбаевна. Спасибо вам, товарищи, друзья, родные! У меня сегодня сердце от счастья поет. За 25 лет много детей я приняла. Внучат у меня полно. Даже сегодня, в день своего рождения, я принимала ребенка. Мальчика. Нового гражданина. Большой подарок мне сделала дочь моя Нина. Она теперь настоящая певица. Пусть ее песни радуют народ. Спасибо, дочка, за такой подарок. А теперь, дорогие гости, прошу всех вас к столу. Спасибо вам всем. Работу нашей больницы поднимает весь колхоз. Вы меня не оставляли ни в беде, ни в радости. Мечта Нины исполнилась тоже при вашей помощи. И пусть сегодняшний день будет радостным для всех нас. (*Гости аплодируют.*)

Нина. Любимая мама! У меня нет слов выразить радость мою. Я лучше спою песню «Мама», посвященную нашим дорогим, заботливым, нежным, добрым, строгим, справедливым матерям.

Хорлугай. Правильно. Без песен жизни нет!

Нина и Санданак начинают песню «Мама», гости подхватывают. Хорлугай дирижирует. В конце песни Анай и Дилгижек начинают вальсировать, к ним присоединяется молодежь.

Салим СЮРЮН-ООЛ

НЕОКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ

(Рассказ)

В эту ночь Кара-кыс несчетно раз поднималась с постели. Подходила к окну. Ей слышались шаги, стук открывающейся двери. И спать не спалось, и лежать она не могла. Ее бушевали думы, от которых сладко сжималось и замирало сердце. Кара-кыс в эту бессонную ночь думала об одной длинной истории, еще не имеющей своего конца.

* * *

На берегу реки расположился пионерский лагерь. Стоял он в зарослях молодого леска с веселыми полянами, покрытыми зеленым ковром душистых и влажных трав. Прохладные струи речки Чадана, переливаясь, сверкали на солнце, как прозрачные стекла. То и дело попадались яркие цветы и ягоды. Такой прелестный уголок располагал к отдыху.

Только Кара-кыс перестала это замечать. В эти дни ничего ее не радовало, даже сна лишилась. А причиной этому был паренек-вожатый. Веселым нравом, простотой, привлекательностью он буквально обворожил окружающих. Не только девушки, но и все говорили о нем, особенно в первые дни. Да и было о чем говорить. Иссиня-черные, как ночь, волосы, брови, как два крыла, почти сросшиеся у переносицы, блестящие черные глаза, мягкий голос. Кара-кыс с первого взгляда влюбилась в него. Моет ли посуду, идет ли по своим делам — все помыслы ее только о нем. О, если бы быть вместе с ним! Если б за партой сидеть с ним рядом!

«Интересно, как бы отнеслась мама, если б я домой приехала вместе с ним?» Какие только желания не вспыхивали в ее груди. О чем только она не перемечтала.

По несколько раз в день они встречались, но Ак-оол не догадывался о чувствах Кара-кыс. Только один раз, вскоре пос-

ле открытия лагеря, к Кара-кыс, стоявшей возле столовой, подошел он и спросил ее словно невзначай.

— Где ваш дом, дунмам?¹

— Тут,— неопределенно ответила она.

— Где это тут? Близко ли далеко?— добивался Ак-оол.

— За Адар-Тошем.

Ак-оол, устремив взгляд на развесистую иву, словно сошедшую с берега в воду, вдруг улыбнулся и лукаво пропел:

Кто оросил черемуху
Алмазною росой?
Какая мать произвела
Смугляночку с косой?

Небрежно кивнув головой, он бездумно рассмеялся и устремился к футбольному полю. На этом ограничилось их общение. Но Кара-кыс просияла вся, ни с чем несравнимая радость охватила ее. Казалось, ласковое солнце заглянуло в душу и зажгло в ней неугасимое пламя. Но радость ее была напрасной. Ак-оол не искал встреч с нею и больше ни о чем не заговаривал. А Кара-кыс любовь заполонила, сердцу словно стало тесно в груди и оно не знало, как быть с нахлынувшим чувством. Порой какой-то страх брал ее, она не могла прямо смотреть ему в лицо и ей хотелось бежать от него. Между тем, оставаясь одна, она думала только о нем. Больше того, Кара-кыс начала ревновать Ак-оола к вожатой Минчимаа. Душа ее не знала покоя. Не зря, думала она. Ак-оол постоянно ходит с нею...

* * *

Закончился последний сезон. Лагерь закрылся. Ак-оол уехал домой. Кара-кыс тоже вернулась к себе. Ее родные находились на чайлаге. Всюду еще властвовало лето. Только участились дожди, и умолкла кукушка.

Кара-кыс думала, что постепенно забудет Ак-оола. Но что бы она ни делала, образ Ак-оола стоял перед ее глазами. Дойт корову, а мысли ее далеко. Однажды, задумавшись, Кара-кыс пролила ведро молока и за это ей от матери влетело.

Стояли августовские ночи. По небу то тут, то там рассыпались отары звезд. Из-под пальцев Кара-кыс привычно струилось в подойник молоко. А мысли ее вились, как птицы в бездонном небе. И вот ей почудилось, что к ней подошел Ак-оол. Кара-кыс начала с ним разговаривать.

«Смотри, какой прекрасный вечер, послушай как поет достак-чаак². Именно в такой вечер я мечтала встретиться с

¹ Сестричка.

² Ночная птица, поющая только летом и с наступлением сумерек.

тобой. И ты пришел. Раз свататься пожаловал, покажи свою силу. Подтолкни-ка теленка сюда...» — Кара-кыс и не заметила, как начала разговаривать сама с собой. В это время неслышно подошел к ней соседский паренек. От изумления у него невольно вырвался вопрос:

— Что говорит эта девушка? От неожиданности Кара-кыс вскрикнула и, соскочив с места, побежала. И корова, которую она доила, бросилась тоже куда глаза глядят, будто за ней гналась туча оводов. Железный подойник опрокинулся и на земле образовалось белое озерко молока. Мать, увидев это, заохала, запричитала:

— Что ты делаешь! Ведь это не вода, а еда! Ты же не маленькая девочка. Где твой разум? Почему у тебя мозги стали набекрень?

* * *

В те времена в школе еще обучались переростки. Кто заканчивал четыре класса, считался образованным человеком. Перед ним было только два пути — или ехать в Кызыл для дальнейшей учебы, или работать. Кара-кыс сначала решила учительствовать. Но любовь к далекому Ак-оолу, мечты и надежды, связанные с его именем заставили ее отказаться от этого решения. Во что бы то ни стало ей хотелось быть вместе с ним, иначе никогда ей не видать покоя. А найти Ак-оола просто. Он же ученик Кызыльской объединенной школы. Кара-кыс мечтала хоть издали видеть и слушать его.

И вот уже август подходил к концу. Началась перекочевка на осенние стойбища. Настал момент, когда надо было решать окончательно, что делать: работать или учиться дальше. Кара-кыс о своем решении сказала родителям.

— Тебе виднее, дочка, — ответил ей старик-отец. Кара-кыс не сомневалась, что отец скажет именно так. Она и от матери не ожидала иного ответа, но та вдруг запротестовала:

— А если заболеешь, кто тебе поможет там? Не желаешь трудиться, выходи замуж. Холостых парней у нас сколько хочешь!

Но Кара-кыс настояла на своем.

* * *

Чем ближе подъезжали к Кызылу, тем учащеннее билось сердце Кара-кыс, тревожнее стали мысли. И наконец она в городе, с которым у нее связаны все мечты — учеба, радость и надежда. Кара-кыс, как только слезла с машины, сейчас же потихоньку стала искать глазами его. Но Ак-оола, конечно, она не увидела.

И только в обеденный час она повстречалась с Минчимая, которая увидев ее, побежала к ней навстречу.

— Ойт, Кара, когда ты приехала? Зачем?

— Учиться.

Разговор между ними был короткий. Минчимаа сама заговорила о том, что так интересовало Кара-кыс.

— Ак-оол уехал в Бай-Тайгу учительствовать. Понимаешь, не хватает учителей, многих направили по школам. Я их провожала. Между прочим, Ак-оолу совсем не хотелось ехать.

Первые дни в Кызыле для Кара-кыс были не очень радостными. Зато одна ее мечта осуществилась: она поступила в педтехникум.

Кара-кыс не отличалась словоохотливостью; не любила бахвалиться, выставлять себя напоказ, почти ни с кем не дружила. Она больше молчала. Даже когда ее о чем-нибудь спрашивали, она не сразу отвечала. Как улитка, она ушла в себя. Кто не знал ее, мог подумать: «Что за странная девушка, ничего от нее не дождешься».

Однако время летело незаметно. После занятий было чем развлечься: театр, кино, концерты, танцы, спорт, встречи, знакомства...

* * *

Постепенно Кара-кыс узнавала, каким усердным и способным учеником был Ак-оол. Учителя чуть ли не на каждом уроке вспоминали его. Особенно часто хвалил его учитель педагогики Кужугет Лаа-Сурун, упрекая тех, кто получил плохую оценку.

— Вот у нас был ученик Ак-оол. Он не только «двойки» или «тройки», а даже «четверки» не получал... Только так учиться следует... А ты что делаешь? Постыдился бы!

Девушки, с которыми она жила, иногда пускались в рассуждения о любви, говорили о парнях. Кара-кыс смущалась и отмалчивалась. Подружки приставали к ней:

— Ты какая-то странная, даже разговоривать не желаешь. Скажи, у тебя есть друг? Ну хоть нарочно придумай, чтоб было о чем потолковать. Кто же кумир твоего сердца, скажи?

Кара-кыс только улыбалась. Об Ак-ооле ее подружки не заводили никаких разговоров. Они его не знали. Но краешком уха она не раз слышала, как о нем говорили старшекурсники. Та же Минчимаа хвасталась:

— Ойт, Кара! От Ак-оола письмо пришло. Тебе тоже привет передает...— на ходу бросала она и убегала по своим делам.

Но слова Минчимаа только тревожили ее, не принося радости или надежды.

Чудесное время лето — веселое, зеленое. Все разъезжаются на каникулы, выпускники вообще прощаются с технику-

мом. Подруги Кара-кыс тоже уехали домой. А она задержалась в городе с матерью, приехавшей подлечиться. Минчимаа закончила учебу. Кара-кыс шла с матерью по улице и встретила с ней. Та пригласила ее на прощальный вечер.

— Завтра наш вечер, приходи. Вместе повеселимся. Кара-кыс было интересно побывать на этом вечере. Тем более, утром она чуть не столкнулась с Ак-оолом на улице. Сердце у Кара-кыс екнуло и заколотилось в груди. Ак-оол как будто об этом догадался:

— Что с тобой? — спросил он.

Кара-кыс, как маленькая девочка, смутилась, опустила глаза вниз и ничего ему не ответила. Ей захотелось бежать от него, но ноги не слушались, они были словно в путах. Ак-оол задавал вопросы, но ответов ее не слышал.

— Гм... а что, если мы вместе пойдем туда, куда ты спешишь? — сказал Ак-оол и хотел ее взять под руку. Она отдернула руку и попятилась от него. Ак-оол удивленно посмотрел на Кара-кыс, ничего не понимая, и зашагал своей дорогой, несколько раз оглянувшись назад. Ей показалось, что он ей махнул рукой. Наконец Ак-оол скрылся за углом. Кара-кыс не знала, куда себя девать. «Почему не ответила ему! Почему не пошла с ним, когда он меня звал!»

Задыхаясь от быстрой ходьбы, она дошла до входа в сад, остановилась на мосту и оперлась на перила. Сюда шел и Ак-оол. Он заметил ее и удивился:

— Па, откуда ты, прелестное дитя? Кара-кыс улыбнулась и пошла рядом с ним.

Летними вечерами в саду бывало всегда много народа. Гуляющие двигались по парку, словно разноцветный туман, растекаясь по всем аллеям. И кого только здесь не было: горожане, приезжие учителя, солдаты Народной армии... На танцплощадке играл военный духовой оркестр, молодежь танцевала. Весело было в саду. Ак-оол пригласил Кара-кыс потанцевать, она не согласилась, но они весь вечер были неразлучны, говорили о жизни, мечте, о труде, о доме. Кара-кыс с затаенным волнением думала про себя, что ее желание наконец-то начинает сбываться. Ее охватила большая радость. И, кажется, ей не было границ. Ей казалось, что все происходящее в саду предназначено только для них двоих. Звезды сияли для них, волны Улуг-Хема, плескаясь, ласкали их, музыка звучала для них.

Время летело, как птица. Кара-кыс и Ак-оол ходили, говорили, говорили... Но сколько же можно бродить? Ноги устали. И они сели на скамейку, что стояла под раскидистой черемухой. Ак-оол порылся в карманах, вытащил спички, зажег и посветив на часы, вскрикнул:

— О, о, уже больше десяти! Туда-то мы пойдем, Кара?

— Куда куда? — удивилась Кара-кыс.

— А на выпускной вечер.

— А, а!.. Я и забыла про него. Сейчас, наверное, там танцы в самом разгаре.

Они подошли к школе. Веселье было в разгаре. Слышался смех, веселые возгласы, звучала музыка.

Ак-оол вошел первым. Кара-кыс осталась у порога. Людей было полно. И учителя, и выпускники, и гости... Острые глаза Минчимаа немедленно заметили Ак-оола:

— Ага! Явился Ак-оол! — она подбежала к нему, схватила за руку и вытащила упирающегося Ак-оола на середину зала.

— Товарищи! Послушайте, товарищи! Еще один гость пожаловал к нам. А что, если мы попросим его сплясать кавказский танец?

Послышались возгласы одобрения, дружные аплодисменты. Ак-оол как-то сразу подтянулся, пригладил волосы, поправил на груди комсомольскую рубашку, взмахнул руками, как орел крыльями, и поплыл в танце. Заскрипели блестящие хромовые сапоги. Он танцевал так, что глаз нельзя было отвести от него! Среди общего одобрительного гула слышался залихватый смех и подзадоривания Минчимаа. С виду она ничем не выделялась, была самая заурядная, даже некрасивая. Короткий нос, широкое скуластое лицо, редкие волосы. Но в танцах, веселье, игре ей не было равных. Смелостью, общительностью, веселым нравом она невольно обращала на себя внимание.

Кара-кыс, прижавшись у дверей, смотрела. Минчимаа была центром внимания. Она уже объявила следующий номер: — Музыканты, играйте вальс!

Приятные звуки вальса, как Улуг-Хемские волны, то замедлялись, то убыстрялись. Минчимаа, возбужденная, с покрасневшим лицом и блестящими глазами подошла к Ак-оолу, который о чем-то рассказывал в тесном кругу. Он подхватил ее и они закружились в вальсе. Они смеялись, Минчимаа кокетливо наклонилась к нему и что-то шептала. А он только головою кивал. Кара-кыс не могла больше вынести этого. Сердце ее разрывалось на части: лучше бы ее глаза не видели их! И она без оглядки выбежала вон.

Не помня, как домчалась до дома, Кара-кыс быстро разделась и легла. И тут же начала плакать. Слезы, оставляя горячие следы, капали на шею, попадали в рот и были солоноватые на вкус. Мать почувствовала, что Кара-кыс плачет, закашляла, приподнялась и начала в темноте шарить рукой, ища спички. Кара-кыс, затаив дыхание, старалась сдерживать слезы, но они не слушались ее и лились, как осенний дождь.

Годы учебы остались позади. Кара-кыс стала учительницей. Нужно было приступать к работе. Но она отказалась.

Кара-кыс слышала, что Ак-оол год назад уехал учиться в Москву. И это известие послужило ей толчком. В ней зародилась мысль поехать за ним и, как он, получить высшее образование. Кара-кыс обратилась в министерство с заявлением. Оно было удовлетворено. Только не в Москву, а в другой город послали ее на учебу.

Большой город. Народу видимо-невидимо. Только в одном институте тысячи юношей и девушек! И когда они шли группой со студенческих собраний, концертов, то на них смотреть было одно удовольствие. Своей задорной молодостью они сияли, как семицветная радуга.

Кара-кыс была очень привлекательна. Стройный стан, милое обаятельное лицо, на котором выделялись словно два агатовых озера, огромные черные глаза и жемчужно-белые зубы. А волосы блестели, как черный атлас. Многие парни заглядывались на нее. На танцах ее приглашали наперебой. Но она никого из них не выделяла. Коротко, односложно отвечала на вопросы. Ребята говорили, что Кара-кыс знает себе цену. Ее скромность и достоинство они уважали. Даже побаивались лишний раз подойти к ней. А если кто из них осмеливался говорить о своих чувствах, она резко обрывала и приставания прекращались. Но сама она выделяла некоторых ребят. Ей нравились их воспитанность, склад ума. И все же...

Окончив институт, Кара-кыс вернулась в Туву. В Кызыле проходил праздник: то ли был наадым животноводов, то ли день физкультурника. На стадионе должен был состояться хуреш. Кара-кыс спешила на это любимое с детства зрелище. Стадион был переполнен. Болельщики волновались, как трава на ветру. Пробраться вперед было невозможно. Хуреш уже начался. Невообразимый крик стоял над стадионом. Люди свистели, смеялись, сердились, спорили. Кара-кыс протиснулась с большим трудом вперед. Ей даже пришлось поспорить с одной высокой девушкой из-за места. Особый интерес зрителей вызывал стройный секундант, одетый в синий шелковый халат, подпоясанный красной опояской. Он все время находился в движении: подскакивал вверх, приседал, бегал вокруг борца, всем существом своим помогал ему. В критические минуты соломенная шляпа, словно живая, то сползала на лоб, то слетала на затылок, то подпрыгивала над головой. На каждое движение этого темпераментного посредника зри-

тели реагировали смехом, восклицаниями и аплодисментами. В это время его подопечный борец, сделав последнее усилие, поборол своего противника, взмахнул руками и начал танец орла. Ликующий посредник взял победителя за руку и повел его к судьям... Это был Ак-оол! Кара-кыс вздрогнула. Девушки, стоящие возле нее, начали говорить об Ак-ооле:

— Какой красавец! Глаза-то, глаза у него, так бы и глядел в них, не отрываясь,— шептала высокая девушка, с которой Кара-кыс поспорила из-за места. Кара-кыс внимательнее взглянула на нее.

Вторая девушка подхватила шепот своей подружки и вторила ей:

— Чудо-паренек. От одного его взгляда можно с ума сойти. Ой, держите меня, мне дурно...— смеялась она.

— Как ты думаешь, он женат? Интересно, кто она? Русская, тувинка? — спрашивала одна.

— Не знаю,— отвечала другая,— вероятно, тувиночка.

— Нет, я думаю среди них ему вряд ли найдется подружка,— произнесла высокая девушка, подтолкнула локтем свою подружку и захохотала.

Кара-кыс краешком глаза наблюдала за ними. Диалог девушек ее раздражал, к борцам она потеряла интерес.

* * *

Она медленно шла по парку. Сверлом вонзились вопросы в мозг и она не могла на них найти ответа. «Женат Ак-оол или нет? Кто же она?» Слухи ходили разные. Одни говорили, что он женат, другие, что он разошелся. Кара-кыс должна была этот вопрос выяснить немедленно. Ей казалось, что это самое важное в ее жизни.

В парке толпился народ. И вдруг она увидела Минчимаа, которая шла навстречу, ведя ребенка за руку.

Они поздоровались, незаметно разглядывая друг друга.

Стоило ей увидеть Минчимаа, как сразу же возник перед ее внутренним взором образ Ак-оола. Это стало привычкой. Она ревниво вглядывалась в лицо ребенка, стараясь найти в его чертах сходство с Ак-оолом. Но ребенок, как две капли воды, походил на мать. Мальчику было года четыре-пять.

— Где твой папа, малыш? — спросила Кара-кыс у мальчика. Он уставился в землю и не удостоил ее ответом. Кара-кыс и Минчимаа долго разговаривали. Кара-кыс все порывалась спросить у нее об Ак-ооле, но вопрос застревал в горле. Минчимаа сама заговорила:

— Хуреш смотрела?

— Да.

— Видела Ак-оола?

— Ак-оол? — прикинулась непонимающей Кара-кыс.

— Помнишь, в лагере вожатым был.

— А-а! Кажется, видела.

— Вои в столовую вошел. Иди, возможно, тебя он заметит. Дело молодое. Я ему безразлична,— сказав это, Минчимаа как-то неестественно засмеялась.

— Разве он не твой муж? Я была в этом уверена,— выпалила Кара-кыс.

Минчимаа снова нехорошо засмеялась, подхватила сына и ушла.

Кара-кыс потопталась на месте и направилась к столовой. Чем ближе она подходила, тем учащеннее билось ее сердце, кровь застучала в висках и тревога горячей волной охватила девушку. Ей хотелось только один раз взглянуть на него. Но войти в столовую она не осмелилась.

* * *

Кара-кыс осталась в городе. Ак-оол тоже жил здесь. Они часто встречались на улицах. Ак-оол, как и прежде, ни о чем не догадывался. А любовь преследовала Кара-кыс. Ей хотелось смотреть на него, слышать его голос, говорить с ним. Но при случайных встречах с Ак-оолом она терялась и бежала от него.

Прошло около года. Начался новый учебный год. В это время в ее жизнь вторгнулся Сарыг-оол, тот паренек, который несколько лет назад напугал ее и она разлила целое ведро молока. Кара-кыс его хорошо знала. Они жили по соседству, вместе выросли. Парень твердый, надежный и влюбленный. Сарыг-оол зачастил в город. Чтобы увидеть ее, находил разные предлоги. А уж когда бывал в городе, всегда искал Кара-кыс и исповедовался перед ней. Слушая Сарыг-оола, Кара-кыс потом долго не смыкала глаз. «Я тебя давно полюбил. И все это время я думал только о тебе. Все мечты мои связаны с тобой. А сколько раз ты снилась мне во сне... Но открыться не хватало смелости... Дальше так не может продолжаться. Я жить без тебя не могу».

Кара-кыс всем сердцем понимала Сарыг-оола, сочувствовала ему. И все-таки...

Если любовь обоюдна, то радости нет конца, если же она безнадежна, то горше тоже ничего быть не может. И неразделенную любовь человеку тяжело носить в себе. А еще хуже, когда любимый не знает о твоих чувствах к нему. Ты все время видишь его, но дичишься, смотришь в его глаза и сердце освещается звездным светом, но молчишь, как немой, становишься его тенью, и упрямые губы не могут произнести три волшебных слова.

Кара-кыс слушает Сарыг-оола, а сама в это время думает об Ак-ооле. Он не выходит из ее головы ни на одно мгновение. И поэтому ей трудно было сказать Сарыг-оолу что-то обнадеживающее. На его признания она неопределенно отвечала:

— Жду я одного человека... Что получится у нас не знаю... После будет видно.

* * *

Хорошее и плохое не лежит на одном месте, рано или поздно люди узнают об этом. Как-то раз Кара-кыс услышала, что Ак-оол решил снова жить с Минчимаа. Горько было ей слышать об этом, но что она могла сделать.

А разум ее подсказывал: «И правильно... Минчимаа его первая любовь. Не зря говорят, что она человека покидает только с последним вздохом...»

Но однажды подвернулся удивительный случай. Педагог, с которым Кара-кыс работала вместе, справлял день своего рождения. Кара-кыс пришла на торжество с опозданием. Гостей было очень много и среди них сидел Ак-оол. Шумно и весело шла беседа, прерываемая танцами.

Время было позднее. Гости засобирались домой. Компания вышла на улицу и там постепенно разошлась. Ак-оол с Кара-кыс остались вдвоем.

— Я слышала, что вы хотите вернуться в свою семью? — нерешительно спросила Кара-кыс.

— Да. Думаю, — кратко ответил Ак-оол.

Перекресток двух улиц. Здесь их пути расходились. На прощание они подали друг другу руки. Кара-кыс, задержав руку Ак-оола в своей заговорила, горячая лавина вулкана вырвалась наружу:

— Давно я хотела вам сказать, но не могла. А вот сейчас, пожалуй, случай самый подходящий... Спасибо вам, — и Кара-кыс крепко сжала его ладонь.

— Мне? За что, дунмам? — удивился Ак-оол.

— Люди, творя добро, заражают этим других и своей человечностью поддерживают в них стремление к лучшему. Даже тогда, когда сами они об этом и не подозревают.

Кара-кыс продолжала в смятении:

— Если б не вы, я не только высшего образования, но и среднего бы не имела. Стала бы женой колхозного чабана или дояркой.

— Па, что вы говорите? Разве плохо быть чабаном или дояркой?

— Конечно, нет. И все же как прекрасно учить детей жизни.

— Объясните, за что вы меня благодарите! За то, что вы стали педагогом? Говорите спасибо Ленину. Он же дал свободу, право учиться. Я здесь, право, не при чем.

— О, об этом я тоже знаю. Но вы непосредственный участник того, что сейчас хочу рассказать,— перебила его Кара-кыс.— Это длинная история... Помните, в Чадапском лагере вы были вожатым?

— Помню.

— С тех пор все и началось...

Звезды, как светлячки, облепили чистое небо и своими яркими глазами задумчиво смотрели на двух людей, стоящих на перепутье. Казалось, они слушали и удивлялись. А Кара-кыс раскрывала свои тайные думы, чаяния и мечты.

— Я долго ждала этой встречи,— продолжала Кара-кыс,— будто камень свалился с души. И мне больше ничего не пужно,— закончила она торопливо.

Кара-кыс и не заметила, как очутилась в объятиях Ак-оола. Руки ее обвили шею Ак-оола. Она пришла в себя только тогда, когда увидела его приближающиеся губы. Кара-кыс вырвалась и быстро-быстро пошла. Тук-тук — стучали ее каблучки по асфальту. Ак-оол долго смотрел ей вслед, не решаясь ни догнать ее, ни остановить.

Придя домой, Кара-кыс сразу же легла в постель. Вначале ей казалось, что Ак-оол придет к ней. Она чутко прислушивалась к каждому шороху, подходила к окну, снова с внутренней дрожью всматривалась, но там никого не было. Немая ночь гляделась в окно. Сердце мучительно заныло и мысли перескакивали с одного на другое. То об Ак-ооле думала, то Минчимая вставала перед глазами, то Сарыг-оол. Спать она не могла. Забрезжил рассвет.

Много бессонных ночей провела Кара-кыс за годы неразделенной любви. И эта ночь прошла без сна. И сколько впереди еще бессонных ночей — неизвестно.

Кызыл-Эник КУДАЖИ

ХЛЕБ

(Повесть)

ПРОЛОГ

Комфортабельный автобус с мягкими откидными креслами, светлыми окнами катил по берегу стремительной реки Ус в сторону Абакана. В одном месте шофер остановил машину, и пассажиры вышли из нее, чтобы подышать свежим воздухом. На берегу стоял встречный автобус. Он был пустым. Вероятно, едущие в нем также решили отдохнуть.

Вместе с пассажирами, следовавшими из Кызыла в Абакан, из автобуса вышел и Тарак-оол. Он подошел к берегу Уса, на поверхности которого прыгали белые барашки волн, и прислушался к торопливому говору реки. Вдруг взгляд его остановился на одиноком стебельке проса, наклонившегося к воде, будто оно решило умыться в студеной струе, и плавно раскачивавшегося от легкого колебания воздуха.

В сторону Тарак-оола направлялся пожилой человек — пассажир из встречного автобуса. Он сорвал метелку проса, подошел к Тарак-оолу и, приветливо улыбаясь, протянул ему стебелек.

— Вот тувинский хлеб. Дарю вам его.

— Благодарю вас. А вы откуда знаете, что просо называют тувинским хлебом?

— Я житель Усинска. По соседству с вами живу. Правда, в Туве не бывал, а знаю.

— Откуда?

— Дела давно минувших дней, как говорят, — неторопливо начал усинец, и будто тень пробежала по его лицу, на котором жизнь оставила суровые следы. — Это было еще в дни моей молодости. Революция только что коснулась наших мест, новая жизнь рождалась в борьбе. В это время белоказики приплыли в Усинск двух тувинцев, отца с сыном. Говорили,

что они якобы украли у бая хлеб. Бай отдал их на расправу казакам. И вот этих двух людей, оторванных от родины, не знающих русского языка, посадили в каталажку, долго истязали, наконец, приговорили к расстрелу. Мой дядя — он и сейчас живой — спрятал в хлеб нож и записку, передал тувинцам. На следующее утро одному из них — сыну удалось бежать.

В течение рассказа лицо Тарак-оола то бледнело, то вспыхивало, наконец, не сумев сдержаться, он прервал рассказ: — Это был я.

Усинец от неожиданности отступил назад и как-то растерянно взглянул на Тарак-оола, выражая всем своим видом, что нечаянно сделал человеку больно.

— Что стало с моим отцом? — почти беззвучно спросил Тарак-оол.

Его собеседник молчал. Но события той ночи с предельной ясностью встали перед его глазами. К горлу подкатил комок, который мешал говорить.

В это время шофер начал сигналить отправление и сзывать пассажиров. Тарак-оолу пора было идти в машину, а ответа он еще не получил. И уже на ходу спросил у русского:

— Скажите, как вас зовут.

— Иван Михайлович я, Антонов. Приезжайте к нам в Усинск, и вы все узнаете об отце.

— Обязательно буду. Сейчас я еду в Москву, Иван Михайлович.— Он пожал руку Антонову и почувствовал, что этот человек стал ему близким.

Тарак-оол опустил на свое сиденье, а стебелек проса воткнул в окно. И всю дорогу смотрел на него. А перед глазами проносились картины прошлого...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Человека с посеребренными висками и бородкой, задубленно-коричневым лицом, давно перешедшего за средний возраст, называли Суваном. В молодости он считался сильным борцом, и араты сумона величали его Суваном-силачом или просто Могэ, что означает силач. И при встречах обязательно обращались к нему со словами, в которых чувствовалось одобрение: «Эки, Силач, какого борца ты еще подмял под себя?» Но эти времена давно уже минули. И называли его сейчас просто Суван-ашак, а молодежь почтительно — Суван-ирей, дедушка Суван.

Суван бедняком был от роду. Лошаденка да коровенка — вот и вся собственность. Правда, если бы они были вдвоем со старухой, да одним-двумя детьми, так куда ни шло. Худо

ли, хорошо — прожить можно. Но когда восемь ребят да самих два рта, то коня и коровы маловато. «Как и чем прокормить этих птенцов?» — с жалостью и сочувствием говаривали люди, видя, как бедный Суван, придавленный беспросветной нищетой, бьется изо всех сил, чтобы прокормить свою семью.

...Все было готово к перекочевке. Суван навьючил на свою серую коровенку немудрый скарб и кошмы, порыжевшие от времени и, держась за веревку, привязанную к рогам коровы, согнув спину, медленно зашагал по обочине в своих стареньких маймаках. За коровой вышагивал старший сын Сувана Араптан с отцовским кремневым ружьем. В одной руке он нес деревянное ведро. Ему едва минуло пятнадцать, но выглядел он старше своих лет. Какое-то недетское выражение лица, резко выступают скулы, вокруг сжатого рта наметились морщинки. Араптан на все глядел серьезным и грустным взглядом. Был он трудолюбивым, не отказывался ни от какого дела: дров нарубит, воды принесет, а надо, так и корову подоит. За Араптаном на лошади, в стареньком каваче (люльке), выкачавшем семь сынов Сувана, с непременным амулетом из медвежьего когтя, по поверью оберегающим дитя от злого глаза и болезней, спал, убаюканный покачиванием седла, восьмой сын, Хеймер. На лошади сидела мать семейства со смуглым изможденным лицом, пропаханным сетью морщин. За лошадью шел второй сын — Тарак-оол с крутым лбом, быстрым взглядом и лицом, говорившим о его нетерпеливом нраве. Он тоже нес разную домашнюю утварь. За Тарак-оолом шли еще пять мальчиков, один меньше другого. Они удивительно напоминали выводок куропаток.

Семья, переправившись через речку Кара-Суг, добралась до места. Суван поставил свою юрту немного выше оросительной канавы.

— Ачай, а ачай,— ласкаясь к отцу, спросил его один из младших сыновей,— где наш хлебушек растет?

— Вот он, возле нас,— указал Суван на посевы проса.— Видите, как он хорош, наш хлебушек. Уродился, родимый! на славу.

Те, что постарше, конечно, понимали, что далеко, ох, как далеко то время, когда можно будет, набрав полные рты, есть это пшено до тех пор, пока не наешься досыта. А младшим это невдомек. Им сейчас же подавай тару, да еще разведенную молоком.

— Ачай, когда мы будем есть тару? — картавя, допытывался у отца тот же малыш.

— Не скоро, оглум.

— А почему?

— Сначала хлеб надо убрать, потом измолотить, провеять на ветру, затем варить, калить, жарить, рушить...

— А потом что?

— А потом уже есть.

Старик, давно разучившийся смеяться, улыбнулся в бороду при настойчивых вопросах сына.

— Давайте-ка, ребятки, займитесь делом. Видите вон, птички выклеивают зернышки, гоните их. Да и матери надо помочь. Привяжите теленка, чтобы не топтал посевы. Если заберется в чужие посевы, греха не оберешься. А мы с Араптаном поставим юрту.

ГЛАВА ВТОРАЯ

С чайлага из Адыглыгской тайги Суван вернулся раньше других, в середине лета, чтобы выполоть сорняки, если надо, полить землю.

Перед ним была густая желто-зеленая полоса проса. Хлеб! Ему-то, Сувану, хорошо известно, что держится жизнь хлебом насущным. Если даже ты богат, можешь до отвала есть мясо и то все равно без тары не обойдешься. А таким беднякам, как он, у которых большая семья и вечная нужда, одна надежда была на хлеб, только он не даст умереть с голоду. А за то, что ты спину гнешь на бая, он не больно-то раскошелится. Он в барбу твою не насыплет пшена и не скажет тебе: иди, приготовь тару да накорми семью. Не поймает в отаре барана, не промолвит: «Режь да ешь», не укажет в стаде на корову, дескать, пользуйся моей добротой. От бая, как от волка, добра не жди. Он готов с тебя десять шкур снять, потому что у него нрав звериный.

Суван был хорошим охотником, но знал, что тайга не так-то легко отдаст свои дары. И прокормить семью, надеясь только на промысел, было нельзя. Поэтому он крепко держался за свой клочок земли, обильно поливая ее своим потом, ибо она была единственной опорой и кормилицей.

Травы созрели и побурели. Сорняки вдоль канавы вытянулись выше человеческого роста. Их терпкий горьковатый запах ударял в нос. Малыши играли в высокой траве в прятки. А у Араптана и Тарак-оола работы было по горло: за водой сходить, хворосту принести, корову попасти. Мать начала чинить и латать рваную одежку. Ей надо было это сделать загодя. Потом времени совсем не будет: надо убирать урожай, подработать на стрижке шерсти у кого-нибудь по найму, может, охотники принесут беличьи шкурки на обделку. Да и муж думает побелковать.

Мальчишки отцу прожужжали уши, каждый день спрашивая:

— Ачай, когда мы будем наше просо убирать?

— Теперь уж скоро,— успокаивал их Суван.

Однажды жена обратилась к нему:

— Ребятишки совсем исхудали, отец. Сердце у меня обливается кровью, когда гляжу на них. Ты бы порадовал их, скопил немножко проса, а я бы тару им приготовила и хоть один раз накормила досыта.

Ничего не ответил Суван. Прислонясь к лежанке, он глубоко затыгивался из повывавшей вида таволожной трубки. И только тогда заговорил, когда, выкурив, выбил о треножник золу из нее.

— Потерпи, кадай. Пусть созреет хорошенько. Если с этих пор начнем тару есть, то чем детей будем кормить целый год?

Низко склонилась голова жены. Тихо сказала:

— Ааржы (сухой творог), что давали нам летом добрые люди, на исходе.

Старик ответил:

— Хурен-Чейзену мы должны отдать мешок пшена. На семена надо оставить. Верно, урожай хороший, но все-таки потерпим, старуха, до времени.

Заметно приближалась осень. Вечера стали ветренее и холоднее. Но даже короткие дни голодным ребятам казались бесконечно длинными. Вечерами дети собирались вокруг очага и грели озябшие ноги в горячей золе, подставляли к огню голое тело, отчего выступали красные пятна.

Все разговоры ребят сводились к еде. Они вспоминали, кто и чем их когда-либо угощал: давал чашку хойтпака или горстку ааржы за то, что они покачают ребенка или принесут воды. Мать горестно вздыхала, глядя на голодных детей, на глазах показывались слезы. В долину Кара-Суга перекочевало много семей, но попросить еду было не у кого. Бедняки сами голодали. А у богатых зимой снега не выпросишь.

Нелегко было и Сувану смотреть на свою голодную семью. И как-то раз под вечер он оседлал коня, взял ружье и уехал — может, что-нибудь удастся подстрелить. Ребята хотели обязательно дожидаться его. О чем только не переговаривали, но голод каждую минуту давал знать о себе. Мать напоила их горячей болтушкой из муки и уложила спать.

Отец вернулся поздно ночью. Он зажег каганец и бодро крикнул:

— Вставайте, ребята! Вы ждали свежего мяса, вот я и привез. Повезло мне сегодня. Косулю подстрелил.

Мать быстро поднялась с постели. Потом один за другим проснулись дети. Вскоре вода в чаше, наполненной мясом, начала закипать.

Утро выдалось на редкость ясное и тихое. Суван со своими домохозяевами приступил к уборке. Отец с матерью встали первыми, за ними с серпами в руках выстроились ребятишки, по старшинству. Сам Суван работал косой. Никто не сидел без дела. Малышам он дал лопату и велел копать сусличные норки.

— Мы не можем сусликов хлебом кормить, самим не хватает. А они, должно, немало в норы натаскали проса. Его надо у них отобрать. Не ленитесь, дети, копайте.

Уборка у кара-сугских аратов была в разгаре. Согнутые фигуры людей издали напоминали журавлей. Суван для молотьбы попросил у соседа коня. С двумя лошадьми и с коровой они быстро управились с молотьбой. А в одну из ночей, когда с Кара-Суга подул ветер, люди до утра веяли просо. В этот год уродился необычно хороший хлеб. Суван расплатился с Хурен-Чейзенем, а остальное оставил на еду и семена.

День окончания уборки в семье Сувана встретил, как светлый праздник. Жена сварила и поджарила целую чашу проса, ребятишки истолкли его в деревянной ступе. И вот она, долгожданная тара, почти готова.

— Не ешьте, подождите, я чай вскипячу,— с доброй улыбкой уговаривала мать сыновей. Ребята с нетерпением ждали тару. Особенно малыши волновались. У них даже щечки порозовели. И вот все готово: тара и чай. Маленьким в чашки налили молока. Ароматный запах распространился по всей юрте. Мать, довольная, как будто даже помолодевшая, наполняла чашки тарой и подавала детям. Первому она подала Тарак-оолу, зная его нетерпеливый характер. Но он замешкался и уронил чашку.

— Что наделал, Тарак-оол? Ты хуже маленьких,— с укором сказала мать.— Тарак-оол быстро взглянул на отца.— Дай сюда чашку, еще насыплю тебе.

Суван всердцах вырвал трубку изо рта и сурово отрезал:

— Ротозейничать нечего. Раз он свою долю уронил, вторую не получит.

Сдерживая слезы, Тарак-оол выскочил на улицу. В юрте все присмирели. Праздничного настроения как не бывало. Немного погодя, из юрты вышел Араптан, бросив на ходу:

— Я буду есть свою тару на улице.

— И я тоже,— сказал мальчик, который был младше Тарак-оола, и выскользнул вслед за Араптаном. Потом еще один юркнул в дверь. И еще один. И предпоследний заковылял на своих слабых ножках за братишками. Остался только маленький в люльке.

Суван в душе жалел Тарак-оола и проклинал вечные недостатки. Чтобы приободрить опечаленную жену, сказал:

— Ничего, кадай. Не горюй. Пусть с детства привыкают к порядку, учатся хлеб ценить.

Когда из юрты вышел последний малыш, то он увидел, что все братья стояли вокруг Тарак-оола. Ребенок, появив в чем дело, натолкал за обе щеки две ложки тары, а чашку протянул Тарак-оолу:

— На, ешь мою тару, а я уже сыт, акый!

Шесть чашек братья протянули Тарак-оолу, и каждый хотел, чтобы именно из его чашки он поел.

— Мою ешь... Нет, мою бери...

Но ни к чьей таре не прикоснулся Тарак-оол. Он только наклонился вперед и дырявым носком маймака стал ковырять землю. Раз провинился, значит должен нести наказание.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Годы уходили, а нужда в семье Сувана оставалась. Теперь у него было уже десять сыновей. Ребята подрастали. Рядом с его юртой встала другая, ветхая юрtesшка старшего сына Араптана. Он женился на дочери соседа и отделился. Сыновья один за другим покидали родительский кров. Они уходили батрачить к баям, пасти их скот, сеять им хлеб. И все же радостно было старику сознавать, что дети начали жить самостоятельно.

Задавленный темнотой, неграмотный Суван все же часто задумывался: разве это правильно, что богачи живут припеваючи, а бедняк всю жизнь мается и живет впроголодь? Но ему и в голову не приходило, что такой порядок может измениться.

И вдруг среди бедняков забродили странные слухи. До Сувана дошли разговоры, что в России свергли царя, а руководил этим очень умный человек по имени Лендсей, который сейчас дал беднякам свободу. Да и баи в последнее время вели себя как-то по-другому. Они забеспокоились, как муравьи, когда на их кучу напал медведь. Стали поговаривать, что в Хем-Белдир приехали красные и что в жизни аратов ожидаются большие перемены. Как ручьи весной стекаются в поток, так и людская молва растекалась по аалам: бедные араты присоединяются к красным русским людям и вместе собираются сбросить баев.

Слух шел и о том, что баи начали прятать свое добро. Богач Ажыкай где-то закопал мешок серебра. Хурен-Чейзен тоже затревожился. Он волком смотрел на бедняков. Сбли-

зился с белыми. Угощал их мясом, чаем, аракой. Не зря он это делал. Хоть и меньше, чем у Ажыкая, но и у него было немало добра.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как-то Суван зашел к Араптану в юрту потолковать с ним по душам, поговорить, как мужчина с женщиной. У него созрело одно решение, о котором еще никто не знал. Он долго курил свою неразлучную трубку, а потом начал исподволь:

— Видишь, сын, времена настали беспокойные. В народе волнение. Бедняки поднимают головы. Что ты думаешь об этом?

— Тоже замечаю.

— Я думаю, не только замечать да видеть надо. Под лежачий камень вода не течет, сынок. А почему бы тебе не разузнать хорошенько обо всем самому? Ты молод, и жизнь твоя впереди. Что это за люди, которые прозываются красными?

— Не знаю, отец, но тоже думаю о них.

— Не только думать надо, но и что-то делать. Ты слушай меня и зря времени не теряй. Иди-ка в Межегей, в Элегест, якобы за хлебом, да и разузнай, что и к чему. Ты слыхал про Лендея? Мне кажется, ему верить можно. Если ты нападешь на его след, большое дело сделаешь. Торопись, сынок.

— Я, пожалуй, завтра поеду.

— В добрый час! Чем скорей, тем лучше. Твою жену не оставим. Не беспокойся.

Рано утром Араптан отправился в путь.

Не прошло и трех дней, как Хурен-Чейзен привел белых. Их взмыленные кони, которых подстегивали нагайками всадники, мчались по аалу. Ребятишки и взрослые, чтобы не попасть под копыта, разбегались в разные стороны. Впереди ехал сам Хурен-Чейзен. Конные направились к юрте Сувана. Старик выбежал из юрты, боясь, что они уведут коня. Младшие дети Сувана не знали, куда им деваться, и были похожи на сусят, которых водой выживают из их норок. Всадники спешились. Держа плетку в руке, Хурен-Чейзен подошел к Сувану и злобно закричал на него:

— Куда спрятали украденный хлеб, поганые воры?

Суван упал перед ним на колени и взмолился:

— Откуда нам, бедным, знать, господин, куда спрятан ваш хлеб?

— Замолчи, собака! Я знаю, твоих рук дело.

— Клянусь богом, я никогда не воровал, господин.

— Не ври, старый пес!

В воздухе засвистела и змеей взвилась плетка. Хурен-Чейзен ударил старика по лицу. Из раны потекла кровь.

Боль на мгновенье затемнила сознание. Но Суван даже не охнул.

— Что, получил? Погоди, еще не то будет. Отвечай, мерзавец, где твой старший выродок? А? Поехал с красными снюхиваться?

— Откуда мне знать, может, за хлебом отправился куда-нибудь.

Хурен-Чейзен плюнул в лицо Сувану и с двумя людьми вошел в юрту. Там они все перевернули вверх дном. Потом Сувану с Тарак-оолом, не успевшим скрыться, скрутили руки за спину, усадили на конягу и увезли. Их провожали крики и плач ребят.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Их доставили в Шагонар. Целый день допрашивали, а потом бросили в тюрьму. Это была сырая, пропахшая дымом лачуга без окон. В первые минуты тьма крошечная обволокла арестованных. Они ощупью добрались до угла и сели поближе друг к другу, чтобы согреться. Постепенно пригляделись. Помогло то, что сквозь пазы кое-где просачивался свет.

Вдруг из противоположного угла послышался стон. Тарак-оол прижался к отцу. Кто-то натужно и хрипло кашлял. Видно, он был в цепях, потому что Тарак-оол и Суван услышали звон железа. Снова настала томительная тишина. Потом человек что-то сказал по-русски. Отец с сыном молчали.

— Кто пришел?— спросил человек по-тувински, коверкая слова.

Суван, тоже искажая родные слова, начал говорить с русским — думал, что тот его так лучше поймет.

— Это мы. Чего тебе надо?

— Я думал — русские. Сюда многие попадают, таныш¹.

Отец с сыном подошлись к нему. Русский снова загремел кандалами. Он был закован по рукам и ногам.

— Вон там ведро стоит, дайте, ради бога, напиток. Все нутро горит,— попросил он.

Суван ощупью нашел котелок с водой. Тарак-оол приподнял его, и человек с жадностью принялся пить. Поблагодарил их и начал расправлять затекшие руки и ноги.

— Плохи дела, таныш. Живого места не оставили. Били, чем попада.

— За что?— спросил его старик.

¹ Друг.

— Ни за что. Я ничего плохого не делал.

— Скверно. Лютый народ. Они нас тоже били.

Русский замолчал. Видно, не хотел сказать лишнего незнакомым людям.

— Ты где научился по-тувински говорить? — спросил Суван.

— Пий-хемский я. Из Уюка. У меня там старший брат, Илья. У него большая борода. Такой ни у кого нет.

— Да, да, я знаю, знаю его. Он мой большой знакомый, таныш мне, — обрадовался Суван. — Он очень хороший человек. Хлеб мне давал.

— Ну вот, и мы будем знакомы. Поговорим, таныш, по душам. Ты почему попал сюда?

— Меня бан оклеветали. И обоих сыновей...

— А где второй сын?

— К партизанам ушел.

— Это хорошо, — одобрительно сказал русский. — Он один ушел?

— Ага.

— Это плохо.

— Почему плохо?

— У баев силы большие. Одному-двум с ними не справиться. Чтобы победить этих гадов, надо вместе держаться. Вместе — и русским, и тувинцам. Тогда сила будет за нами. Мы должны быть дружными.

— Откуда ты об этом узнал? — допытывался Суван.

— Я был в Минусинске, Красноярске. В России царя уже нет. Рабочие и крестьяне спихнули его с престола. Этому научил Ленин.

— Кто, кто? — переспросил Суван.

— Наверное, тот человек, которого ты, ачай, называешь Лендеем, — сказал до тех пор молчавший Тарак-оол.

— Ленин — великого ума человек. Это он научил бороться за правду. Он друг и вождь всех притесненных и угнетенных, — проникновенно говорил русский.

— Лендей... — шепотом произнес Суван.

— Не Лендей, а Ленин, понимаешь, Ленин.

— Ленин... Ленин... — повторял старик, чтобы запомнить это имя, которое в его душе будило надежду.

За отцом и сын несколько раз подряд проговорил:

— Ленин, Ленин...

— Как тебя зовут? — спросил Суван.

— Николаем.

— Мы поможем снять с тебя кандалы. И ты убежишь. — предложил вдруг Тарак-оол.

— Не будь торопыгой, дружок. Мне сейчас бежать нель-

зя. Дела у меня неотложные. За побег меня к стенке поставят. А мне это без надобности. Без толку умирать не годится. Бороться должны живые.

— Очень дельно говоришь, Миколай,— вставил Суван.

Они улеглись втроем. Николай расположился между отцом и сыном. Глядя вверх, он долго лежал молча. Кто знает, о чем он думал. Может, о тяжелых дорогах борьбы за светлую долю, может, о своем доме, где нелегко живется его жене и ребятам.

Наконец, Николай прервал свою думу:

— Если расстреляют меня, передайте брату Илье и партизанам, что белые от меня ничего не добились.

— Обо всем расскажем,— пообещал старик и тут же, спохватившись, добавил:

— Нет, нет! Ты не умрешь. Бороться надо. Сам говорил.

— Верно. Смерть нам ни к чему. Мы вместе будем драться...

Тарак-оол всю ночь не мог глаз сомкнуть. Разговор отца с Николаем глубоко запал в его душу.

На рассвете загремел замок. Вошли вооруженные люди и растолкали Николая. Сняли с него кандалы. Он встал, гордо взглянул на стражников и, обратившись к отцу с сыном, сказал:

— Прощайте, товарищи! Будьте смелыми в борьбе за наше рабоче-крестьянское дело. Новые времена, друзья, и для вас, аратов, уже не за горами!

Николая вытолкали за дверь.

— Вот это человек!— с волнением проговорил Суван. А во взгляде Тарак-оола долго еще можно было видеть изумление и восхищение.

Вскоре Сувана с Тарак-оолом по Енисею в сопровождении двух вооруженных стражников доставили на плотках в Усинск. Сразу повели на допрос. Их допрашивал молодой человек с холодными, как льдинки, глазами. Сувану показалось, что это — старший среди стражников. Стоило ему повести бровью, как остальные сейчас же бросались выполнять его желания. Но к чему могли привести допросы? Арестованные не знали русского языка. Допрашивающий яростно выкрикивал какие-то непонятные слова, тыкал кулаком в нос, а отец с сыном молчали. Их сильно избили и посадили под замок в какую-то темную избушку с земляным полом. Не раз еще вызывали на допрос, который кончался избиванием. Потом оставили в покое. Проходили дни за днями, а двое сидели в своей темнице, словно забытые всеми.

Побои и голод дали себя знать. Суван настолько обессилен, что уже не мог подниматься. Все его тело налилось тя-

желым свинцом. Он лежал и тихо стонал. К еде, которая напоминала помой, старик не прикасался. Таял, как огарок свечи на ветру.

Однажды вечером дверь их тюрьмы открылась и вместе с часовым вошел молодой русский с пушистой бородой. Одежда на нем была потрешанная. В руках он держал большую круглую булку хлеба. Он перекрестился, что-то сказал и протянул булку Тарак-оолу.

— Что мне делать? — взглядом спросил тот у отца.

— Возьми сынок. Это—русский хлебушек,— с трудом выговорил Суван.

Тарак-оол взял булку из рук русского, а тот то на отца посмотрит, то на сына и, видать, хочет что-то сказать, но боится часового. Солдат заворчал и вытолкнул русского за дверь. Снова загредел замок.

Тарак-оол, переломив хлеб о колено, испуганно прошептал:

— Ачай, в хлебе нож лежит!

— Давай его сюда,— сказал старик и, попробовав пальцем лезвие ножа, сунул его под себя.

— Для чего этот человек дал нам нож?— спросил Тарак-оол и сам же ответил:—«Чтобы мы зарезали часового».

— Эх, ничего из этого не выйдет. Зарезать-то мы его зарежем, да другие придут и убьют нас.

Тарак-оол отломил кусок хлеба и дал отцу. Старик бережно отщипнул и, положив в рот душистую мякоть, сказал:

— Человек этот — такой же бедняк, как и мы. Спасибо русскому за его доброту... Не лезет в глотку еда. На, сынок. съешь ты,— и Суван вернул сыну кусок. Тарак-оол ел с большим аппетитом. Но вдруг на зубах почувствовал что-то твердое:

— Что это? Кожу, что ли, запекли?

Он вытащил изо рта кусочек твердой бумажки, развернул ее.

— Ачай, записка какая-то.

Суван взял бумажку в руки, повертел, повертел, но читать-то ни по-тувински, ни по-русски он не умел. Старик долго лежал, молча держа ее перед собой, потом сказал:

— Приподними меня, сынок.

Старик прислонился к стене.

— Слушай. В этой записке добрый человек сообщил нам о нашей участи. Верно, завтра нас расстреляют или увезут еще дальше. Вот русский-то, разузнав об этом, нож и передал, чтобы мы сделали подкоп и убежали этой ночью. Время даром не теряй. Осторожно начинай копать, но чтобы ни звука, иначе нас сейчас же убьют.

Суван снова лег на пол. Ему становилось все хуже и хуже. Долго возился Тарак-оол возле стены. Пот ручьями капал с него, но мысль о желанной свободе удесяттеряла силы. Наконец, в темнице раздался вздох облегчения.

— Ачай, вставай. Готово, выкопал.

Суван приподнялся с трудом:

— Ты один пойдешь...

Тарак-оол нетерпеливо прервал отца:

— А ты здесь останешься?

— Не горячись, сначала выслушай меня,— строго сказал старик.— Ты уже мужчиной стал и должен быть тверже камня. Пойдешь один. Скоро светать начнет. Значит, надо торопиться. Белые как хватятся, что тебя нет, начнут рыскать повсюду, да и собаки у них есть.

— Как быть?— растерянно спросил Тарак-оол.

— Не бойся. Хлеб положи за пазуху. Записку сбереги, не оброни. Но смотри, если бумажка попадет в руки к стражникам, нашему избавителю не сдобровать. Дашь потом кому-нибудь прочитать, может, сам выучишься грамоте. Будет после память о русских товарищах. Храни ее всегда. Обо мне не печальтесь. Я свое прожил. Будьте людьми. Я вырастил вас, и совесть моя чиста перед вами. Не оставляйте мать, не обижайте ее. Она десятерых вас выкормила, не знала ни отдыха, ни покоя. Не забывайте об этом. Воспитайте младших трудолюбивыми и честными. И будьте сами примером для них. Не забудь наказ Николая. Будь смелым, как он. Скоро лучшие времена настанут. Держитесь красных, они — справедливые люди, добудут для вас свободную жизнь.

Старик, передав сыну устное завещание, замолчал. Потом, собравшись с силами, рассказал сыну, как добраться до Уюка.

— В Уюке найдешь моего друга Илью. Он — почти как тувинец. Брат того Николая, с которым мы сидели в тюрьме в Шагонаре. Я всегда останавливался у него, когда ездил, чтобы достать тару. У Ильи тоже, как у меня, много сыновей. Расскажешь ему про Николая и про меня. А там видно будет. Илья тебя не оставит.

— А ты, ты-то как, ачай?— спросил Тарак-оол, и его голос задрожал.

— Я останусь здесь. Разве ты не видишь, что мне даже с места подняться трудно? Да я в такую маленькую дыру и не пролезу.

— Я еще подкопаю и расширю,— нашелся Тарак-оол.

— Перестань,— сердито прервал сына Суван,— я же не смогу идти.

— На себе понесу.

Сердце Сувана забилося радостью: любит сын, не хочет оставлять отца одного... В глазах старика заблестели слезы, но он вытер их и, погладив руку Тарак-оола, сказал:

— Ты забыл, сынок, пословицу: «Отец умрет, сын продолжит жизнь на земле». Если час мой настанет, я свою седую голову здесь сложу. Ничего, сынок, эта земля не чужая, а наших русских братьев. Земля, которая дала людям великого человека Ленина...

Тарак-оол принал к отцу и заплакал:

— Пойдем, отец, я не могу тебя бросить! Не могу! За всю свою жизнь я ни разу не обиделся на тебя. Даже тогда, помнишь, когда ты матери запретил дать мне вторую чашку тары, я не сердился на тебя. Пойдем вместе, отец!

— Я тебя наказал тогда не потому, что лишнюю чашку тары пожалел. Мне хотелось, чтобы вы научились ценить хлеб. Вот и сейчас мы с тобой за хлеб страдаем. Научите своих детей уважать его. Вы будете в хорошее время жить. И хлеба у вас будет вдоволь. Но его надо всегда беречь. Хлеб не песок, чтобы его черпаками грести. За хлеб люди моря пота проливают и всю силушку отдают. За хлеб мы жизни свои кладем...

В последний раз отец прижал к себе сына:

— Иди, мой мальчик, желаю тебе удачи в дороге.

Тарак-оол направился к подкопу, но отец окликнул его:

— Ой, сынок, забыл я совсем. Вот возьми этот узелок, в нем просо. Завтра вечером, как повернешь в сторону Тувы, по пути вверх от поселка встретятся тебе скалы, а под ними равнина. Разбросай эти зернышки на своем пути.

Тарак-оол взял из рук Сувана маленький узелок, засунул его за пазуху, поклонился отцу и ушел на свободу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вскоре часовой обнаружил побег Тарак-оола. Отца избил до полусмерти. Конные белоказаки пустились в погоню за беглецом. Обшарили весь поселок, заглядывали в бани, сарай, даже в курятники. Некоторые с собаками поскакали в тайгу. Вернулись ни с чем. Тарак-оол целый день, по совету отца, пролежал, закопавшись в песок. Несколько раз лошадиные копыта чуть не наступали на него, но, почуяв человека, лежащего в песке, кони вовремя сворачивали вбок. Наступил вечер. В поселке зажглись огоньки. Кругом стояла тишина. Только Ус с журчанием нес свои воды да шумела тайга.

На том месте, что указал отец, Тарак-оол разбросал бисеринки проса.

...Усталый, измученный, с содранными до крови ногами, че-

рез несколько дней беглец добрался до Уюка. Два дня у него во рту не было ни крошки. Хлеб, захваченный из тюрьмы, кончился, и он заглушал голод разными кореньями да травой. Бородатого Илью нашел быстро. Прежде всего рассказал ему об отце и Николае. Илья затопил для Тарак-оола баню, накормил его и уложил на железную кровать, застланную белой простыней. Спал Тарак-оол, как убитый. Утром кто-то его затормошил:

— Долго спишь, герой. Партизаны давно ушли. Ай-ай-ай!

Тарак-оол открыл глаза и увидел перед собою человека в шлеме с пятиконечной красной звездой, в кожаной тужурке с портупеей. На одном боку у него был револьвер, а на другом сабля. Высокий, черноусый и с бородкой. Глаза его улыбались, как будто говорили: «А ну-ка, узнай меня!» Тарак-оол вначале думал, что ему приснился сон. Он даже ущипнул себя. Нет. Не спит. Возле Тарак-оола стоял человек, которому он предлагал разбить оковы и бежать из Шагонарской тюрьмы. Это был Николай. Сам. Живой, здоровый. И как весело хохотал!

— Николай! — крикнул Тарак-оол и бросился к нему на шею.

Партизан схватил его сильными руками, приподнял; хлопал то по спине, то по плечам и приговаривал:

— Видишь, братка, живыми остались, да еще и встретились! Тогда утром пришли за моей душой. Повели на расстрел. А жить, дружок, чертовски хотелось. Со стражниками я расправился и дал деру.

— Нас в Усинск увезли... — начал Тарак-оол.

— Я обо всем знаю, — прервал его Николай. — Ненадолго я прибыл сюда, за одеждой да за харчами.

После побега Николай присоединился к партизанскому отряду Щетинкина, который пришел в Туву. И вот по дороге он решил встретиться с братом. Очень спешил. Сыновья Илья собирались идти в партизаны вместе с Николаем.

— И я с тобой пойду, — решительно заявил Тарак-оол. — Отец наказал мне стать солдатом в армии Ленина.

Николай пожал ему руку и сказал:

— Лады. Такому соколу у партизан будет работка. Едем!

Во время Тарлакшынского сражения Тарак-оол встретился с Араптаном. Тот тоже воевал в партизанском отряде.

Весной, когда победа над белоказаками и баями была завоевана, братья приехали к себе в Кара-Суг. Радостно глядели на родные места. Казалось, даже ветер ласкал их своими невидимыми крыльями, даже гора Куу-Даг улыбалась им.

Началась новая жизнь. Араты готовились к севу. Посеяли хлеб и Тарак-оол с братьями.

...В Абакане Тарак-оол сел в поезд. Ему было забронировано место в мягком купе. Чтобы сократить длинный путь, Тарак-оол с соседом взялись за шахматы. За игрой с интересом наблюдал высокий иностранец, ехавший в соседнем купе. По одежде он напоминал американского туриста.

На второй вечер незнакомец, и впрямь оказавшийся американцем, предложил Тарак-оолу сыграть в шахматы и с ним, в его купе. Из вежливости хлебороб дал ему возможность обыграть себя. Лицо американца выразило удовлетворение. Он разговорился:

— Разрешите узнать, какой вы национальности?

— Тувинец.

— О!.. Впервые вижу тувинца. Можно поинтересоваться, чем вы занимаетесь?

— Работаю в колхозе. Бригадир полеводческой бригады. Хлебороб.

— Вы на быках или на лошадях сеете хлеб? — Ирония прозвучала в этом вопросе.

— На тракторах.

— Сами можете водить трактор?

— Разумеется.

— А еще что можете делать?

— Комбайн водить.

— О, это колоссально!

Тарак-оолу хотелось сказать «не колоссально, а просто нормально», но он тактично промолчал.

Глядя на посеребренные виски хлебороба, американец сказал:

— По вашему лицу видно, мистер Тарак-оол, что в жизни вам пришлось многое пережить, не так ли?

— Верно заметили, мистер. На своем горбу испытал гнет феодализма, воевал за свободу, строил социализм, а сейчас вот коммунизм строю и думаю еще пожить при нем.

Гость уткнулся взглядом в шахматную доску. Вторую партию Тарак-оол с блеском выиграл, уже не допуская послаблений.

...Поезд подходил к Москве. Тарак-оол переоделся. Выходя из вагона, он снова встретился с туристом. Мистер Фримэн, увидев на груди Тарак-оола значок депутата Верховного Совета СССР, удивленно воскликнул:

— О, мистер Тарак-оол, вы не только тракторами, но и государством управляете!

— Государство-то мое. Таков наш закон,— с достоинством ответил хлебороб.

— Что же вы пожелаете американцам, господин депутат?

— Передайте им, мистер, что мы американскому народу желаем счастья и процветания, как всем трудовым людям земли.

Приподняв шляпу, американец поклонился тувинскому колхознику.

Заключилась сессия Верховного Совета. Тарак-оол вернулся домой и, забрав заветную записку, немедленно отправился в Усинск. Он очень скоро разыскал Ивана Михайловича и Митрофана Ивановича Антоновых. Новым друзьям рассказал всю свою историю по порядку, показал пожелтевшую бумажку, на которой было написано: «В эту ночь сделайте подкоп и бегите. Неизвестно, будете ли завтра живыми».

— Как же вы узнали содержание?— спросил Митрофан Иванович.

— Читать мы не умели. Отец о смысле записки догадался.

— Башковитый, видать, был старик.

Иван продолжал:

— Дядя Митрофан чего только не делал, чтобы вам собственноручно передать булку. Упрашивал, умолял белых, угощал их водкой и все-таки своего добился. Тяжело пришлось старику. Над ним глумились гады после вашего побега, а он молчал. Назавтра вашего отца расстреляли у скал, что выше Усинска стоят. Ночью мы с дядей там же его и похоронили. Осенью видим — на его могиле выросло пшено. Удивлялись мы: откуда взялись семена? И с тех пор мы стали звать просо тувинским хлебом.

Низко склонилась голова Тарак-оола. Помолчав, он тихо сказал:

— Просо я разбросал при побеге. Отец будто чувствовал, что именно в этом месте придет к нему смерть. Это он мне приказал.

Минуты прощанья с отцом отчетливо всплыли в памяти Тарак-оола. Он продолжал:

— Спасибо, друзья! За то, что помогли мне, и за то, что отца похоронили. Я никогда не забуду этого!

Все помолчали. Потом Митрофан Иванович сказал:

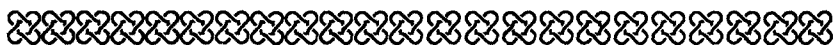
— Ваш отец за народ свою жизнь отдал. Я думаю, его останки надо перенести в братскую могилу партизан. Сельсовет меня поддерживает. Если захотите увезти его прах на родину, мы поможем.

— Отец пожелал остаться после смерти на русской земле, которая дала народу Ленина. Такова была его воля,— ответил Тарак-оол.

Назавтра старые партизаны во главе с Антоновыми разрыли могилу старика. Бережно положили в гроб, обитый красным кумачом, останки Сувана и под звуки оркестра на руках

отнесли к братской могиле. Когда гроб опускали, партизаны и усняцы, собравшиеся вокруг, запели «Интернационал». Суван свой вечный покой нашел там, где лежали красные партизаны, отдавшие жизнь за народное счастье, за свободную жизнь. Тарак-оол на свежей могиле отца посеял просо, которое привез с собой из Тувы. Поставили памятник с пятиконечной звездой и золотыми буквами: «Берегите хлеб, мы жизни своей за него не щадим!».

Владимир ЕРМОЛАЕВ

ГДЕ ЗОЛОТО РОЮТ В ГОРАХ...

(*Быль*)

I.

Прииск «Вознесенский» обезлюдел. Колчаковцы угнали всех, способных носить оружие. Остались женщины с ребятишками да искалеченные войной и непосильным трудом инвалиды. Старатели, работавшие поблизости от прииска, слышав о мобилизации, ушли в глубокую тайгу, недоступную колчаковским ищейкам.

Управляющий прииском — угрюмый старик с белой бородой и без единого волоска на голове, внимательно разглядывал Степана и Герасима.

— Надоело воевать? Из одной части, что ли?

— Просто случай свел, — неохотно ответил Степан.

— Мне все равно, откуда вы упоролы. Документов нет? Ну, ничего, мы сами напишем.

Управляющий достал из стола бланки временных «билетов», положил перед собой.

— Как тебя? — кивнул он Герасиму. — Ты говори, а я буду записывать. Звонков Герасим Арсентич. Тридцать шесть лет, росту два аршина пять вершков, волосы на голове и бороде — русые, нос, рот, подбородок — обыкновенные. Малограмотный. Особый примет нету. Хлебороб. Ничего, найдем и тебе работу.

— Я на конный бы двор...

— Ладно. Пойдешь в конюха. Твоя как? Трофимов Степан Григорьевич? Так. Лет — тридцати четырех, грамотный. Волосы на голове и усы — темные, глаза серые, росту два аршина восемь вершков... Ничего себе, гвардеец, а упорол. Нос, рот, подбородок — в порядке. Ага: шрам над правым глазом. Дрался, что ли? Какую работу хочешь? Слесарить? Добре. Механическая мастерская у нас большая, станки есть.

— С квартирой как, с харчами?— поинтересовался Звонков.

— Квартир свободных — сколько угодно. Идите, выбирайте. Баб холостых — тоже — хоть отбавляй. С продовольствием пока ничего, жить можно. В магазине товаришка водится, одеться не мешает. Нагишом у нас только пьяные после драки ходят. Предупреждаю: работу буду спрашивать строго. Денег вперед не даю, зарабатываете — получите.

Поселились у пожилой женщины, Нефедовны. Жила она с сыном Васей — охотником и старателем. Мужа угнали на фронт в позапрошлом году и с тех пор ни слуху ни духу. Зимой стирала на рабочих, а летом работала промывальщицей.

— Впервые встречаю женщину-промывальщицу, — удивился Степан. Как это вам доверили?

— Не то што доверяют, а просят, уговаривают, — похвалилась Нефедовна. — Мужики-то все пьяницы. Придет выпивоха с опухшей мордой, гребок в руках камаринского отплясывает... Какое тут золото будет! Спустит половину в эфеля.

Когда договорились о цене за квартиру, Нефедовна поинтересовалась:

— Откуда сами-то будете? Какой бедой занесло вас в такое время к нам?

— Прямо с жару, с горячей сковороды, — пошутил Степан.

— Знать не от хорошей жизни подались в тайгу. От солдатчины ныне много народу скрывается. Тебя вроде за рабочего признаю, а свящик твой из деревни поди?

— Как на картах сворожила! — рассмеялся Звонков. — В деревне жил, свой хлебушко ел, а тут придется хозяйского отведать.

— Привыкнете. Мы с мужем тоже из деревни пришли. По-перву тяжело показалось: глухота, безлюдье. Медведей больше, чем людей. Ей-богу правда! А жили как! Землянку выкопаем и зимуем, вроде кротов, прости господи... На одном месте мало жили. Где золото померещится, туда и тянулись. Печей не клали, на кострах стряпали. Этими кострами все глазаньки повыжгло, шить вот не могу.

— Как заработки? — спросил Степан.

— Сколь заработаешь, столь и проешь. Двадцать годов отработали с мужиком, а все ничего нету. Тебе приходилось на приисках-то бывать?

— На приисках и вырос.

— Ну, значит, должен знать, как нашего брата околпачивают хозяева. Нападем на жилу, начнем мало-мало оперяться, а хозяин тут как тут: переходите, говорит, на другое место, здесь хозяйские работы будут. Раз посчастливилось моему мужику — в шесть фунтов самородок попал. С год по-людски

жили, а потом обратно на сухари... При советской власти полегче стало, хозяев приструнили: харчи стали подешевле, золото сходнее принимали, а перевернулась власть, и опять все по-старому.

Вася скоро подружился со Степаном. Вместе ходили на охоту, глухарей и рябчиков приносили на неделю, а бывало, и козла добывали. Парня увлекали рассказы Степана о приключениях золотоискателей, о природе разных мест, где тот бывал в поисках лучшей доли. Особенно привязался он к Степану, когда тот предложил заготовить дров на зиму.

— Случись, Вася, возьмут тебя в солдаты, года твои как раз подошли, как же мамка твоя отопляться без тебя будет? Давай, примемся за это дело, и Герасим поможет.

Десятником оказался пожилой человек без руки—бывший подрывник. Он вел Степана и других рабочих по заснеженным приисковым выработкам и зло ругался:

— Вот подлюги, разогнали народ! Заглохла работа. Не столько в армию забрали, сколько по тайге разогнали.

В канавах, в разрезах, возле штолен—всюду валялись под снегом кайлы, лопаты, тачки: где застала рабочих мобилизация там и побросали. Надо было все это прибрать, завалить входы в штольни, чтобы можно было, в случае надобности, начать работу в любое время.

Начались морозы. Рабочие разбрелись по мастерским—кто в слесарную, кто в столярку. Степан пошел на ремонт локомотива, а Герасима потянуло к лошадям.

II.

В середине марта соседка Нефедовны, ездившая в деревню Конторку, рассказала, что по деревням опять идет набор в колчаковские войска. Берут старых и малых.

— Неужели Васеньку заберут? — испугалась Нефедовна.

— Заберут, Нефедовна, вот те христос, заберут! Подчисту метут. Калеки только и спасаются. Совсем без мужиков бабы остались. Весна вот она, а сеять некому.

Пришел с работы Звонков, подсел к Степану.

— Слыхал, о чем народ толкует? Какие твои думки?

— Думка одна: уходить надо... А ты как?

— А я что, по казацкой плети соскучился что ли! Имел разговор кой с кем: котомки готовят ребята. Зовут на Березовский прииск, верст семьдесят отсудова. Туда, говорят, никакой лешак не сунется искать нашего брата. Пойдем?

— Нет, я до дому буду пробираться в свой Урянхай.

— А где это?— живо спросил Вася.

— Далеко, Вася. За Саянскими горами. Туда в месяц-то, пожалуй, и не дойдешь.

— Возьмите меня с собой, дядя Степан?

— А как же мать оставишь?

Из кути вышла Нефедовна. Она махнула рукой:

— Пускай лучше в тайге живет, чем идти на смерть к колачковцам. Отец пропал безвестно, да еще и сыночка отдать им... Пускай идет, хоть куда. Я как-нибудь пробьюсь, проживу. Не век же все так будет.

— Больно далеко задумал, Степан. На месяц-то сколько надо запасу тащить...— усомнился Звонков.

— Муки да сухарей побольше, а мясо в тайге всегда добудем.

— Рискнуть разве и мне с вами? Хотел здесь отсидеться, но как бы не попасть опять в лапы казакам. Примите в компанию?

— Какой разговор, конечно. Из Урянхая и домой тебе ближе: до Хакасии там рукой подать.

Степан отпросился у механика на три дня в тайгу. Пошли с Васей. Им сразу повезло: на другой день добыли сохатого, а на обратном пути, на ночевке, Вася застрелил рысь, подкравшуюся к нартам, где лежало сохатиное мясо.

— Смотри, дядя Степан, какая огромная!— похвастал Вася, растягивая снятую шкуру на правилке. Всем троим по шапке выйдет.

Рысь действительно была крупная, но такая старая, что от зубов оставались у ней одни корешки. Потому, вероятно, она и решила поживиться готовой добычей. Охотиться за живым зверем уже не могла.

Нефедовна с ног сбилась, собирая Васю и квартирантов в дорогу. Целыми днями и ночами стряпала, сушила сухари, коптила сохатиное мясо. Когда она только и спала.

— Все надо, все пригодится,— убеждала она, заставляя сына взять с собой всякую мелочь: ножницы, иголки, дратву, шилья и прочее.— Тайга да горы — не игрушки. Я испытала их подарки на своей шкуре. Другой раз дрожись по неделям: сверху дождь мочит, снизу — болота да топи. Насквозь промокнешь, руки-ноги судорогой сведет — голосом ревьешь... Живешь, и как зверь,— не знаешь какой день: то ли вторник, то ли четверг. А праздничек придет — пасха ли, рождество ли — не знаешь, прости господи, каким перстом и молиться...

III.

Вышли с прииска темной мартовской ночью. Незамеченными миновали последние приисковые постройки и вступили в тайгу. Первые оттепели осадили снег, а ночные морозы ско-

вали на нем крепкий наст, да такой, что можно было идти и без лыж. Васины собаки Валетка и Черня, впряженные в боковые постромки, помогали тащить груз. К полуночи вышли на большую дорогу, уходящую к верховским приискам и заимкам. На рассвете свернули в сторону, чтобы ни с кем не встречаться и продневали.

Когда спустились в долину Туманшета, Степан весело объявил:

— Ну, ребята, теперь за нами никто не угонится. Можем не оглядываться. Места эти я хорошо знаю, два года тут в разведке был. Все заимки остались по ту сторону перевала. Зимой здесь кроме волков да козлов никого не встретим.

Через день начали подъем на водораздельный хребет между Туманшетом и Агулом. Небольшая речка, стесненная скалами, круто падала с гор, образуя каскады намерзшего льда. От мартовского солнца появились наледи и путь по речке оказался закрытым. Пришлось обходить горами. До этого шли зеленой тайгой, а здесь оказались гари. Поваленные деревья преграждали дорогу, лишенные хвои сухостойные ели и кедры не задерживали ветров, которые гуляли, как в степи, наметая сугробы. На каждом шагу из-под снега грозилась крепкие, как сталь, сухие еловые сучья.

Три дня выбирались из старого пожарища, преодолев за это время каких-нибудь десять или двенадцать верст. Несказанно обрадовались, вступив опять в зеленую тайгу. На пятнадцатые сутки достигли вершины одного из притоков Агула. Впереди высились, уходя вершинами в туманное небо горы Канского, Манского и Удинского белогорий. Грандиозное зрелище представилось путникам: на сотни верст вокруг, точно застывшие гигантские волны моря, синели бесчисленные цепи гор, подавлявшие воображение своей бесконечностью.

Перед выходом из тайги на простор горной тундры остановились рано. Выбрали большую разлапистую ель, под которой почти не было снега, подрубили нижние ветки и начали ставить под ней палатку. Этим занялся Звонков. Степан пошел собирать сушняк для костра, а Вася поспешил в ольховник добывать рябчиков на ужин.

Вскоре из леса послышался собачий лай. Басистый голос Черни, повторяемый эхом тайги, гудел как труба, плачущим лаем заливался Валетка. Степан прислушался. Лаяли собаки на какого-то крупного зверя, яростно, приступом.

— На кого это? — громко спросил его Звонков.

— Рысь, наверно, больше некому быть сейчас, — ответил Степан и направился в ольховник.

— Ружье возьми!

В ответ Степан помахал ему топором, — дескать обойдусь им.

В этот момент раздался выстрел и крик Васи. Из ольховника навстречу Степану выскочил, седой от снежной пыли, громадный медведь. Проламывая крепкий наст, стремительными прыжками он кинулся на Степана. Удар топора пришелся вскользь по шее и не причинил зверю вреда. Медведь заревел, лапой разорвал на Степане полушубок. Едва тот успел выхватить нож и всадить его в горло зверю, как тут же оказался вмятым в сугроб...

Не жить бы Степану на белом свете, если бы не собаки. Вцепились они в медведя и всю ярость его приняли на себя. Поливая снег кровью, хлеставшей из горла, зверь бросался то на Черню, то на Валетку, но те ловко увертывались от грозных лап и не давали ему двинуться ни шагу.

Почти одновременно раздались два выстрела. Последний раз рывкнул медведь так, что задрожала тайга, и рухнул. Отбросив ружья, Вася и Звонков подбежали к Степану и помогли подняться... К счастью, рана на руке оказалась небольшой — две неглубокие царапины от когтей. Звонков тут же растер на топоре светляк кедровой смолы и присыпал пораненное место.

— Никакая зараза не пристанет,— уверил он.— У нас, в крестьянстве — первое средство смола.

— Ничего, Вася, не держи меня,— говорил Степан, тяжело дыша и ощупывая грудь. Как будто все цело, а дышать трудновато... Помял, разбойник. Думал, конец мне пришел, когда он навалился. Спасибо Черне да Валетке, без них и вам бы не успеть.

Темнота спустилась на тайгу. Развели большой костер и, при его свете, начали обнимывать медведя. Зверь оказался тощим.

— Все же мясо,— рассуждал Звонков, срезая с костей мякоть. Собакам надолго хватит, да и мы, с голодухи, кой-когда пожарим...

Степан покачал головой:

— Тощий, тощий, а как жулькнул меня, искры из глаз посыпались. Хорошо, что снег глубокий, иначе раздавил бы в лепешку. Утром надо сходить и посмотреть, где он зимовал.

— Под кедрой он жил. Оттуда его и выгнали собаки,— рассказывал Вася.— Я как раз рябчиков нашел, собрался стрелять, а собаки-то учуяли медведя и давай лаять. Я думал на бурундука они, и выстрелил. Рябчик свалился с ветки, а в этот момент мимо меня, как оглашенный, пронесся этот зверюга. Пока я перезаряжал, он скрылся. Я давай кричать, чтобы на вас он врасплох не набежал. Меня-то он не видел, я за толстой кедрой стоял...

IV.

Ночью разыгралась буря. «Хорошо, что под елью поставили палатку, не выдержала бы старенькая, изорвало бы ее в клочья таким ветром», — думал Степан, прислушиваясь к завыванию непогоды. Болела раненая рука, ломило плечо от тяжелого удара медвежьей лапы, трудно было дышать. В такие бессонные часы всегда всплывают в памяти события прошлого — хорошие и плохие, люди — дорогие и близкие...

Говорят у всякого человека своя судьба есть. У них с Людой — одна на двоих. Где-то она, судьба ихняя, бродила по белому свету беспризорницей, искала, к кому бы привязаться, кого бы наградить минутой счастья и долгой разлукой. Набрела она на Степана с Людой, когда они смотрели друг другу в глаза и когда им вдруг все стало ясно. В солнечном сиянии ходила весна по горам, растопляла глубокие снега, устилала поляны цветами, наполняла леса песнями птиц и радостным шумом молодой листвы. Обнявшись, они гуляли в поле, где пахло отдохнувшей землей прохладной, щедрой; спускались к грозным порогам реки, где солнце и рыбы играли в пенных гребнях волн. А кругом стояли высокие островерхие горы в теплых шубах кедровых лесов, в белых шапках вечных снегов.

Под завывание беснующейся бури Степану особенно ярко представились те незабываемые дни, когда сама природа, глядя на них, радовалась солнечным дням и теплым ночам. Люда однажды сказала: «Мне не верится, что когда-нибудь придет ненастье, скроется солнце, польют холодные дожди. Не верится, что придет осень, завянут травы, пожелтеет лес, что будет зима с морозами, с метелями...» И Степану казалось, что их счастьем ничто не может помешать, ни грозы, ни ненастья жизни.

Беда пришла в маленькой записке с нарочным: умерла Степанова сестра, жившая в Туране. Поехал хоронить, хотел вернуться через неделю, но не вернулся и до сих пор... Его прихватила кулацкая банда, направлявшаяся в Белоцарск на ликвидацию советской власти.

Знали б туранские кулаки, что Степан Трофимов был членом поселкового Совета, не вооружили бы его винтовкой... На полпути остановилась банда на обед, пустили коней покормиться. Незаметно ушел Степан в лес, поймал первую попавшуюся лошадь и поскакал в Белоцарск. Добрый пулеметчик вышел из него, но силы были слишком неравны. Против кучки красноармейцев, защищавших советскую власть, выступили кулаки с Малого Енисея, из Турана и Усинска, Хемчикские купцы... Пала советская власть в Урянхае. Разбросали, остав-

шихся в живых, ее защитников по тюрьмам Минусинска, Ачинска, Красноярска. Лишь неожиданный случай помог Степану бежать.

Краем уха слышал он о партизанской армии Кравченко, о ее славных делах на равнинах приенисейского края, в предгорьях Саян. Мечтал попасть в ее ряды, чтобы бороться за советскую власть, отомстить за погибших товарищей, за свое поломанное счастье...

Под напором ураганного ветра качается, скрипит старая ель богатырского роста, роняя с себя накопившийся за зиму снег.

Трудно Степану дышать, болит плечо и рука. Но еще больнее стало сердцу, когда вспомнил последнюю встречу с Людой. В толпе арестантов он шел по трапу на пароход, увозивший их в Красноярск. « Степа! Степа!» — послышался милый голос. Он оглянулся. Люда стояла в густой толпе, стиснутая со всех сторон. Ее заплаканное лицо и поднятый над головой красный платочек в руке, он не забудет никогда, хотя и видел-то всего какую-то долю секунды. « Не останавливаться », — заорал на него конвойный и ударил прикладом в спину. Загнали в трюм...

— Дядя Степан, ты с кем разговариваешь? — спросил проснувшийся Вася.

— Это я так, песни пою. А ты чего? Спи.

— Да я уже выпался. Чаю бы выпить... Сходить разве за сушняком?

— И не думай. Вокруг палатки столько снегу намело, что не пролезешь. Да и выстудишь нашу хату, — пошутил Степан, — как-нибудь перетерпим.

Долго молчали, слушая музыку горной бури.

— Расскажи, дядя Степан, про цыгана, — помнишь ты хотел рассказать как он прииск сжег...

— Так это я только предполагаю, а может и не он. О человеке можно так и этак думать, а на самом деле окажется совсем иначе.

— Все дело началось с выпивки. Приискателю, сам знаешь, нет другого развлечения, кроме кабака. Сижу я однажды в таком питейном заведении на Удерейском приiske, и пить не пью, а больше на народ смотрю да речи интересные слушаю. Подсели ко мне двое: один такой верзила, черный, как жук, другой — старик невысокого ростика, но, видать, крепкий еще. Я как взглянул на жука, сразу назвал его цыганом, больно уж глаза у него здоровые да черные были. Взяли они бутылку, меня угощают, а я их. Цыган и говорит:

— Ты Жмакина знаешь? Нет? Ну так это я и есть самый Жмакин. У меня на примете местечко одно есть. Не схлес-

нуться ли нам с тобой на артельное дело? А? Ты да я, да вот Михайла с нами. Как думаешь? По рукам?

В двадцать лет мне было все равно где и с кем искать свое золотое счастье. Родители жили далеко, а Люды тогда еще не было у меня. С кем посоветуешься? А цыган нажимает, настаивает:

— Чего раздумывать? Парень ты здоровый, хвостов за тобой нет — ни бабы, ни ребят. Айда, собирайся! Говорю тебе, у меня разведано. Ты такого и не нюхал, парень: во! — показал он ноготь большого пальца.— Золотина к золотине! Ну?

Вышли из кабака артелию. Я не спрашивал, кто они, откуда, и они меня тоже. Не полагалось копать в прошлом. Хочешь — работай вместе, дели пополам хлеб-соль и нужду, не притрешься к артели — скатертью дорога на все четыре стороны.

Золото и на самом деле оказалось богатое, попадали золотины и побольше цыганского ногтя. Однажды блеснул под кайлой самородок в семьдесят золотников. Вечером «вспрыснули» его спиртом, как полагается... Наутро захворал Михайла. Сделался жар, бред. Это было в ноябре. Цыган и говорит мне:

— Дело табак, парень. У меня тоже котелок начинает кружиться. Эту болезнь я давно знаю, испытал. Всех переберет, дай бог, ноги не протянуть бы... Слушай, ты помоложе всех, добрайся-ка до жилого места. Тут верстах в тридцати тракт проходит — продовольствие на прииска везут по нему. Встретишь ямщиков, договорись, приезжай за нами, — снег-то еще неглубокий, проедете.

Поверил я, по молодости. Пошел. А тракт оказался не в тридцати, а в ста с лишним верстах. За крошечку не замерз. Спасибо, ямщики подобрали и привезли в приисковую больницу. До марта проболел. Едва очухался. Сколько раз просил послать за моими товарищами, а надо мной только посмеивались:

— Моли бога, что самого-то подобрали. Кому нужно идти на розыски твоих товарищей?

По последнему апрельскому снегу потопал я на стареньких лыжах к своим артельщикам. На пятые сутки добрел. Смотрю и ничего понять не могу: все постройки на том заброшенном прииске, где мы работали, как корова слизнула. И нашей избушки нет. Все сгорело дотла. Подумал я тогда, что какой-то бергал¹ в отместку старым хозяевам, поджег. Сгорели и мои больные артельщики.

Совсем было стал забывать об этом горе. А тут как раз революция нагрянула. Закипела и приисковая тайга. Хозяева

¹ Бергал — горнорабочий.

побросали манатки и подались в города. Не поймешь, кому чего надо, кто кого и за что бьет... Приехал я в Красноярск. Иду по базару. Спекулянтов, как мошки! Смотрю, как будто цыганская голова над толпой промелькнула. Я поближе: он! Начал я тут работать локтями, к нему продираться. Кричу:

— Эй, Жмакин! Дружище дорогой!

Обернулся он, чиркнул по мне глазищами, да как бросится от меня в закоулок—только его и видел. Вот и думаю с тех пор, что же случилось у них без меня?

— А чего тут гадать,— подал голос Звонков,— дело ясное: прикончил цыган того Михайла, забрал золото у него и подался.

Двое суток, не переставая, бушевала непогода. Было холодно. Черня и Валетка, повизгивая, жались к людям. О костре нечего было и думать. Жевали сушеную сохатину, вместо воды клали в рот комочки снега.

— Пушшай крутит-вертит,— храбрился Звонков, натягивая на себя мерзлую медвежью шкуру,— харчи есть, крыша над головой тоже мало-мальская имеется. Одно плохо — баба далеко. А без бабы — не житье. Он помолчал, поглядывая на заиндевшие стенки палатки и со вздохом добавил:— Она тебя и в баньке попарит, и блинами накормит, и одежонку пошьет-починит... Эх, едрена палка, лучше не вспоминать.

— А ты не разводи тоску, думай, что дома на печке лежишь,— отозвался Степан.

— Небось, затоскуешь: все же у меня двое ребятишек. Нет-нет да и падет в башку: как-то они там? Не хвастаю, бабенка у меня шустрая, смекалистая, зря маху не даст. Но ведь нужда. Кусать-то всем чего-то надо. А где взять? Коней колчаковцы увели, барахлишко пообобрали, да поди и саму, сукины дети, поувеличили. От одной думки все нутро переворачивается...

— Очень-то не грусти, Герасим, придем в Урянхай, а там, наверно, опять советская власть вернулась, попросимся в партизаны и пойдем отвоевывать твою деревню...

— Э-э нет, спасибочки. Я навоевался, хватит с меня. Это кому в охотку, а мне приелось.

Сквозь разреженное полотно старой палатки пробивалась снежная пыль и холодной пудрой оседала на лицах, таяла и, холодными струйками, затекала под завязанные уши шапок.

Утихла буря внезапно, точно отстрелялись десятки батарей, снялись и ушли вперед. Пробили сугроб, нанесенный ветром вокруг палатки. Первыми выскочили из снежного плена Черня и Валетка и бросились обшаривать валежник и кусты. Внизу под деревьями была тишина, но великаны-

кедры все еще покачивали вершинами, как бы удивляясь: «Ну и буря, все суставы расшатала».

Утро выдалось ясное, на небе ни облачка. Несмотря на ранний час, солнце жгло немилосердно. Вместо защитных очков, Вася вырезал из медвежьей шкуры полоски с шерстью и пришил их к шапкам. Это спасало от ослепления.

Несколько дней поднимались все выше и выше в горы, к той грани, где лес редел и становился малорослым. Наконец, перед ними открылось горное плато, заросшее черной березкой и редкими кедрами. На ночевку остановились на берегу кипевшей речки, среди семи приземистых кедров, похожих на копны сена.

Наутро у Звонкова оказались опухшими лицо, руки и ноги.

— Придется весновать здесь,— сказал Степан с огорчением.— Герасиму надо отлежаться, привыкнуть к высоте. Давай-ка, Вася, соорудим шалаш, а то наша палатка совсем истрепалась.

Через три дня переселились в просторный шалаш, укрытый корьем и лохматыми ветками кедра. Погода испортилась: пошли дожди, навалились непроглядные туманы, в которых можно было заблудиться в десяти шагах от шалаша.

Вася не обращал внимания ни на дожди, ни на туманы. Каждый день уходил на охоту за куропатками и уларами, которых добывал силками и самодельными ловушками. Не было дня, чтобы он не принес пять-шесть куропаток или пару уларов.

Накануне первого мая, он спустился в темную тайгу и застрелил глухаря. Ощипывая птицу, Степан похвалил его:

— Молодчина, не поленился, сходил за этим красавцем. Завтра у нас настоящий праздник будет. На нашем прииске, на Золотой речке, каждый год справляем его: выходим на улицу со знаменами. В этот день приисковому уряднику хлопот полон рот: то бежит рабочих разгонять, то к начальству докладывать о зачинщиках, список крамольников подавать...

— А что толку в этих прогулках?— раздраженно перебил Звонков.— Когда царя сбросили с престола, у нас в деревне тоже ходили с флагами да с песнями. А пришел Колчак— и опять все по-старому. А ведь сколь шуму, крику! Выбрали Совет—трех мужиков, вместо одного старосты и меня туда затолкали. Выдумали делить хозяйство зажиточных мужиков: хлеб выгребали, коней, машины забирали, норовили в бабьи ящики залезти... Я против пошел. Сегодня, говорю, их разделим, а завтра нас начнут раздевать. Не понравилось. Подкулачником прозвали, из Совета исключили. А разве не моя правда? Кулак-то такой же крестьянин, своим трудом

капитал наживал, с малого начинал. А если нанимал работников, так это и каждый мужик норовит прихватить кого-нибудь на страду или на сенокос.

— Значит ты за Колчака стоишь,— заметил Степан.

— Это как же?— взметнулся Звонков.

— Колчак-то на кулаков опирается в деревне, кулаки ему помогают. Ты стоишь за кулаков, значит и за Колчака.

— Ну, ты не путай меня. Я за правду стою. Наш брат крестьянин ни днем, ни ночью покою не знает. Ты вот прискаатель, у тебя тоже не легкая работа, но ночью-то ты спишь, наработался и дрыхнешь. А меня и во сне забота берет: кабы хлеб градом не выбило, кабы сено с ненастью не погнило, кабы мор на скота не напал... И, вообще, не тревожь меня этими разговорами, а то я в драку, едрена палка, полезу.

VII

Весна выдалась дружная. К концу мая местность стала неузнаваемой. Снег лежал только на белках да в глубоких впадинах, где его не могло достать солнце. Ручьи и речки поднялись, вышли из берегов, разлились по долинам. Ожила растительность, запели редкие горные птицы.

Степан вырубил из кедра заготовку и начал мастерить лоток.

— Что за посудину выстругиваешь?— заинтересовался Звонков.

— Сразу видно, что не прискаатель— лотка не знаешь. Этот инструмент старатели да разведчики выдумали. Они скорее сухари забудут взять, чем лоток.

— Тебе-то зачем?

— Какой же я буду бергал, если не попробую промыть десяток лотков в речке, которая у нас под боком?

— Неужели думаешь, золото в ней есть?

— Думаю. Да еще какое! На вот, посмотри.— Степан подал эмалированную кружку, на дне которой прилепились две крохотные золотинки.

Звонков недоверчиво подвигал их пальцем.

— Наскреб поди с медной ложки, а говоришь— золото. Ты мне, едрена палка, голову не морочь.

— Не веришь? Пойдем завтра покажу тебе, где золото роют в горах. Научу тебя стараться. Но, не дай бог, Герасим, попадет тебе золотины с блоху, да укусит она твое крестьянское сердце, пропал ты на веки вечные: бросишь свои сохи-бороны, заведешь лоток и пойдешь бродяжить по горам. Зо-

лото — зараза. У кого хоть раз в руках побывает, до самой смерти ладони будут чесаться.

— А что, не плохо бы с фунтишко иметь.

— Фунт намоешь, пуд захочешь.

— Не-ет, мне много не надо. Пару коней купить, телегу на железном ходу, кое-что по хозяйству, одежду бабе с рбяткам да мне...

— Ладно, Герасим,— рассмеялся Степан,— авось наткнемся на хорошее золото, намоем тебе фунт с осьмухой, посмотрим, хватит ли.

Пришел Вася с охоты, принес несколько куропаток. С таинственным видом покопал пальцем у себя во рту и положил на кедровый пень, служивший столом, круглую, как горюх, золотину.

— Где?— коротко спросил Степан.

— С версту отсюда. Присел на берегу, смотрю — сблеснуло... Ноги промочил, когда доставал. Подсушиться надо.

— Ты, Герасим, не верил... Тут братец, не золото, а золотище найдем.

Пошли все трое. Степан подал Васе лоток.

— На-ка, Вася, промой на счастье первый. Посмотрим какое оно, твое счастье. Давай вот тут из-под обрыва бери, подходящая порода.

В первом же лотке оказалась золотишка долей в десять, вкрапленная в кусочек кварца.

— Как это ее загнало туда, в камень-то?— удивился Звонков, пытаясь выколупнуть золотишку ногтем.

— Не загнало, а там она и родилась,— уточнил Степан.

— Дайте-ка я попробую!— загорелся Звонков.— Сколько раз он накладывал в лоток породу, старательно промывал, но в лотке ничего не оставалось.

— Ты, дядя Герасим, так всю воду в речке изведешь,— засмеялся Вася.

— Ничего, помучится — научится,— подмигнул ему Степан.— Хлеб-то ведь тоже не сам родится: сколько надо земли перекопать, чтобы сноп пшенички нажать.

Брали пробы в разных местах и везде находили следы золота. За полдня намыли почти три золотишка. Степан внимательно рассматривал каждую золотишку и пришел к выводу: где-то выше по речке находится рудная жила. Черня и Валетка с лаем и визгом разрывали нору. В разреженном воздухе их едва было слышно. Почти с полверсты пришлось шагать до них. Сбоку небольшого возвышения, похожего на завалившуюся землянку, они вырыли яму. Степан отозвал собак и хотел заглянуть в отверстие. Едва он наклонился, как мимо него, стрелой пролетел желто-бурый зверек и скрылся

в зарослях березки. Собаки с лаем бросились за ним, но его уже и след простыл. Это был соболь.

Степану не раз приходилось встречать соболей в тайге, он всегда почему-то радовался при виде этого чудесного зверька, отчаянного хищника и большого мастера уходить от преследующих собак. Но сейчас его занимал не соболь, а зола, смешанная с землей, разбросанная собаками возле норы. Значит тут, действительно, было жильё. Он осмотрелся вокруг. Белые пятна у подножья скалы привлекли его внимание. Это был выход на поверхность кварцевой жилы.

В это время Вася и Звонков, продираясь сквозь густую заросль березки, наткнулись на берегу ключа на полузанесенный илом вашгерд.

— Что за штука?— удивлялся Звонков, разглядывая длинный ящик, установленный на чурбанах.

— Вот хорошо!— обрадовался находке Вася.— Смотри, пест валяется, значит, толчея была... Надо дядю Степана скричать.

В русле ключа нашли каменную чашу от толчеи, лом и другое железо. В кустах нашлась ендовка и носилки.

— Везет нам, братцы: целая фабрика! Можно сказать, на всем готовом начнем добычу,— говорил Степан, помогая товарищам откапывать вашгерд.

VIII

Несколько дней восстанавливали толчею, расчищали путь до месторождения, ремонтировали вашгерд и мелкий инструмент. Кварцевую породу обрушивали пожогом, железными клиньями и кайлами. Таскали на толчею и там дробили тяжелым пестом, подвешенном на гибком еловом очипе, в каменной чаше до состояния тонкой пыли. Работа была тяжелая. Однако старательский азарт скоро возвращал потерянные силы, особенно, когда попадало хорошее золото.

Степан и Вася не новички в золотоискательском деле: Степан на своем опыте, а Вася на опыте старателей, которых с малых лет видел дома и на работе, знали, как изменчиво старательское счастье. Оттого-то даже самые богатые съемки золота, в удачные дни, вызывали у них только веселое настроение. Звонков же переживал все очень бурно. В дни, когда добыча превышала самые радужные надежды, он исходил в восторженных восклицаниях, обильно уснащенных изобретательной матерщиной, приплясывал, дрожал от нервного хохота. Зато в неудачные дни ходил мрачный, безнадежно махал рукой и убежденно пророчил:

— Все! Было золото, да сплыло! Тю-тю, хоть всю гору

развороты, все жилы в порошок изотри—ничего не добудешь! Оно только поманило нас, дураков, а теперича впустую ло-
маем хребты...

Но, проходило время, неудачи сменялись обильными съемками, когда тонкая дощечка в руках Степана гоняла по вашгерду целую пригоршню золотого песка, отбивая от него черные крупинки шлихов. И Звонков опять взрывался буйной радостью, шумел и раньше всех шупал крупные золотины.

У завалившейся землянки Вася нашел старенькую сумку, видимо, собаки вырыли. В ней оказались заржавленные иголки, шилья и прочее. Среди этой мелочи выглянуло золотое кольцо, искусно выкованное в виде ремешка с пряжкой. Долго разглядывали, судили-рядили, и решили заняться раскопкой землянки.

Под аршинным слоем каменистой земли оказался настил из корья и жердей. Из пробитого ломом отверстия пахло затхлым ледником. Вася заглянул внутрь.

— У-ух, что тут делается!— воскликнул он.— Все в кур-
жаке, как серебром посыпано.

Когда расширили дыру, проникшее в яму солнце радужно заиграло на кристалликах льда. На нарах лежала одежда, на столе латунный чайник и две эмалированные кружки, а в углу, возле двери, на сохатиных рогах висела бердана.

Звонков и Вася спустились в яму. За ними спрыгнули Валетка с Черней. Они уже давно крутились около землянки, принохиваясь к воздуху выходившему из ямы.

— Держи!— крикнул Звонков, подавая Степану коричневую от ржавчины бердану. Хозяин помер и ружье забыл смазать...

Собаки обнюхали в клочья изорванное меховое одеяло, над которым, вероятно, поработал соболь, обследовали все щели и, забравшись под нары, начали рыть землю. Вася лег на пол и стал наблюдать за ними. Вскоре их лапы заскребли по дереву и они разочарованно отступили. На всякий случай, Вася сунул руку в ямку.

— Дядя Герасим, тут что-то зарыто! Дай-ка лопатку.

Через несколько минут он выволок из-под нар берестяной туес, перевязанный ремнем.

— Ой-ей!— кряхтел он.— И тяжелый же!.. Дядя Степан! Смотри, что мы нашли!

Находку подняли наверх. Деревянная крышка туеса разбухла и никак не открывалась. Звонков суетился больше всех. Если бы Степан не удержал, он бы топором рубанул по туесу.

— Нельзя же охальничать,— говорил Степан,— аккуратно надо, а не с плеча. Куда торопишься? Вон видишь, Василий н без топора открыл.

Кожаный мешок, туго завязанный ремешком, плотно за-
полнял внутренность туеса. В мешке было золото, крупное и
мелкое, округлое и расплющенное.

В первый момент, увидев столько матово поблескивавшего
золота, жгучая радость схватила за сердце Степана, ударила
в голову дурманом... Не раз в своей беспокойной золотоиска-
тельской жизни мечтал он добыть такую кучу драгоценного
металла, да и кто из людей не думал о нем, кому оно не сплю-
лось, кто ради него не кривил душой? А сколько гибло людей
из-за одного только желанья обладать им!.. Он взглянул на
товарищев и помрачнел: на него смотрели вытаращенные от
жадности, побелевшие глаза Звонкова и растерянное, сму-
щенное лицо Васи...

Герасим подцепил щепотку золотых крупинок и, перебра-
сывая их с ладони на ладонь, точно раскаленные угли, бес-
связно бормотал:

— Вот фарт! Эт-то фарт! Едрена палка, вот так фарт! Эх,
милые товарищи мои, ей-богу фарт!..

— Тут бумажка! — обрадованно воскликнул Вася. На-ка,
дядя Степан, читай!

На клочке синей корочки от тетрадки, было крупно напи-
сано карандашом: «Это золото добыто из руды бойцами Пар-
тизанской Красной Армии Спиридоном Хмелюком, Михайлом
Новожиловым и Евдокимом Мироненко. Смерть врагам на-
рода!»

— Ну вот... А мы обрадовались... На большое дело люди
добыли.

Звонков насторожился и сумрачно посмотрел на Степана.

— Нам мало дела — кто добывал. Мы нашли — значит
наше.

— В чужом кармане, Герасим, много чего можно найти.

— Чего ты мелешь? Мы же нашли...

— Находят на дороге да на улицах, когда люди печально
теряют, а это не находка: никто золото не терял, оно прибра-
но по-хозяйски, все равно, что под замок положено.

— Значит, обратно закопать? Ну нет, я не согласен. Ты
как хочешь, а мы с Васильем свой пай возьмем.

— Никаких паев — ни твоих, ни моих, ни Васинных тут нет.
Понял? Кто золото положил, тот и возьмет его, — твердо ска-
зал Степан.

Звонкова будто шилом ткнули, подскочил и закричал по-
бабьи:

— Да откуда ты, такой начальник, взялся? Какое ты име-
ешь право власть свою показывать? А ты, чего молчишь? —
обернулся он к Васе. — Мы с тобой нашли, а он один хочет
распорядиться!

Вася смотрел широко раскрытыми глазами — то на него, то на Степана, стараясь понять, на чьей стороне правда. Сначала ему показалось, что прав Звонков, но, вдумавшись в слова Степана, занял его сторону.

— Напрасно, дядя Герасим, ссоришься из-за чужого золота. Люди может год работали, а мы задаром возьмем у них. Как-то неладно получается. А может они за запасом ушли или захворали... Вдруг да придут, а золота нету. Как же тогда? Да зачем оно нам? У нас своего немало намыто, фунта по полтора придется. Захочем, еще столько добудем.

— Ага, значит, ты заодно с ним! — иступленно закричал Звонков. — Значит, я лишний в дележке оказался. Ну вас... — он скверно выругался и пошел прочь.

Степан, глядя ему вслед, покачал головой.

— И чего только золото не творит с нашим братом...

— Что теперь будем делать? — задал вопрос Вася.

— Закопаем. Как говорится в песне: чтобы не было раздора между вольными людьми. А впрочем, — спохватился он, — как же будем закапывать без Герасима? Нельзя. И вправду подумает, что сговорились окопачить его. Поставим пока в землянку, а завтра все вместе зароем. Я полезу, а ты подай мне туес.

IX.

Спускаясь в землянку, Степан оперся ногой о стену. Что-то хрустнуло и на пол упала, сорванная с бревна корина, а рядом — матерчатый старенький бумажник. Волнуясь, Степан торопливо распутал веревочку, которой накрепко был перевязан бумажник и вынул из него несколько исписанных листов. Один край у них заплесневел и развалился...

«...Гришка оказался сволочь. Он присосался к нам, хотел поживиться. Подкараулил ночью, когда мы спали, забрал золото и утек. Михайла только на вторые сутки догнал его в Раздельном ключе и пришил, гада. Золото и карабин, которым Гришка ранил его, Михайла кое-как дотащил. Две недели лежал, маялся. Совсем начала заживать рана, а потом пошло воспаление по всему телу. Шибко мучился парень. На второй день после тройцы скончался. Такого товарища мне больше веками не найти. Похоронил его, как геройского партизана, положил с ним в могилу его собственную винтовку и партийный билет. Только вот беда, — медведь, который задрал нашего Собольку, сколь раз уж начинал раскапывать могилу. Я набил вокруг острых кольев и он отшатнулся. Да еще и ранил я его, может от этого. А Спиридона все нету. ... и привести с собой товарищей способных к делу... Не знаю, что делается на белом свете. Где воюют наши и почему забыли о

нас. Александр Демидыч обещал подмогу. Может правда ушли в Монголию. Он говорил, там наши деньги не ходят, на все надо серебро да золото. Вот и пригодилась бы наша добыча. Неужели труды наши пропадут? А тут, как на грех, ногу порубил во взъеме, ходить не дает. Заезжал старик-тувинец, искал оленей, которые убежали с дикими. Хотел заехать на обратном пути. Если не обманет, я с ним буду пробираться к своим. В крайности, пойду на лыжах, как снежок нападает.

... и сухари давно приели. Пробивались на оленьем мясе, да еще коренья разные были, грибы, ягоды, лук и чеснок полевой. Шибко выручали орехи. Соли уже давно не видели в глаза. Ходили по маральим тропам, но на солонцы так и не натакались. ... придет меня не застанет, то добычу искать надо, где раньше придумали. А три фунта, которые Гришка утаскивал, лежат, где патроны были. С собой тащить нельзя: перехватят — все пропало.

... хоть бы Соболяка был живой, а то всего и разговору, что на медведя ругаюсь. А он, проклятушая сила, добрался до нашего завода, поломал очип, разорил толчею, а чашу сбросил в ключик...»

— Который же из троих?— задумчиво произнес Степан.— Было четверо. Спиридон уехал, Михайла умер от раны, Гришка-предатель был убит Михайлом. Значит, писал Мироненко. Пойдем-ка, Вася, до дому. Надо с Герасимом поговорить по душам.

Дорогой он неожиданно спросил:

— Скажи, Вася, что бы стал делать, если бы тебе отдали все это золото?

Тот удивленно посмотрел на него и пожал плечами.

— Не знаю. Зачем мне его столько? Я и сам сумею добыть, если нужда придет.

— Ну, а все-таки, куда бы ты его употребил?

Вася долго думал, хмурился, «хмыкал» про себя и, наконец, разразился хохотом.

— Накупил бы всем девкам новые платья, золотые кольца, браслеты, закормил бы конфетами...

— И все?

— Купил бы себе хо-орошее ружье.

— Ну вот, это дело,— рассмеялся Степан.— Но на девок и ружье ты не истратил бы и тысячной доли этой находки. А остальное куда?

— Да ну его, дядя Степан, не нужно оно мне, с ним одни только ссоры.

Пришли к шалашу уже в сумерки. Звонкова не было. Он пришел, когда на небе загорелись звезды. От ужина отказался и хотел ложиться спать, но Степан подал ему бумажник.

— Посмотри, Герасим, что нам пишут хозяева золота.

Звонков повертел в руках листки и протянул Васе.

— Не разберу. На, прочитай вслух.— Когда Вася кончил читать, Герасим торжественно заявил: «Моя правда! Наверняка, медведь его прикончил».

— А по-моему он с тувищем устал, — возразил ему Вася.

— Ладно, братцы, не будем спорить, — вступил в разговор Степан.— Мог он ухватить или на лыжах уйти, а кто знает и медведю в лапы мог попасть. Одно известно, золото добыто партизанами для своей армии и делить нам его не придется...

— Ваше дело, — махнул рукой Звонков.— Вас двое, а я один...

Наутро Звонков, как будто примирившись с потерей «пая», сидел на крыше землянки и наблюдал, как Вася со Степаном зарывали туюс.

С этого дня почему-то никому из них не хотелось ходить к скале, обрушивать золотоносную руду, таскать и дробить ее... Они стали неразговорчивыми, и эта молчаливость, как густым туманом, окутала каждого и разделила их.

Х

Пришло время уходить. Ручьи и речки вошли в берега, снег лежал только на высоких гольцах да в ущельях, куда не заглядывало солнце. Далекий и нелегкий путь предстоял впереди: с тяжелыми котомками подниматься на каменные перевалы, переходить болота, переплывать и перебродить реки и речки...

К походу готовились основательно. Починяли одежду, подгоняли к своим спинам котомки, чтобы не давило, не терло. Вася меньше всех заботился о ремонте — Нефедовна одела его во все добротное. Накануне выхода он взял ружье, покликнул собак и отправился на весь день охотиться на уларов.

Но дело было не в одной охоте, пожалуй, совсем не в ней. Парню надо было побыть одному и обдумать то, что ему предложил Звонков вчера, когда Степан стирал рубашку на речке.

— Ты что, родня ему? — начал разговор Герасим.— Ты думай своей головой, а не чужой. Понятно? Жизнь-то у тебя вся впереди. Плановать ее надо, как лучше. Ты еще ничего не видел, не знаешь, какой есть белый свет. С таким богатством хоть куда поезжай, хоть чего хошь смотри, покупай, бери все чего твоя душа желает. Смекаешь? Давай на пару разделим туюсок? Разделим и баста!..

— А как же дядя Степан?

— И чего тебе дался этот дядя? Пушшай артачится. Нас-то двое. Против двоих-то он не попрет, он ведь тоже из костей

да из мяса... Если тут боишься, с дороги вернемся, заберем. Никто ведь нас со Степаном не венчал. Пушшай один идет... Чего молчишь? Верное дело говорю. Дурак будешь — откажешься. Трусишь? Но, смотри, Васька, не паябедничай Степану! Я не побоюсь вас обоих. Не в таких переделках бывал... Вон идет твой дяля... Молчи!

Забыв об охоте, Вася бродил ничего не замечая, пока из-под самых ног не вылетел, с шумом работая крыльями, улар. Выстрелить не успел. Спустившись к Белому ключу, где стояла толчая, он присел на камни и продолжал, уже который раз, припоминать весь неприятный разговор с Герасимом. «Зачем чужое, когда сами добыли вон сколько? А вот по-ди ж ты, чужое-то больше соблазняет. А действительно, на золото что хочешь, можно сделать, купить, посмотреть... Хитер дядя Герасим! А что если...— мелькнула неожиданная мысль. Он быстро осмотрелся вокруг, заглянул под вашгерд...

Вдруг приступом залаяли собаки. Далеко в зарослях березки происходила свалка. Послышался грозный рык медведя. Вася бросился туда, на ходу перезаряжая ружье. Бежать было трудно: глубокий мох и цепкий кустарник сильно мешали. Звонкий голос Валетки вдруг оборвался пронзительным визгом. Один Черня продолжал гудеть, удаляясь все дальше и дальше.

Посреди прямых кустов березки лежал растерзанный Валетка. Он был мертв, только задние ноги судорожно вздрагивали. Помедлив секунду, Вася ринулся вперед. Встречный ветер смахнул слезинки с его лица... До боли было жаль старого друга, с которым ходили по тайге, вместе учились охотничьему искусству, спали на привалах, прижавшись друг к другу...

Медведь, почуяв человека, не останавливаясь, уходил вниз по склону — в тайгу. Затих и потерялся, как растаял в воздухе, голос Черни. Дальнейшее преследование было бесполезным. Вася вернулся к толчее, достал из-под вашгерда лопату и пошел хоронить Валетку.

Вечером Звонков выразил желание разделить добытое золото. Ни Степан, ни Вася не возражали. На самодельных весах развесили добычу на три равные части. Каждому досталось почти по полтора фунта. Насыпая Звонкову в холщовый мешочек золотые песчинки, Степан говорил:

— Будет тебе на что купить и коней, и одежду всей семье, и хату новую построить. Куда еще больше? А ты вот сердисься на нас с Васильем за то, чужое. Подумай-ка, куда ты его денешь такую уйму? На тот туес можно самого Колчака купить. С ума сойдешь с ним. Продать не сможешь, сразу же потащат в полицию: где взял? У кого украл? Посадят, а то и на каторгу сошлют.

Завязывая свой мешочек, Герасим только криво ухмылялся на Степановы слова. А тот продолжал:

— Закопал бы ты его, а какой толк? Что оно есть, что нету. Я знаю такой случай. Это было лет пять тому назад, в Урянхае. Жил там один человек, приторговывал с тувишцами: им товар разный продавал, а от них белку да соболем покупал. И попадись ему на речке Харал в чайник золотишка, когда воду для чая зачерпывал. Обрадовался, стал разведывать, нашел богатое золото и стал приискателем. Нанял рабочих. Прижимал их, как полагается, до седьмого поту. Часть добытого золота сдавал в казну, а остальное закапывал у себя дома в землю. Три пуда закопал. Ну, я не вешал, а все же люди-то говорили — кто два, кто три пуда. Пока он копил золото, у него завелась в легких чахотка. Ходит он по больницам в разных городах, лечится, пьет лекарства, а золото лежит себе и лежит под домом. Хозяину оно уже не нужно, ему бы подышать воздухом всласть, но дышать-то уже нечем: легкие чахотка съела. Помер он, а золото осталось.

— Значит со здоровьем не пофартило мужику,— равнодушно вставил Звонков.

— Слушай дальше. Была у приискателя хозяйственная жена, экономная — копейки зря не истратит. И сын еще был, единственный. Остались они сиротками, но не бедными и не горькими: у них под домом-то ведь три пуда золота лежало. Я у них на займке ночевал, когда в разведку ездил. Ихняя прислуга, между прочим, рассказала, что после мытья обеденной посуды, хозяйка сама снимает жир с ополосок и копит на мыло. За год фунтов пять мыла наваривает. Интересно мне показалось: три пуда золота в земле лежит, а хозяйка ополоски копит... Думал я: какая же ценность того золота, что в земле лежит? И решил, что никакой — ломаного гроша не стоит. На другой год опять заехал к ним. Оказалось, сын хозяйкин, простыл зимой и помер. Я опять думаю про себя: вот и сын ушел за отцом на тот свет, а золото лежит себе да лежит в земле. Сама хозяйка еще жива, но и она — гляди-гляди, богу душу отдаст. Но ей-то уж совсем то золото не нужно, она и на ополосках до смерти дотянет...

Степан помолчал, потом рассмеялся...

— Это я сам над собой посмеиваюсь. На разведке я был ужасно азартный. Все мечтал самородок в конскую голову найти... Но с тех ополосок, азарт мой — как рукой сняло. Понял, что не в пудах счастье.

— Конечно, всяко бывает. Кому как повезет,— проговорил Звонков.

— К чему это? — не понял Степан.

— Разный фарт бывает. У нас ротный был, так он придумал такое. Готовится, скажем, рота к атаке, он говорит сол-

датам: «У кого есть лишние вещи или деньги, давайте сюда. Потом получите обратно.» Когда самого ранило и раздели в госпитале, то целую тыщу рублей нашли в одеже. Не ранило — целый капитал увез бы домой. Умный был, а вот не пофартило...

— Я такого фартового стащил бы с койки и расстрелял, — рассердился Степан и с досады плюнул.

Вышли не рано. Когда трогаются с насиженного места, бывает много задержек из-за мелочей: то обувь жмет, то лямки режут плечи, рукав распоролся... У Звонкова больше всех было неполадок. Ему впервые приходилось нести на горбу пудовую котомку. Потому-то он с такой завистью смотрел на ловко пригнанную поклажу у Васи и Степана — природных таежников.

В первые дни, пока не втянулись, делали небольшие переходы. Шли, придерживаясь звериных тропинок, а где их не было, выбирали путь очень осмотрительно. Общее направление на Джебаш, куда они решили идти, известно было только Степану. Разномнений на этот счет не было: куда он покажет, туда и шли.

Черня заметно скучал без Валетки. Шел он как на поводке, на остановках ложился и, положив голову на лапы, тоскливо смотрел в сторону, далеко оставшегося позади, Белого ключа.

На двенадцатый день перевалили самый высокий горный хребет, между верховьями рек Уды и Хамсары, с которого открывался чудесный вид на долину Большого Енисея и его притоков. Целый день спускались по речке Кадросу и к вечеру вышли на обширный луг, на котором впервые увидели островерхие тоджинские чумы. Вокруг паслись сотни оленей, около юрт ходили люди.

Завидев пришельцев, спускавшихся с гор, женщины и дети попрятались. Мужчины встретили их вежливо, но сдержанно. Степан, знавший десятка три тувинских слов, заговорил с одним из них. Каково же было его удивление, когда тот ответил на хорошем русском языке.

Оглядев Степана и его товарищей, тувинец спросил:

— Откуда будете? По одежде видно, далеко шли...

Завязалась обычная в таких случаях беседа.

— Вас как зовут? — спросил Степан. — Лопсан? Где вы так хорошо по-русски научились говорить?

— Я на Хамсаре вырос возле русского поселка. С малых лет с русскими ребятами дружил: они меня научили по-своему, а я их по-тувински.

Мало-помалу вокруг них собрался весь аал. Ребятишки осмелели раньше матерей, которые подходили с некоторой опаской. Убедившись, что люди пришли к ним без злых на-

мерений, некоторые стали спрашивать, нет ли чего у них продажного: табаку, чаю или бязи...

Разговор шел больше об охоте, об «урожае» белки и соболя, о хозяйственных делах оленевода. После некоторого молчания во время еды, Степан задал долго сдерживаемый вопрос:

— Что слышать из Белоцарска?

Лопсан ответил не сразу. Он передал бабушке ребенка, игравшего у него на коленях, что-то сказал ей, и только тогда повернулся к гостю.

— Слухи разные ходят... Говорят, в городе никого не осталось. Все: русские саиты, купцы и другой народ уплыли на плотках в Минусинск. Вчера человек с Толбы рассказывал, что повыше устья Тора-Хема переправляются через Енисей много казаков, которые едут через Дархаты в Забайкалье...

— Неужели казаки уходят из Тувы!?— не скрывая радости, воскликнул Степан.

Лопсан улыбаясь одними глазами и подтвердил:

— Все казаки уходят. Чиновники разбежались, и сам комиссар Турчанинов тоже убежал куда-то со своей охраной.

— А не слышать о наших?

— Кто ваши? Красные?

— Партизаны.

— Партизаны в Усинском,— оживился Лопсан.— Скоро должны придти в Туран. Я сам пять дней назад был на Систиг-Хеме. Там какие-то люди заходили в поселок и рассказывали, что на реке Ус был сильный бой. Много белых утонуло в реке.

— Спасибо, друг, за великую новость!— протянул ему руку взволнованный Степан.— Слышь, Герасим, наши в Туву пришли. Надо нам в Туран подвигаться.

— Как не слышу, слышу. Только, по-моему, нечего торопиться шкуркой на огород... Мне чего-то неохота в эту баню — больно угарна она. Да и отдохнуть надо: эвона, какие хребты переломали. Оглянешься назад, аж не верится, что прошли через них.

— Значит, так? Отказываешься от дружбы?

— Ага, так вот...

— Значит, наши дороги расходятся?

— Важный про себя думать должен. Да чего толковать, кому куда надо, туда и иди. Звонков взглянул на Васю.— А ты со мной или с ним?

— Я с дядей Степаном пойду.

— Иди, иди. Ты еще не пробовал казацких плетей? Попробуешь...

За четыре дня отдыха Степан места не мог себе найти. Если бы не Вася, усердно лечивший своего Черню, и не Гера-

сим, у которого, по его словам «внутри сбился в кучу», он давно бы пошagal в Туран. Однако чувство товарищества не позволяло этого сделать, приходилось волей-неволей ждать. Вася уснул поздно: мешал всем жалобным лаем привязанный возле юрты Черня, который, видимо, все еще тосковал о Валетке. Хозяйские собаки не подходили близко к нему: он оскаливала свои страшные клыки, злобно рычал, поднимал грозным горбом шерсть на спине... Проснулся Вася, когда солнце показалось над дальними белками. Вышел из юрты и тотчас же вернулся.

— Дядя Степан, Черня убежал!

— Собака ваш товарищ взял, на охоту пошел чуть свет, — отозвался Лопсан, сидевший у костра за починкой обуви.

— Он сказал что-нибудь! — вскочил с постели Степан.

— Сказал: пойду глухарей поищу на дорогу. Я спросил: зачем такую тяжелую котомку тащишь? Он промолчал. Не расслышал что ли.

Ждали до полудня, ждали до вечера. На следующее утро Степан посмотрел на горы, на тайгу и безнадежно махнул рукой:

— Будем собираться. Герасима больше не увидим. И Черню — тоже. Разные у нас тропки с ним.

Лопсан предложил на прощанье пообедать свежей оленьей. Пока варилось мясо, он занимал гостей рассказами об охотничьих приключениях. А у него их было немало. В тайге всякое случается, зверя много. Людей вот, кроме своих редко встречать приходилось... Только однажды — это было прошлой осенью, в полночь к его огню подъехали на оленях два человека: русский и тувинец старик. У русского нога болела, сильно хромал. Худой, тощий был. Сам невысокий, а борода — вот такая. Старик рассказал, что русский жил далеко в горах, какие-то камни собирал, что ли...

— Куда же они уехали? Где их искать?

— Оленевод живет на Талой речке — в Хамсару она падает, а русский где, не знаю. Он, что, знакомый ваш? По заимкам спрашивайте, у русских скорее узнаете.

Идти было невесело: Вася удручен был потерей своих любимцев — Черни и Валетки, а Степану нечем было его утешить. Подстать настроению и погода расхлябалась: каждый день выпадали дожди, небо тащилось, задевая вершины деревьев, словно готовилось завалить серыми горами облаков тайгу. Подошли к Енисею между Хамсарой и Систиг-Хемом. Передневали и, чтобы избежать случайных встреч с колчаковцами, пошли дальше не по тропе, а целиной тайги. На салике переправились через Систиг-Хем и через три дня вышли к речке Хут, которую тоже пришлось переплывать на плотике.

На обширной поляне, прислонившись задками к стене леса,

перед ними раскинулись постройки однококой заимки. Солнце только взошло. Из двора выходили коровы и разбредались по лугу. Во дворе лаяли собаки, но людей нигде не было видно.

— Неплохо бы молочка попить, а? Как думаешь, Вася? Рискнем? Они вышли из леса и направились к поскотине, нагорь которой проходила вдоль глубокой оросительной канавы, где струилась чуть приметная змейка воды. Вася уже взялся за жердь, чтобы перелезть через городьбу, как вдруг Степан крикнул:

— Назад! Ложись! И сам бросился в канаву.

Из ворот заимки выезжали казаки. Их было четверо. Вася замешкался и казаки заметили его. Один отделился и рысью направился к канаве. В правой руке он держал короткую винтовку, левой правил конем. Остальные смотрели ему вслед.

Уходить было некуда. Кругом открытое место. Степан сдернул с плеча бердану и почти не целясь выстрелил. Конь под казаком поднялся на дыбы, рванулся в сторону и помчался к лесу.

— Вот да!— воскликнул Вася и приподнялся посмотреть на убежавшего казака.

— Куда ты, закричал на него Степан и дернул за руку вниз. Но было поздно: Вася охнул, схватился за левое плечо и со стоном опустился на колени.

Стреляли от ворот. Сделав несколько выстрелов, казаки пришипорили коней и ускакали вслед за первым.

— Эх, Вася, Вася, и угораздило же тебя высунуться,— с сожалением и досадой говорил Степан, торопливо развязывая котомку. Разорвав чистую рубашку, он, как мог, перевязал рану. Она была сквозной. Степан очень торопился и все поглядывал — то на заимку, то на лес, в котором исчезли казаки. В любую минуту они могли вернуться, или другие появиться со двора...

Прошел час или два. Кругом — ни души. Ослабевший от потери крови, Вася полулежал на борту канавы и виновато поглядывал на Степана. А тот, с потемневшим лицом, сидел рядом, обдумывая выход из создавшегося положения. Что было делать? Где прятать парня? Как спасти его? Эти мысли билась одна о другую, не находя решения.

Сзади кто-то чихнул. Степан резко повернулся и вскинул бердану. Перед ним, шагах в десяти, стояла черноволосая девочка лет семи, босая, в голубом ситцевом платье. Темно-смородиновые глаза ее со страхом смотрели на незнакомых людей, таких неожиданных в этой канаве, где она знает каждый поворот ручейка, каждый кустик жимолости...

— Фу, ты! Вот напугала!— облегченно вздохнул Степан.— Откуда ты, с заимки?

Она кивнула головой и продолжала разглядывать пришельцев, поджимая, как цыпленок, то одну, то другую ногу.

— На заимке есть казаки?

— Нету. Ни-и-кого нету,— неожиданно громко ответила она.— Они два раза почесали и больше не стали жить у нас. Бабушка ругала их.

— Тебя как звать?

— Лишка.

— Ты посиди тут, вот с этим дяденькой, а я схожу к твоей бабушке. Вот кружка: если он попросит пить, ты подай ему. Ладно?

— Ладно. А ты скоро? А то бабушка заругает меня.

На дворе Степана встретила старушка в черном платье и, несмотря на теплый день, в стеганом капоре.

— Здравствуйте,— ответила она на его приветствие. Это не вы ли подняли стрельбу?

— Мы, бабушка...

— Я вам не бабушка, а Дарья Михайловна.

— Извините, я ведь не знал, как вас зовут.

— Теперь знайте,— с достоинством отчеканила она. Голос ее был глуховатый, больше похожий на мужской, оттого и речь Дарьи Михайловны казалась грубоватой. По какому случаю к нам пожаловали?

— У меня к вам великая просьба, казаки моего товарища ранили. Кровью парень исходит...

— Так чего же ты молчишь! Ниса! Ниса!— закричала она.— Беги скорее, лови коня да запрягай. Скорее!

Из дома выбежала стройная девушка лет шестнадцати, с косой перекинутой через плечо. Увидев незнакомого человека, остановилась и растерянно проговорила:

— А куда запрягать-то?..

— Не кудакай, а запрягай скорее! Некогда разговаривать. человек помирает. Серко-то во дворе? Не выпускали?

Девушка кинулась к амбару, как птица — сналету сдернула с деревянного гвоздя узду и умчалась в задний двор. Через минуту вывела низкорослую серую лошадь, в один момент захмутила ее, набросила седелко, вставила коня в оглобли, мелькнула дугой, скрипнула супонью и, вздернув оглобли перетягой, рысью повела коня со двора. Хороша была девушка в эту минуту.

— Иди, показывай, где он лежит,— сказала Дарья Михайловна Степану.— Да полегче на кочках-то, раны разбередите... Стойте! Стойте! Сена-то, сена пошто не положила? Не за дровами поехала. Ох ты, господи, все надо подсказывать...

С большим трудом уложили Васю в неудобную рыдванку

и привезли к дому. Дарья Михайловна приказала занести раненого в горницу и положить на Нисину кровать.

— А ты, девка, поспишь в куте, не велика барыня. Линка! Сбегай в погреб принеси молочка, напоить надо паренька-то, ишь как губы-то заеклись у него.

На другой день вечером она разбинтовала рану, промыла настоем какой-то травы и, приложив листики подорожника, вновь забинтовала чистым полотенцем.

— Полезная травка,— приговаривала она, скоро заживляет.

— Не знаю, как и благодарить вас, Дарья Михайловна, за ваше доброе сердце,— говорил Степан.— Если бы не ваша помощь, не знаю, что бы могло случиться с Васей...

— Поблагодаришь, когда парень выздоровеет, а сейчас чего толковать об этом. В беде всякому надо помочь. И чего вы только делите? Не пойму я. Места на земле всем хватит, так нет, все какие-то завистники, у кого много, кому мало...

— Откуда казаки-то приехали к вам?— осторожно спросил Степан.

— А я почему знаю? Откуль вот вы взялись, я тоже не знаю, и знать не хочу. Не мое дело. Но девку у меня сманивать никому не позволю! Ишь, нашелся жених! Не успел порог перешагнуть, сразу присватался...

— Да кто это, Дарья Михайловна?

— Казачишка, из тех... Я, говорит, разодену тебя, как барыню. Денег, говорит, у меня — полные сумки. Ниска от него убегает, а он одно свое: выходи да выходи за него замуж... И где они денег нахапали! Линка вон, на сеновале сидела и видела, как они пачки денег в седла зашивали... Садись, Линка, ешь. Ты пробегала обед-то. Да не смотри мне в рот, а ешь. Вот девчонка: все везде услышит, все-то раззнает. Смышленная, бесовка! Вся в дедушку. Она ведь у нас тувинской родовой. Муж-то мой, Иван Чылбакович, тувинец был, природный тоджинец. А чего удивляться? Не одна я за тувинца выходила. Мой-то Иван у Семеновых вырос, а они сватовья нам по моей матери...

Вошла Ниса, мельком взглянула на Степана и обратилась к Дарье Михайловне:

— Бабушка, Вася чайку просит...— Слово «Вася», произнесла осторожно, будто боясь его уронить.— Может у тебя кусочек сахарку найдется?— шепнула она и покраснела.

Дарья Михайловна посмотрела на нее и не ответив, достала из старенького буфета два квадратика сахара. Подавая их Нисе, она еще раз взглянула на нее.

— На вот, отнеси. Больному ничего не жалко,— вздохнув сказала она. Потом повернулась к Степану:— О чем я гово-

рила-то? А, о казачишках. Один проговорился: «Мы, говорит, сопровождали какого-то комиссара. А он возьми да и умри на Улуг-Оо. Закопали, говорит, его в камнях, а сами подались по домам». Воевать-то и им тоже надоело. Я так думаю, обобрали они комиссара, вот откуда у них и деньги. Подумай, попросили булки состряпать на дорогу, и за три каравая «катернику» отвалили! Я говорю, с ума вы посходили, такими деньжищами бросаетесь, а они посмеиваются: «У нас мельче нету».

— Как же вы, Дарья Михайловна, в таком одиночестве живете? Обидеть могут вас.

— У меня тут родня большая. Вокруг-то ведь народ живет, тувинцы, сродственники моего Ивана. Они меня в обиду не дадут. Оно видишь, как раньше было: мор напал на людей. В которых юртах половина людей повымерло, а которые совсем пустые остались. Сейбинцы да карагагинцы собрали сироток и растили заместо своих детей. Так и росли тувинята у русских. Девчонки после замуж повыходили, а парни переженились — которые на своих, которые на русских девках. Вот и я за тувинцем была. Двадцать лет прожила, худого слова от Ивана не слыхала. Хороший человек — ничего не скажешь. А уж охотник! Поискать надо. Всех мер мужик: хоть на работу, хоть на охоту, хоть повеселиться. И мастер-кузнец, каких нынче мало.

— Давно овдовели, Дарья Михайловна, — участливо спросил Степан.

— Семей год с покрова пошел. Рано помер. Из-за товарища погинул, не своей смертушкой скончался. Медведь, будь он проклятый, грудь ему раздавил. Сколь он до того их убивал — счету нет, а тут, вот оплошал... Иван-то Чылбакович вон какой мужик был, как гора, а медведь и того больше. Схватились врукопашную. Долго боролись да медведь-то как-то ухитрился подплел его под ногу и свалил. Успел Иван расплоснуть ему горло, — так медведь и подох на нем. Грудь-то всю измял Ивану. Неделю всего и похворал...

Дарья Михайловна пощупала самовар.

— Заговорила я, совсем он остыл, угольков надо бросить... Одна беда не приходит никогда. Не прошло и месяца после похорон мужа, стряслось новое горе: дочь в Туране умерла от тифа. Линка-то ее. Одиннадцати месяцев осталась от матери, так и живет с тех пор у меня. А Ниса — дочка моего брата. Родня зовет меня в Туран. А как я брошу хозяйство? Тут все нами с мужем нажито, всю жизнь уложили в эти стены да в дворишки... Как же мне бросить его могилку? Вон она на горочке, где две березки растут...

Уже неделю пролежал Вася в горнице у Дарьи Михайлов-

ны. Он сильно изменился, похудел, в лице — ни кровинки. От слабости все время находился в полузабытьи. Как-то он, волнуясь, заговорил со Степаном:

— Не сердись на меня, дядя Степан... Я давно хотел тебе сказать о Звонкове... Ты не знаешь еще, что он за человек... Сговаривал меня разделить с ним золото из землянки...

— Вот как!?— поразился Степан.— Жаль, что не сказал раньше.

— Он пригрозил мне... Я боялся — убить он мог тебя и меня. Он, наверно, пошел на Белый ключ... Но ты не бойся, я... перепрятал...

— Перестань, Вася, нельзя тебе разговаривать. Смотри, даже лицо вспотело...

Взбудораженный Васиным сообщением, Степан ходил по двору, припоминая поведение Герасима, вспыхнувшую в нем алчность к золоту... «Но Вася! Какой же он молодчина! И когда он успел перепрятать? Мне и в голову не приходило такого».

— Чего ты там бормочешь? Ужинать иди!— позвала с крыльца Дарья Михайловна.

Проходя в кухню, Степан заглянул в горницу. У изголовья больного сидела Ниса и с ласковой тревогой пристально вглядывалась в бледное лицо уснувшего Васи.

— Чему радуешься?— заметив довольную улыбку на его лице, спросила Дарья Михайловна.

— Кажется Васе получше стало...

— А ты поменьше с ним разговаривай. Он и так ослаб, а ты с разговорами к нему лезешь. Если тебе куда надо ехать, бери вон Серка, поезжай. О парне не беспокойся, бог даст — выходим.

Ночью на заимку пришла разведка Партизанской Армии.

Петр ЧЕРКАШИН

ГОРЬКОЕ СЧАСТЬЕ

(Отрывок из книги «Ты взойди, солнце красное».)

За лиловыми горами, где рождается буйный силач Енисей, издавна проживал многим неизвестный народ загадочной солнечной страны. Столбовой дороги в тувинскую землю тогда не было и трудно было общаться людям, разделенным Саянскими хребтами, дебрями вековой тайги.

Самый древний, коварный путь за Саяны зимой лежал по льду Енисея. Случалось обозы тонули в полыньях, сбивались с пути, замерзали, погребенные пургой. Летом по реке могли пройти только плоты, судам преграждали путь огромные скалы Большого порога. У плотогонов душа в пятки уходила, а плыть надо. Лютым зверем беда смотрела в глаза. Караваны плотов, спускаясь в пороге, захлестывались и ныряли в пенные валы, коржились, трещали и тревожно стонали в водоворотах. И горе людям, если лоцман зазевался.

На Большом пороге даже в крещенские морозы не замерзала вода, стоял туман и, как исполинский медведь, завалившийся в берлогу, тяжело дышал пресным белесым паром. Стиснутый громадами скал этот адский ураган бушующей воды, вечно ревел и клокотал, обрушиваясь, сокрушался вдребезг о вековечные твердыни.

Но больше привлекали путешественников из Енисейской губернии сухопутные дороги. Три казенные тропы извивались по тайге и перевалам Саян. Гнали по ним гурты скота да вьючных низкорослых выносливых лошадей.

На востоке через Каратуз шла Амыльская тропа на Тоджу. На западе с вершины Абакана — Арбатская тропа на Хемчик. А между ними в центр страны — Усинская тропа из Григорьевки.

И после длительных изысканий, в 1912 году потянули на Урянхай, в направлении Монголии и Китая, Усинскую колесную дорогу.

* * *

Тихая деревушка Григорьевка еще с 1909 года вдруг неожиданно и негаданно для подтаежных старожилов была как пчелиный улей взбудоражена слухами о строительстве гужевой дороги.

Позднее сам иркутский генерал-губернатор граф Князев изволил постоянно интересоваться этими местами и даже посещать их, как одну из крупных строек, порученную ему Государственной Думой и самим самодержцем Всероссийским царем Николаем II.

Застучали топоры и кайлы, зазвенели лопаты и пилы на просеках, загремели взрывы в кедровой тайге.

Тысячами рук сработанная дорога мучительно медленно раскручивалась по горам и таежным дебрям.

Начальник, строитель дороги, инженер путей сообщения Амосов, старший архитектор Широков, взятый начальником на поруки из Туруханской ссылки, и все их чиновники, суетились на новом попреще. Телеграммы и письма летели во все концы. Все чаще появлялись обозы из Миусинска. Агенты от главной конторы важно разъезжая по селам и городам Сибири, приглашали на стройку мастеров и чернорабочих из крестьян.

У завербованных отбирали паспорта и давали на проезд задаток по десять золотых рублей. С сухарями и калачами, свиным салом и сушеным мясом чалдоны-хлебопашцы семьями отправлялись в далекий путь на заработки.

Это лето в Григорьевке выдалось ласковым. Кругом леса, на лугах трава по пояс вымахала. В огородах сельчан радовали глаз тугие вилки капусты, пышная ботва моркови, плети огурцов, крупные головки мака на тонких, стройных стеблях. Теплыми вечерами, когда пахивало парным молоком, а гуси, свиньи и телята во дворах не бежали с криком к крыльцу избы, как утром на стук щеколды и скрип сенных дверей, а насытившись за день, убирались на покой, небо окутывалось бараньими черными овчинами и страх на чужбине для некоторых новоселов большими глазами смотрел из каждого угла. Вечерами во мраке улиц кое-где мерцали огоньки.

Зато по субботам и воскресеньям, вечерами, на улице появлялась орава пьяных парней, приехавших из разных мест Енисейской губернии. С гармонистами, привольно шатаясь по улицам с вечерки на вечерку, они заигрывали с местными

девчатами или хором, до хрипоты, выкрикивали частушки. Расстегнув воротники цветных рубах и канителясь в кадрилях, парни хвастались безудержным ухарством.

Складно скросный гармонист в зеленой рубахе, подхваченной широким ремнем с медной начищенной пряжкой, опустив на лоб рыжий чуб, важничал и кривлялся, колесом разводя меха гармошки и рьяно прихлопывая басами:

Чо ты, милка, чо ты, чо,
Чо ты чокаешься, чо?
А я, парень из деревни,
Хоть и чокну, так ничо!

Из-за предгорий, за речкой Кебеж, всплыла багряная луна и полнокровной мордой повисла над кудряшамн березовых роц. Улыбаясь, она с любопытством рассматривала на улицах беспокойных людей и твякающих собак. Из покосившегося домика по унавоженной дороге, вышла еще бодрая старушка, направляясь навстречу подгулявшим парням. Гармонист сжал гармошку. Окружив старушку, все остановились.

— Ой, срам-то какой, и до чего мы дожили, отродясь еще не видывали такой напасти!

— Что случилось, Татьяна Родионовна? На кого вы бранитесь? — раздвигая локтями толпу, вышел к старушке с сияющей улыбкой плечистый парень. Начищенные голенища его узконосых сапог попахивали дегтем, гармошкой садились на задники.

— Ох Сергей, квартирант мой ласковый, что же это ты бражничаешь и табунишь всю деревню. Думаешь, управы на тебя не найдется? Сейчас же иди спать, а то я ворота запру.

— Ха-а, да это ему нипочем, — выкрикивали в толпе, — он и через дом перемахнет!

— Бабушка, спать-то еще рановато, мы еще только начали заваривать кашу, — подшучивал парень в красной рубахе, с ремнем через плечо. Вот луна закатится и каждый с девкой схватится.

Все разом одобрительно загоготали.

— Бесстыжные вы рожи, надо всех вас орясиной огреть.

— А нам ничего не страшно, мы — красноярцы, с Качи, слышали таких? Это вам не григорьевские чистоплюи, — выдвинулся вперед рыженький, а при луне почти бронзовый, небольшой веснушчатый паренек.

— Нашел чем хвалиться, пустое мелешь. Тут не таких хватов охаживали и вас объездят. Видали, как через нашу деревню каждую неделю гонят каторжников в кандалах, работать в Саянах, на дворе?

— А мы по своей воле сюда приехали, нам не требуется вы-

сокой чести ходить с жандармами. А вы, бабуся, не волнуйтесь, это мы любя подшучиваем.

— Да вы же на всю деревню базлаете бесстыжие припевки. От таких песен мертвецы в гробах попереворачиваются, чтоб языки ваши поотсыхали. Баловство-то одолело, а вошь заела.

— В бане березой всех отпарим!— выкрикивали из толпы.

Старушка неожиданно схватила Сергея за ухо и начала трепать и приговаривать. Но тянула она легонько, любя и парень не сопротивлялся, посмеивался вместе с другими, те тоже подставляли свои уши.

Гармонист нажал на клавиши и лихо развел гармошку. Во все стороны полилась плясовая «Сударыня-барыня». Многие подхватили песню и ринулись в пляс.

Пошла барыня плясать, доски гнутся,
Сарафан короток, ребята смеются...

И ватага двинулась по улице. Родионовна остановилась около скамеечки своего дома и погрозила пальцем озорникам. Села, скрестив руки на животе, и с ласковой улыбкой задумалась о своем обходительном, так скоро пришедшемся ко двору — квартиранте Сергее, о том, что надо бы попридержать его от баловства.

* * *

Из разных уголков Сибири прибывали вольнонаемные семейные и одинокие на постройку колесной дороги.

Молодые баловные парни собирались на игрищах и не зная куда сбросить избыток пылкости, частенько заводили драки. Красноярская братия лупила ачинцев, а заодно и енисейцев. Потом добирались до канцев и минусинцев и всех переколачивали. Да и красноярцам, бесшабашным хватам перепало изрядно в этих кулачных схватках. Атаманом и заводилой у них был ухарский парень Сергей Кочетов, из Красноярских железнодорожных мастерских. В любое время он мог учинить драку для себя и для всей компании. А дрались ребята ловко и здорово. Поцарапанные, с синяками и шишками, как с клеймом, ходили неделями и месяцами.

Среди деревни на горке, на зеленой лужайке, собиралась григорьевская молодежь. Рябоватый местный гармонист, с толстой верхней губой, свесив ноги с бревен, наваленных у забора, усердно наигрывал на гармошке кадрили и польки.

Крепкие крестьянские девки, с толстыми косами, в светлых кофточках, глухо закрывающих шею, и длинных темных юбках, туго затянутых широкими ремнями под самые груди, лузгали семечки и кедровые орехи, хихикали и пели протяжные

песни. Чубатые парни толкались вокруг гармониста, усаживались на бревна, на забор, покуривая, важничали, сплевывая сквозь зубы.

На веселье, как к магниту потянулись со всех сторон холостяки и жепатики. Вскоре к этой толкучке прибились и храбрыцы-красноярцы со своим доморощенным гармонистом. Вот появились и завсегдатан веселья скрипачи-самоучки, бородачи, подвыпившие балагуры: дед Алексей и дед Максим. Настроив свои инструменты под гармоники, они удовлетворенно крякнули и под прибаутки:

Э-э-э, были бы побрякунчики,
Будут и поплясунчики...

разом ударили по струнам, и вдруг рассмеялся и засверкал искрометный танец «Камаринская». Гармонисты подхватили и пошла деревня вензеля писать...

— Не напирайте, добрые люди, расступитесь, шире круг!— Раздайся грязь, добро плывет!—выкрикивали музыканты, притопывая ногами.

— Наш Сережка сейчас нагонит жару, покажет, почему сотня гребешков!

На круг, подталкиваемый в спину, спокойно, как бы нехотя, вышел привлекательный парень — бабушкин квартирант, в голубой косоворотке, затянутой крученым шелковым с кистями пояском. Высокий загорелый лоб, синие глаза, прямой нос над тонкими губами, и улыбка невольно вызывали симпатию окружающих. Ни томная красавица, ни озорная молодуха не могли не любоваться молодцом. И никак нельзя было подумать, что этот ладный и спокойный парень и есть заводила красноярских головорезов.

Обведя всех глазами, решительно хлопнув фуражкой оземь, подбоченясь, Сергей ударил ногами дробь и легко пошел по кругу, хрустя подошвами по шелухе от семечек и орехов.

— А, ну, девки, пошли плясать, а то вам мало достанется, я один все вытопчу.

Танцор улыбался, гордо подняв голову. Сделав заход, он остановился против девушки Уты, стоящей у забора, и низко поклонился ей. Все на мгновение замерли в ожидании ответа.

На заборе сидел Василий Ильин, задира и атаман григорьевских парней. На вороненные с блеском, хромовые сапоги нависли синие плюсовые шаровары. Атласная малиновая рубаха была перехвачена шелковым плетеным пояском, с увесистыми махровыми кистями. Лыняные волосы его, смазанные «скоромным» маслом, были зачесаны на косой пробор.

Поблуднев и зашмыгав большими ноздрями, он схватил

за плечо приглашенную и молча не отпускал. Но девушка, взглянув на Васюку, метнула длинной косой, выскочила на круг.

Золотисто-шафрановым яблоком заиграл румянец на ее с ямочками щеках и зеленый шелковый шарфик закружился в вихре. Музыканты прибавили пылу, наблюдатели в азарте выкрикивали и прихлопывали ладошами в такт.

— Григорьевских девок отбивают! — зашумели со всех сторон. — Хлецы их резиной, людоедов поганых!

— Пропал наш Васек, ногу подставили!

— Что же ты шары-то лупишь. Резни его свинцовой перчаткой по соплям, умой красным цветом!..

Василий, хотя и кипел от злости, но заводить скандал с красноярцами не решался и молча сидел на заборе, даже пытался улыбнуться.

Колено за коленом выдывал Сергей ногами и руками, как на пружинах, вприсядку ходил, бросая вверх из-под ноги фуражку, ударяя себя в грудь и затылок, шелкая пальцами о надутые щеки и шлепая ладонями о подметки. Ута павой кружила вокруг волчком вьющегося Сергея. Одни с восхищением, другие с завистью смотрели на эту пару, разгоряченную пляской.

Скрипачи-бородачи в азарте приговаривали про пьяного камаринского мужика, который лихо заломив шапку набекрень, по улице вприсядку бежал.

Все спустил в утробу грешную,
Обокрал жену сердешную.
Шапкой брагу пьет, куражится,
Хороводится, не уляжется.

Разудалая широкая душа, сердобольная — для кума хороша.

— Здорово он пляшет, но ломается еще чище. А вот смотрите скоро рассыплется.

— Задаваха! Чубук от старой трубки!

— Голодранец! — не утерпел и выкрикнул Василий. Григорьевские парни разом одобрительно закричали, злобно зашвистели и заулюлюкали.

Сергей, словно ничего не слыша, улыбался, продолжая выдывать коленца.

Завороженный и опьяненный счастьем первой встречи с Утой, которую он неустанно искал, Сергей готов был под голосистые вздохи музыки и взгляды толпы бесконечно наслаждаться и до утра хороводиться, пить и пить этот брызнувший жгучий медовый напиток любви. Он не спускал с девушки глаз, видел только ее одну, ее гибкое легкое тело,

нежное личико и опущенный взгляд. Хороша и мила была она, как малина, налитая соком. На него вдруг нахлынуло ощущение такого счастья, за которое можно было бросить все, идти хоть на край света.

Сергей заметил, как Василий бросил палку ему под ноги. Ловко увернувшись от удара, он ее отшвырнул и, сделав еще круг, неожиданно наотмашь шлепнул по губам Василия, и тот свалился за изгородь, завязалась драка. Хозяева первыми бросились на гостей, давно собираясь почесать на их спинах свои кулаки. Да и краснорядцы также добрались пощупать и под орех разделить григорьевских парней, которые с лисьей сноровкой всегда ускользали от перепалки.

— Ребята, сюда, наших бьют! Все смешались в жаркой потасовке.

— Куча мала!— кричал дед Алексей, жадный до острых зрелищ.

— Наши дерутся, так волосы в руках остаются! Бей своих, чужие будут бояться!..

Но вскоре оба деда, ребяташки и бабы разбежались, кто куда.

— Не тут-то было, не на таких шарвались!— летели выкрики.— Наподдадим оплеух, отучим кусаться, крути ему уши!

— За глотку не трожь, стервец, глаза вырвем и зубов недосчитаешься,— кричал Сергей, срывая чьи-то руки со своего горла. Прижатый на момент лопатками к земле, он рьяно отбивался сапогами и кулаками. Знаток в кулачных схватках, не растерявшись, он помнил, что надо делать. Разъяренные противники откатывались от него, как мешки, набитые овсом.

Григорьевцы первыми уносили ноги. Уже в переулке раздавался свист, тяжелый топот убегающих и преследующих, словно вырвался табун скота на водопой. Во все стороны летели камни, звенели разбитые стекла.

В изодранной рубашке, молча, за кем-то гнался Сергей с товарищами. Хозяев загнали в соседнюю деревушку Низкозобку или Верхний Кебеж. Никто из старожилов-мужиков не посмел заступиться за своих сынков, знали, что схватка с краснорядцами могла закончиться плохо.

Меркла серебристо-зеленоватая ночь. Пышущий зной давно рассосался, а месяц, перемахнув через поселок, кажется, сжался и похудел в голубовато-бледной немощи. Над болотами, за деревней, поднимался туман, изредка перекликались журавли. В предутренней зорьке в огородах, по морковной ботве и капусте скатывалась роса. Напахивало березовой свежестью, рыжиками, медовыми травами. Прокричали

первые петухи, а по улицам, с края на край, все еще раздавались какие-то голоса, нагоняя бессонницу на григорьевских обитателей.

Возвращаясь, Сергей с легким притворством спросил у друзей:

— Что за краля со мной плясала?

— А, что, понравилась? Губа у тебя не дура, знает, что сладко.

— А все-таки, кто такая?

— Да это здешняя красавица — Устинья Кузнецова, Семена Карпеевича дочь. Вон там их крестовый дом, с большим забором.

— Ее отец-то крепенький, с характером мужик. Свою дочь хранит, как зеницу ока. Эх, Сергунька, пустые хлопоты будут.

Ничего не ответил Сергей, а только крепче задумался. Шел молча до избы старушки. Чуть приметно улыбаясь и позабыв про драку, ясно представил себе ее ласковые смородинные глаза, маленький рот и белые зубы, тонкую талию и затянутую грудь.

На синем бархате неба ярко горели звезды. Одна из них на юго-востоке, как бриллиант, игриво переливаясь зелено-красным цветом, вечно манила к себе людей. По небу черкнул хвостато-желтый метеор и утонул за Саянами. На севере у горизонта поднимались черные тучи, засверкали молнии и через томительно тягучую тишину, наконец, донеслось отдаленное урчание грома.

* * *

Ушел Сергей из Григорьевки на семнадцатую версту, в местечко «Семь лужков», помогать родителям на заработках. С дружкой Иваном они долбили, сверлили, строгали сосновые, пахучие бревна. Отцы их вместе позванивали топорами и пилили, словно жонглеры, ловко орудуя инструментом, вгоняя его в древесину, поднимали у тракта новую станцию Малый Кебезь.

К концу недели Сергея охватывала тоска, дни и особенно вечера казались бесконечно долгими. Зато в воскресенье с раннего утра, охваченный волнением предстоящего свидания с Утой, он тщательно наводил свой незатейливый туалет и отправлялся в Григорьевку.

Майской черемухой расцветала дочка Семена Карпеевича. Ямочки на ее румяных щеках и улыбка, играющая солнечным зайчиком, не давала покоя безусому плотнику. И сама Ута с нетерпением ждала его появления. Каждое воскресенье по утрам можно было видеть в окне то и дело появ-

ляющееся ее хорошенькое личико. Завидев Сергея, Ута тайком исчезала из дома.

В суете труда незаметно отступили осень и зима, и снова распустилось рябиной пахучее терпкое лето. В начале августа неожиданно нагромоздились вороха облаков, началось гнилое ненастье. Днем и ночью слезами потело небо и только в конце месяца, в одно из воскресений, с утра дохнуло голубизной и долгожданная улыбка солнца брызнула ласковой теплотой. Туманы закутались пушистым льном в сиреневомокрых чашобах и, казалось, далеко, далеко в предгорьях Саян, в молоке облаков плавали пихты и ели.

По щебенке тракта, отшлепывая по зеркальным лывкам, Сергей торопился в деревню, похлопывая веточкой по сапогам. Кругом грязь, болото. Кюветы дороги переполнены прохладной водой, впитывающей в себя отблески бирюзового неба.

За поворотом, недалеко от Григорьевки, вдруг показалась серым прямоугольником колонна каторжников. Конвой, в черных шинелях с погонями, с винтовками к седлу наперевес, окружал их вместе с обозом.

Офицер впереди, тронув пальцем закрученные усики и звякая шашкой, крутанул гнедого жеребца, остановив колонну, что-то сказал. Солдат, пришпорив лошадь, оторвался от колонны и ринулся к парню. Захолонуло сердце Сергея. Стоял он на краю дорожной канавы и видел, как на него галопом скакал всадник, четко доносилось ёканье лошадиной селезенки и цокот подков.

Сергей, не зная что делать, продолжал стоять в нерешительности, стараясь рассмотреть лицо всадника, надеясь, что быть может его не сгонят с дороги.

— Ты что, чалдон желторотый, ворон тут ловишь, порядку не подчиняешься!—крикнул кавалерист, чуть не наехав на парня.— Вольные близко не допускаются, посторонись!

Сергей видел около себя тяжело дышащую лошадиную морду с большими ноздрями, с пеной жующую удила и прищуренный взгляд серых глаз красноного усатого человека в картузе с кокардой.

— Податься некуда, господин казак, трясина кругом.

Парень хотел разыграть простачка и поближе рассмотреть людей, закованных в железо, которых называли государственными преступниками.

— Именем закона шкуру с тебя спущу! Нырять с дороги, пока цел!

Получив ременный гостинец и затяжной рывок узды, лошадь, заплясав на месте, развернулась и с храпом вскинулась на дыбы около парня.

Всадник размахнулся со всего плеча и наискось хлестнул его нагайкой. Сергей попятился, чувствуя на спине ожог, прыгнул через канаву и, поскользнувшись, упал боком в лужу глинистой грязи. Разом донесся хохот конвоиров, а солдат рядом, наклонившись в седле, заржал во все горло, увидев испачканные лицо и одежду парня.

Отряхиваясь, Сергей вылез на кочку, разулся, вылил из сапог белесую жижу. Двинувшаяся колонна вскоре поравнялась с ним. Она проходила так близко, что можно было свободно разглядеть бледные, освещенные солнцем хмурые лица каторжан. Офицер, проезжая мимо, обнажил в улыбке золотой зуб и игриво погрозил Сергею пальцем.

Люди в серых тюремных бушлатах двигались по четыре в ряд. Впереди идущие кандалники были скованы по два об руки. Они тяжело поднимали с налипшей грязью коты-чоботы каторжников и звенящие кандалы, привязанные впереди к поясу. На головах заключенных — серые бескозырки, а в спину бушлатов ввелся желтый бубновый туз — тюремное клеймо. Политкаторжане в первых рядах зорко посматривали по сторонам. На лицах одних было написано презрение, других — покаяние. Некоторые, даже закованные по рукам и ногам усатые и с бритыми бородами, бросали приветливые взгляды Сергею, зеленому лесу, залитому ярким солнцем. Шли в рядах и искореженные тюрьмой сутулые, заросшие волосами, суровые, постаревшие колодники, злобно поглядывая на окружающих.

Позади, прихрамывая, придерживаясь за товарищей, по нуро плелись больные каторжники с посеревшими лицами.

В первых рядах вдруг тихо затянули песню без слов и, будто испив живительной влаги, все сразу воспрянули и подхватили её. Сергей впервые слышал такой напев, напев страдания, горькой участи. Казалось песню не пели, а она сама дни и ночи гневно kloкотала у каждого в сердце и со вздохом вырывалась из глубины души.

Сергей пристально смотрел, как исчезала колонна за пригорком. Жалко стало ему измученных, исхудавших людей. Вдруг до щемящей боли в груди захотелось чем-нибудь помочь этим несчастным, поговорить с ними, узнать за что они так наказаны.

Сергей вышел на дорогу, направляясь в деревню. У кювета на камнях сидел знакомый крестьянин Федор Макашин с сынишкой, ожидая его.

— Пошли, паря, вместе. Не повезло тебе, немножко отломилось. Ничего не поделаешь, сила соломку ломит. Придем, у меня в баньке пополощешься. Я вот, тоже, как-то за

неподчинение и за слова против власти в заключении сидел. Да и ныне на подозрении урядник держит.

Неугомонный парнишка крутился у ног отца и тянул:

— Тятенька, купи мне маленькие кандальчики.

— Вот пристал, глупый,— сказал отец, доставая кисет из кармана. Завернув сигарку из самосада и закурив, Федор произнес:

— Большой вырастешь— казенные даром дадут. Царь-то у нас добрый, не пожалеет кандалы для хороших людей... Сергей смутно улавливал разговор отца с сыном. Он еще постоял, охваченный новым чувством, посмотрел туда, куда скрылись эти загадочные люди. Перед его глазами возникла фигура самого заднего, похожего на дьякона из церкви. Он был без кандалов и бескозырки, с черными волосами, зачесанными назад, и с достоинством высоко нес голову, хотя шел на одной ноге, опираясь на плечи товарищей. Его пенсне поблескивало по сторонам. Оглянувшись он махнул рукой Сергею, будто сожалел о чем-то.

Здесь Сергей впервые ощутил в себе появление неясного, гнетущего нового чувства. Ему все еще слышался однотонный, тенькающий и назойливый звон цепей, будто призывающий его куда-то вперед.

* * *

Возвратился в Григорьевку молодой плотник через год и осел там на работе, сделался своим деревенским парнем.

Ни ласковые уговоры матери, ни кулачные угрозы отца не свернули его своеволия, не оставили на «Семи лужках». Вспомнил парень свое прощание с родителями и друзьями.

— Любовь не картошка, не выбросишь за окошко...— сказал дружок Ванюша, усмехаясь и выказывая все козырные карты...

— И что вы, Кузьма Петрович и Агафья Филипповна, поперек дороги ему становитесь, пусть идет, все равно вернется, нигде не денется.

Отец нахмурился, будто не понял его слов, махнул рукой:

— Ладно, отчаливай, враг с тобой, да денег у меня больше не выматывай. Нынче гуляшки, да завтра гуляшки — находишься без рубашки. На ногах-то сапоги скрипят, а в горшке мухи кипят.

— Ну, замолол старый,— смахнула мать фартуком слезу. Весь в тебя пошел, такой же был баламут непутевый.

В деревне все уже знали Сергея, не трогали его, да и он никого не касался. Скоро своей общительностью и простотой он понравился старожилам, а когда проходил по деревне, старики подшучивали:

— Ох Сергунька, тебя больно уж девки любят, когда идешь, они все двери на крючки закрывают.

— Вот любовь, так любовь, как у собаки с палкой...— отшучивался он прибауткой.

Летними вечерами после прогулок, Сергей провожал свою Уту до родительского дома.

По воскресеньям катались на лодке, заплывали на острова за смородиной и малиной. Возвращаясь, долго любовались с высокого яра одиноким красновато-оранжевым костром рыбака в мягкой черной тишине ночи, пахнувшей свежими ельцами. Запоздалыми вечерами останавливались у ворот крестового дома, шептали о любви, о будущем счастье.

Из-за реки доносился отдаленный, дремотный крик ночной птицы. Зашуршал во мраке пахнувший цветами ветерок и вдруг послышались на мгновение звуки страстных поцелуев. Эти невинные ласки могли бы продолжаться всю ночь, будоража и заставляя трепетать душу и тело. Потом они долгие дни сохранялись на губах щекочущим ароматом любви.

Тесовые ворота с большими полями навесов маячили в кофейном мраке ночи. Появился мохнатый пес и, виляя хвостом, принялся царапать калитку. Девушка подошла, впустила его во двор и ахнула, увидев измазанные ворота. Закрыв ладонями лицо, она зарыдала.

— Что мне теперь будет, что мне будет теперь!

Сергей, вздрогнув, подошел к воротам, присмотрелся. Пахнуло свежим березовым дегтем. Широкие черные полосы зигзагами въелись в засеревший тес, жирные капли пробороздили подворотню.

Парень знал, что значит вымазанные дегтем ворота: за неудачу в любви, в домогательствах парни нередко в ожесточенной злобе мстили, стремились крепко досадить, пустить злодучую молву. Вымазав ворота, они позорили и отца с матерью перед сельчанами. Такую дочь, часто совсем и невинную, никто не хотел брать замуж и только одни вдовцы приходили свататься бесцеремонно.

Сергей ясно себе представил, что будет завтра. Домовитому мужику Кузнецову устроят постыдное судилище, опозорят на весь округ за его ненаглядное чадо. Долго придется скоблить по дереву, замывать ворота, но следы бесчестья, как рябины от оспы, все равно останутся надолго.

«Отец завтра будет ее так пороть, что будьте здоровы...— мелькали мысли у парня.— И мать и родня ее — все отмахнутся и долго будут над ней издеваться, как калеными иголками тыкать и корить. А сделал все это, конечно, злоехидный Васька Ильин».

— Ладно, тихо! Иди спать, да помалкивай только. Я что-нибудь соображу.

Захотелось Сергею оправдать невинную девушку. Пришел домой, Татьяна Родионовна открыла дверь, зажгла керосиновую лампу.

— Бабонька, я сегодня, наверно, на предамбарье лягу спать-то, а то жарко в избе, да и душновато.

Старушке давно по нраву пришелся ласковый парень. Второй раз она принимала его на квартиру и отводила уголок. Он отдавал ей почти все заработанные деньжонки, и она его, как родная мать, поила и кормила.

— Ну с богом, Сергушенька, иди сначала молочка попей, да и на покой.

Парень взял потничок с подушкой и полушубок, ушел во двор и лег под навес у амбара.

Только скорее бы ты, бабушка, уснула,— думал он.

Хозяйка избы, выспавшись с вечера, не торопилась укладываться. Она еще вышла попроведать и убедиться дома ли «малый-то». Подошла к Сергею, постояла, прислушалась к легкому похрапыванию и, укрыв его ноги одеялом, тихонько удалилась. Парень, прищулив глаза, подсматривал и прислушивался. Было тихо, только жук-короед въедливо скрипел в сырых дровах, да в саженной крапиве огорода кто-то изредка покрякивал. Перебросились в переключке первые полуночные пелухи.

Теперь, наверно, бабонька моя не придет.

Он вытащил лагушок с дегтем, помазок и крадась воровской ухваткой, скользнул по улице. От усадьбы Кузнецова начал ходить от дома к дому и направо и налево зигзагами мазать ворота. Особенно старался все перемазать вдовцам и вдовам. Остались на этой улице невымазанными только одни ворота. Подошел к ним Сергей, постоял, подумал и решил:

— Если я их не вымажу, тогда меня, пожалуй, будут обвинять, подозрение сразу ко мне прилипнет. Эх, бабуся, жалко мне тебя, но зато ворота покрепче будут.

И разделал их квартирант лучше некуда и этим спутал все карты и все следы.

Рано утром вскочил Сергей и без завтрака зашагал к своему приятелю-кузнецу топор заправить. Против дома подруги Сергея, посреди улицы, остановились две соседки и через дорогу честили друг друга:

— Что, видела? Вот твоя дочка непутевая добежала до чего!

— А ты сама такая, на моих-то не показывай, ты вот сама у себя погляди...

Обе глянули вдоль по улице и увидев, что у всех «добегались», успокоились и без скандала разошлись.

В обед староста с писарем созвали народ, пригласили Сергея на сборную и на улице у канцелярии при всех спросили:

— Твоя работа? Только ты у нас в деревне можешь придумать такие пакости.

— Откуда это видно?— отговаривался Сергей,— разве я измазан дегтем? А у нас с бабушкой тоже ворота вымазали. Если не верите—посмотрите.

— А ну-ка, Васька, вылезай сюда на расправу и выкладывай все подобру-поздорову, откуда ты дознался, что этот озорник замутил нашу воду?

Староста поправил продолговатые очки в бронзовой оправе, пригладил под кружок подстриженные волосы, с прямым пробором и, с хитрецей прищуриваясь, стал пушить свою длинную сивую бороду. От неожиданности Ильин, испугавшись, вышел вперед и дрожащими губами, заикаясь, пробормотал:

— Да я так, дяденька староста, нарочно сказанул-то, подумалось, что он. У приезжих парней он главарь, девок наших отбивает и на кулаках побивает нас...

— Мало вас колотят,— крикнули из толпы.

— Экий ты пустобрех, право, хунхуз вонючий. Вот портки с тебя содрать, да крапивой нажарить, а потом в каталажку.

— Это он по злу наговаривает. Сам, наверное, и перемазал все—петухом заголосил маленький мужичок, сельский писарь с дряблым морщинистым лицом.

Семен Кузнецов — знатный мужик, причесал пятерней черную бородищу, шевельнул косматыми бровями и дал о себе знать крутым басом:

— Ладно, давайте-ка граждане, предложение делать: вызовем нашу родственницу Яхонтову, она авторитетная у нас, не соврет, спросим — где ее квартирант ночью был, как да чего и все прочее. Все согласились, и вскоре старушка с испугом в глазах явилась на сходку.

— Ну, Родионовна, говори обществу всю правду, как у баюшки на исповеди, где сегодня ночью был твой нахлебник?— торжественно объявил староста, важно покрякивая.— Нам так думается, что всю срамоту на воротах он сотворил.

Старушка развела руками:

— Что вы, что вы, да он еще засветло пришел домой-то, попил парного молочка, покушал и лег спать. Лишнее говорить — себе навредить. Сперва рассуди, а потом осуди.

— Это она, старый человек, видно правду молвит,— пробасил дядя Семен. На том все и закончилось.

* * *

Как таежный пожар в знойный ветер захлестал ярким пламенем, вырываясь из незатушенного костра, сжигая все

на своем пути, так и девичья любовь у красавицы Уты запылала и властно охватила ее всю. Она верила, что поступок Сергея преисполнен храбрости и благородства и что сама судьба ей на счастье послала его сюда.

Дни за днями, нечезало время, как плоты удаляются на быстрой реке. Созрело и уплыло лето, отлетела с бронзой листьев осень. Белым заячьим пухом накрыла зима перевалы и реки. Похрустывал сахаром, приглаживался саними и катанками глубокий снег.

Приходил вечерами с работы молодой плотник, а бабушка настойчиво твердила свое:

— Женись ты, женись, девка-то больно славная.

— Вы, Татьяна Родионовна, прямо надоели со своими наставлениями, как сера горячая прилипли, каждый день одно да потому.

— Хорошая пара — гусь да гагара. Славная парочка, как баран да ярочка.

— Я еще не очень-то хочу жениться, рановато, не пришли еще года, да и в солдаты на эту зиму забреют.

— Всякая невеста для своего жениха — место, кому невеста годится, для того и родится.

— Не отдадут. У меня, кроме рук и топора, ничего нет. А у нее отец-то богатый мужик. Не отдаст он за меня свою дочь.

— А я схожу посватаю. Без свахи — девке не заневеститься. Сваха лукавая — змея семиглавая. Сватают, так и хвастают. Лучше свахи никто не соврет, — рассмеялась, раскудахталась бабушка.

— Ну, ладно, иди посватай.

Будто опомнившись, Сергей вздрогнул от своих слов и почувствовал какое-то облегчение, радостное теплое волнение и вместе с тем непонятную тревогу за возможную неудачу. Но бабушка, этот одуванчик — божий цветок, какой-то родней приходится Кузнецовым, может быть, и в самом деле замолвит за него словечко, — подумалось ему.

Пришла бабушка Яхонтова в большой дом, перекрестилась на иконы в просторной комнате и поклонилась низко, улыбнулась, увидев в горнице невесту.

— Хозяину со хозяйской доброго здоровьица. Как поживаете — можете?

— Живем — хлеб жуем, что дальше будет — бог ведает. Раздевайся, проходи в передний угол, знатным гостем будешь, Татьяна Родионовна. Давненько не навещала ты нас. — Хозяин, раздваивая черную бороду, приглаживал кудрявые волосы. Широкая синяя рубаха его свисала с могучих плеч на черненные овчинные шаровары, заправленные в катанки с отворотами.

— Где блины, там и мы. Где с маслом каша, там и место наше. Посижу-ка я под матицей.— И села бабушка на приставную скамейку под потолочной балкой.

— Кто под матицу сел, тот и сват,— засмеялся хозяин.

— Мы под матицей сживали, от людей спасибо слыхивали.

— Да полно-те, Татьяна Родионовна, уж не в самом ли деле ты к нам сватать пришла?

— Угадал, Семен Карпеевич, угадал, как в воду глянул. Сватать по-настоящему пришла. Свахе первая чарка и первая палка.

— Хорошо сказано. Ты, у нас, как говорится в народе,— ласкобай. Интересно бы знать, за кого так усердно старания прикладываешь?

— Отдай, Семен Карпеевич свою дочку Устинью за мово малого, за квартиранта Сергея. Нет лучше и краше на белом свете, чем он.

Дядя Семен изменился в лице, насупился, подсел к столу в передний угол.

Ута, услышав разговор из другой комнаты, от волнения не могла придти в себя. Сидя за столиком перед зеркалом, она судорожно ловила каждое слово, искоса посматривая на дверь, перебирая непослушными руками туалетные безделушки. Птицей летели мысли в ее пылающей голове. Она подумала, что старания ее и подруг не пропали даром. Усердные молитвы дошли до бога, а гадания и наговоры присушили парня, и вот счастье стучит в ее дом. Радость и страх смешивались воедино, Ута не замечала слез, катившихся по ее лицу.

Из кухни доносилось шипение блинов на сковородке и вкусный чад от масла приятно щекотал в носу. Еще крепкая и приветливая хозяйка дома, в цветастом переднике тоже чутко прислушивалась к говорившим, но не смела вступить в разговор главы семьи. Раскрасневшаяся, она вышла из-за русской печи, прошла через большую столовую и закрыла в горнице дверь. Хозяин исподлобья глянул на дверь горницы, распорядился:

— Устя, хватит тебе вышивать, иди-ка скоту сенца подбрось. Да на одной ноге повернись, живо!

Девушка, поклонившись старушке, вышла во двор. Семен в раздумье чуть слышно бурчал себе под нос.

— Верно, Родионовна, ты промолвила, что хорошо, то хорошо. Парень во всем молодец, соображением и фигурой не подкачал. Перебродит — доброе вино будет. Зять был бы хоть куда и желать лучшего не надо.

— Так чего же тут калякать? Надо свадьбу играть! — встрепенулась бабушка в радости.

— Да ты что, белены объелась?— рыкнул зычно дядя Семен. Молода еще, хлебом-солью отца-мать не объела.

— Ешь с голоду, а люби смолоду. У вас товар, у нас купец.

— Не по купцу товар, не по товару купец.

— Много женихов разбирать, так век и замужем не бывать. Я хочу вам только счастья и радости, и немудрено прихожусь тебе, Семен, троюродной теткой.

— Хоть пятиюродной. Вот тебе мой последний сказ: мы своих дочерей за бездомников, да за голых, да за нищих не выдаем!

— А это разве у тебя не дом?

— За чужим добром не гоняйся с багром.

— Да ведь тебе, Семен, эта постройка от отца за один огляд досталась. Все вы, богатеи, таковы, корыстью подавитесь. По-твоему пусть зять замухрышка — придурок и дочерью не обожаем, но чтобы он имел состояние и жеребца, важничая, с шиком бы катался в тарантасе. За человека отдаешь дочь-то...

— За твоего жениха нет нашего родительского благословения. Мы скоро свадьбу с другим сыграем.

— Злодей ты, Семен, ведь они любят друг друга. Невинную душу, своего дитя, загубить хочешь, разбойник с большой дороги!

Дядя Семен подскочил, как ужаленный, трахнул кулаком по столу. Зазвенела и полетела посуда. Белый кот испуганно выскочил из-под лавки и пулей вылетел за дверь.

— Вот тебе бог, вот тебе и порог!

Бабушка спокойно встала, подняла голову на иконы, перекрестилась.

— Великий ты грешник, дьявол с рогами. Покарает тебя создатель всевышний и будешь в аду в смоле вариться, и никто тебе не подаст руки в вечных мучениях.

* * *

Пришла старушка домой и без утайки все рассказала.

— Ты был прав, не отдают они свою дочку за тебя. Разве богачи согласятся за бедного человека-то выдать, да еще и бездомника.

— Вот видите, бабушка, я же говорил вам.

— И еще сказал ее отец, что-де скоро свадьба у них с другим заводится.

— Так и сказал?

— Так.

— Ах, так!— закипел Сергей.— Хорошо, Татьяна Родио-

новна, теперь я сам себе устрою свадьбу. Уж я на диво миру всему с колокольчиками сыграю развеселое венчание!..

— Постой, не тарахти, парнище, я научу тебя уму-разуму... Погорячишься, поспешишь и людей насмешишь. Бабушка степенно и тихо говорила ему что надо делать дальше. Вечером он вышел из дому и встретил Уту, страдая, посмотрел в ее заплаканные глаза.

— Знаешь что, Ута, сегодня в полночь приходи с узелком к мосту, там будет стоять пара лошадей, и мы оттуда с тобой уедем...

— Куда? В глазах девушки разом вспыхнули испуг и радость.

— Поедем в Минусинск.

— Сереженька, любимый мой, разве можно так делать? Из глаз ее хлынули безудержные слезы и рыдания заклокотали в груди.— Да разве можно от своих родителей убогом замуж.

— Ты все знаешь, мне ничего не остается другого. Не бывать тому, чтобы ты другому досталась.

— Надо тятеньку с маменькой по-хорошему умолить, а может и сжалятся.

— Ничего не выйдет, не получится. Это всем известно. И никаких разговоров ни о тятеньке, ни о маменьке, поедем и будем жить вместе.

— Ох, что я наделаю тогда с ними, если сбегу. Давай пождем хоть немножечко да подумаем. Ой, страшно становится моей головушке, на погибель меня зовешь.

— Видно так суждено нам. Счастье придется взять самим. А если не придешь, не поедешь — смотри, на себя пеняй, а то я могу и себя и тебя решить...

Вот так и сложилась их первая, неповторимо горькая любовь. И как только закричали первые полуночные петухи, она с узелком пришла и бросилась в объятия Сергея. Завернул ее жених в теплую доху и бережно посадил в кошку.

Выездная пара резвых лихачей стояла у моста, фыркая и озираясь. Высокий коренной буланой масти жеребец с длинным хвостом поводил ушами, предчувствуя бег. Чалая пристяжная, с завязанным в узел хвостом, копытила на дороге снег. Добротная сбруя облежала их сытые торсы. Ременные перекиды через седелки, с насаженными медными бляхами свисали кистями со шлеи. В дубленой шубе, подпоясанный синим кушаком, подряженный кучер, удалой бородатый братец бабушки, сидел на козлах в передке. Круто повернувшись назад, он озорно улыбнулся, подмигнул блестящим глазом жениху и завистливо кивнув головой на невесту, натянул ременные вожжи.

— Н-но, милые, трогай! Махайте версты, сослужите не в последний раз службу верную. Эх, еще не укатали, видно. Сивку крутые горки!— похлопал он себя рукавицей, давая понять, что он тоже не лыком шит и кое на что еще способен.

В морозном воздухе дохнуло запашистым хмелем пенистой бражки. Пристяжная, дугой заломив шею, рванулась вместе с иноходцем и кошевка понеслась. Никакие погони не настигнут и не остановят их. Только ветер да птицы могли тягаться с убегающими. Снежная пыль на миг засеребрилась у дороги, глухо донесся торопливый топот копыт, и все исчезло в дымке ночи.

* * *

Говорливой сорокой облетела округу молва о девице-красавице и лихом молодом плотнике. Так бывало издревле заведено. Проскочит медовый месяц и молодые вернутся на примирение. Родители поломаются, да и махнут рукой, и все закончится, как положено в старомодном обряде, бочонками пенистой браги и залихватскими кадрилиями.

В народе поползли слухи, что у бабушки Яхонтовой проживают вторую неделю молодые Сергей и Ута. Говорили бабы, что они уже дважды ходили к отцу-матери невесты, стоят на улице у калитки и уходят ни с чем — не принимают, даже ворота заложены наглухо. Но родня добродушно посмеивалась, знали, что отец хитрит. Все с нетерпением ждали того дня, когда дядя Семен сдастся в своей «крепости» и можно будет поздравить молодых и так гульнуть, что небу станет жарко.

Молодые отсиживались в избе у бабушки Татьяны. Хитроватая теща через старушку тайком надавала для них муки, сала и всякой всячины. Живи—не тужи.

— Пойдем к тятеньке и маменьке, низко в ноги поклонимся, да будем просить прощения,— говорила Ута.

— Я больше не пойду,— спокойно отвечал Сергей,— ходили же — не открывают двери. Лебезить курам на смех не буду, не в характере.

Прошла еще неделя. Родители Уты сами стали понемногу намекать и заискивать перед Родионовной.

— Вот, что, Сергунька, упросили мы тещя-батюшку и тещю-матушку, чтобы завтра, в воскресенье, в обед пойти к ним на мировую. Как говорится, тесть любит честь, зять любит взять, а шурин глаза шурит.

Расхохотался парень до слез над всеми обрядами, чудачествами и согласился пойти.

— На колени не стану, не ждите и ноги целовать не буду. Ну, а если ты упадешь на колени, так и останешься, а я уйду,— сказал он Уте.

Пришли в родительский дом и как не бодрились и не улыбались, а поджилки подрагивали и дыхание спирало... Но в торжественные минуты покаяния не побоялась, не упала вниз лицом невеста, не подвела жениха. Извинился Сергей, опустив глаза, попросил прощения у родителей, что мол-де получилось как-то нехорошо. Низко поклонились молодые, расцеловались с отцом-матерью. Из горницы вышли гости—родня, пожали крепко руки.

Черной кошкой проскочила едкая досада к тестю под рубаху. Пунцовым сидел хозяин, не увидев у ног своих валяющихся молодых, но виду не подал, сдержал себя.

Гости сели за большой стол, накрытый белоснежными скатертями, заставленный всякими закусками. Ярко раскрашенные деревянные чашки скоро запенились медовухой. Но тесть что-то медлил стукнуться чарками с напутствием— «за мировую!». Захмелели, языки развязались, потели над жареными гусями, рыбными пирогами и всякой всячиной. Тесть неласково глянул на зятя, отер усы.

— Старички поговаривали: рад нищий и тому, что сшили новую суму. Не поняли сразу гости, куда гнет хозяин. Но сметливая Родионовна, догадавшись, увещевала:— Ох, Семен Карпеевич, все может случиться, и богатый к бедному стучится. Образуется, у тебя болячка-ехидна на языке прилипла...

Сергей захмелел и всем улыбался прищуренными глазами, поглядывая то на рядом сидящую Уту, то на расфуфыренную тещу. Хозяйка подкладывала угощения, любовалась зятем и кажется больше всех была в него влюблена. Это заметила даже невеста и, одергивая мать, застеснялась, неловко себя чувствуя перед родней. Жених усердно обглаживая куриную гузку, думал, как он поедет с невестой к венцу. Ему представилась настоящая свадьба, какие он видел у богатых крестьян.

По обычаю, как только заканчивалось примирение, начиналась горячая подготовка к свадьбе. После Рождества, в период мясоеда, игрались разудалые свадьбы.

... После венчания в церкви, еще несколько дней продолжается гуляние. За столом сидят захмелевшие гости. Кругом шум и веселье. Девицы-подруги, не жалея голосов, заводят свадебные величальные песни. В доме и во дворе полным-полно народу. Ребятишки заглядывают в окна. Все в доме пьют и едят без меры. Музыканты играют без отдыха. Плясуны не отстают.

— Горько!— кричат и смеются, облизываясь, свадебные бояре.

— Вино кисло, не пьется, подсластить надо!

— Горька-а-а! — шумят сыплыми голосами гости, поднимая чашки с вином, требуя исполнения древнего обряда. И губы жениха нежно касаются губ невесты...

...Сергей качнулся назад, оторвался от сладких грез и желаний, засмеялся, увидев за столом все те же лица и хмельное воображение испарилось, как исчезает мираж в пустыне. Он потянулся к невесте, нежно прикоснулся губами к ее щеке.

Хлебнули еще по рюмке водки из казенной монополки, закачались на стульях. Но хозяин не шатался, его и ковшом не сломать, все не унимался и злословил.

— Пусти черта в дом, так не вышибешь его и лбом.

Пьяные гости шумели и смеялись за столом, но поняли, что неладное что-то плетет хозяин, насторожились, пытались осадить его. Но, кажется, было уже поздно, молодой зять понял эти намеки и, вспыхнув, отпрянул от стола.

Тесть замотал головой и легонько стукнув по столу, поднялся и посмотрел на Сергея. Все взволнованно насторожились.

— Тесть за зятя давал рубль, а после давал и полтора, чтобы свели его со двора! — расхохотался хозяин, ухватившись за живот.

— Это к чему? — вскочил Сергей.

— Да все к тому. Ты должен слушаться и не моги, мерзавец, перечить мне. Не оговаривайся, я хозяин дома и ты должен подчиняться. Украл у меня дочь, шарамыжник, кланяйся в ноги, покорись!

Засверкал Сергей покрасневшими глазами, жгучая обида опалила сердце и, схватившись за скатерть рванул ее, все зазвенело и полетело. Стол приподнялся в воздухе и грохнулся на пол. Гости в страхе с визгом и криком разбежались по сторонам.

— Держите его, вяжите!

Выскочив из дома, раздетый жених по морозу бежал к бабушкиной избе. Следом пришла невеста, принесла полушубок с шапкой. Отрезвевшие молодые сидели грустные и сговаривались.

— Уйдем отсюда к моим родителям в Саяны. Я буду плотничать на дороге, а ты по домашнему хозяйству помогать.

— Ой, что ты Сереженька, да разве можно не обвенчанной совсем из родительского дома уходить и для посмешища людям на глаза показываться? И так уж много приняли горя.

— Семь бед — один ответ.

— А ты не уходи, не бросай меня, поживи здесь. Все перемелется, тятенька с маменькой простят нам за все и свадьбу сыграем как у всех людей.

— Нет, оставаться здесь я больше не могу. Узнают все,

начнут зубы мыть. Да и делать тут нечего, работа кончилась. Пойдем со мной, куда глаза глядят.

— Куда же я пойду с тобой, незаконная и кольцами не обрученная? И жить-то в тайге негде, в балаганах, да в бараках на общих нарах валяться дело непривычное. Лучше мне здесь побыть и тебе незачем туда идти, как-нибудь проживем, проаемяся.

— Ладно, оставайся в Григорьевке, а я подамся один, а там — дело покажет. Ходить буду к тебе каждое воскресенье, тут не так далеко, а сильно скучно тебе станет — приезжай, попроведаешь. Заработаю денег и снова будем вместе, а там и повенчаемся. Да не забывай меня!

— Ой, Сереженька, милый, да разве я могу позабыть тебя. Никогда не забуду!

— Передай своим папаше и мамаше мои пребольшие извинения за то, что у нас как-то неловко и нехорошо получилось. Жизнь такая на свете идет неудобная, такова видно наша судьба... Перед ликом святых на потемневших от времени иконах они перекрестились и торжественно побожились, что никогда не забудут друг друга и навсегда сохранят любовь.

К вечеру в дубленом полушубке, с котомкой через плечо и с топором за опояской, не оглядываясь, в глубоком раздумье быстро шагал Сергей из Григорьевки к Саянам, по новой колесной дороге, под катанками поскрипывал снег. Измученные глаза его печально смотрели на мир и, кажется, начинали понимать, чем пахнет жизнь.

Кто знает, куда заведет его эта дорога и что судьба изготовит ему впереди? Кто скажет, к чему он приложит руки свои и где найдет свое место в жизни?

Поднялся на горку, оглянулся. Быть может навсегда он уходит, не вернется никогда, быть может больше не придется встретиться с полюбившимися людьми.

Охваченный волнением, он страдал, слезы готовы были вырваться и залить его горе. Перед его глазами вновь и вновь возникала картина сердечного прощания с самыми близкими ему людьми. Далеко за деревню провожала его Ута. Незабываемым в памяти парня останется образ всегда доброй, много пострадавшей бабушки, с грустной улыбкой протягивающей узловатую натруженную руку для прощания. На худощавое морщинистое ее лицо спускались из-под шали обеленные сединами волосы. Она не плакала. Выцветшие глаза ее выражали глубокую скорбь. Ее потертая шуба-борчатка быстро заиндевелила на морозе. Она молча стояла, глубоко огорченная, бессильная помочь чем-либо ему и Уте. Когда Сергей был уже

далеко, Родионовна последний раз медленно помахала ему белым платком.

В Саянах, в это время, на оранжево-облачном горизонте заметались свирепые вихри. Над пихтовой тайгой лихая пурга занграла тревожную волчью симфонию, загремела литаврами по утесам и ущельям на снежных обвалах. На далеких таскылах — заоблачных скалах, как будто маячили уродливые тени грозных великанов в отблесках зелено-лунного костра заката. А в низовьях, в подтаежке, в это время все живое зябко ежилось, прошитое острыми иглами хнуса.

Штормовым морем тяжеловесно раскачивалось и вулканическим клубилось над дебрями грозное дыхание природы.

Уходил молодой плотник туда, где через скалы и реки, через снежные вершины и тайгу прокладывалась на века далекая дорога в Туву.

Михаил ПАХОМОВ

СУРАС¹

(Рассказ)

С пригорка над руслом горной речки, где стояли юрты кочевников, к степному морю Убса-Нур быстро шел молодой арат. Одет он был в летний халат, перетянутый в талии красной широкой опояской, на ногах—юфтовые сапоги, бритая голова ничем не покрыта, но из-под опояски высунулись уши шапки, сшитой из мерлушки (хозяин прихватил треух на всякий случай: вдруг погода испортится). В руках он держал ремennую уздечку с набором бронзовых бляшек и колец. Молодо перепрыгивая через ямки и кочки, весело напевал и любовался дивной картиной: перед ним было море! В его безмятежной синеве, как в зеркале, отражались ярко-красные облака: из-за бескрайних зарослей кустарника, где течет многоводная Тес, громадным шаром величаво выкатывалось разряженное солнце.

На рыхлых ледяных припаях, среди камышей и плавно колышавшейся зеркальной глади моря неугомонно суетились бесчисленные стаи птиц, только что прилетевших с далекого юга. В молчаливом просторе нестройным хором гоготали гуси, величаво крикали утки, тоскующе горланили журавли, в небе слышался лебединый стон.

Арат, любуясь красотами моря, нет-нет да и оглядывался по сторонам, он искал лошадь, отпущенную пастись с прошлого вечера. В сизую дымку, окружая море, куталась степь, убегающая в сторону Монголии. Еле заметно виднелись юрты монгольских кочевников. Всматриваясь в степь, он увидел, что среди кустов караганника в сторону Танну-Ольских гор торопливо двигались два мальчугана, а может быть де-

¹ Сурас — незаконнорожденный ребенок.

вочки — не разберешь, далеко. То, что это не взрослые, а именно дети, он был убежден: двигались неровно — то бежали, то останавливались и беспокойно оглядывались назад, по сторонам: или боялись кого-то, или что-то искали, но ясно одно — спешили; попеременно несли какой-то сверток.

Арат сделал вид, что не заметил ребятшек и скрылся в овраге, затем, крадучись, приблизился к ним. Ему захотелось узнать, в чем дело? Пограничная полоса, такая рань, и вдруг — дети!

От монгольских юрт было далеко. Видно, малыши вышли еще до рассвета. Но не близкое расстояние отделяло их и от аала, где жил он и его соседи. Подкравшись к детям, арат понял: перед ним были мальчики — с макушек их бритых голов свисали косы. Из свертка, который они несли, слышался надрывный плач крохотного ребенка...

В колхозном поселке Чира-Бажи под шиферной крышей стоит деревянный пятистенник. Перед домом в палисаднике растут молодые тополи, кустарники, разбита цветочная клумба. Из окон выглядывают тюлевые шторы. С высоких столбов, шагающих вдоль улицы, в стену дома воткнулись две пары проводов: электрический и радио.

В доме уютно, чисто, чувствуется не только достаток, но и рачительность хозяйки. Белолицая, с орлиным профилем, черными, как смоль, дугами бровей и строгими глазами, она выглядит двадцатилетней девушкой. Но, оказывается, у нее уже трое детей. Старший из них, Олег, учится в девятом классе.

В горнице, с книжкой в руках сидел старший в доме, Ооржак Лопсан. Говорили, что ему уже за шестьдесят, хотя выглядел он намного моложе: морщины густо иссекали только лоб да густые волосы были пересыпаны сединой, а в глазах блестел огонек озорства; когда разговаривал, поблескивали крепкие зубы.

Лопсан женил двух сыновей и старшего отделил, отдал за муж дочь. Недавно умерла его старуха, похоронил. Остался жить у второго сына и невестки. Помогает им кое в чем по хозяйству. Когда разохотится, — и на колхозную работу выйдет. Руки у него золотые: он и столяр, и кузнец, и мастер художественной резьбы по дереву. Это его статуэтки на выставке в Кызыле.

— Проходите, пожалуйста, — приглашает хозяйка и подставляет мне стул. Усаживайтесь.

Минчеймаа ставит на плиту до блеска начищенный чайник. Вскоре он начинает посвистывать, выбрасывая из носка клубы пара ароматного душистого чая. Можно наслаждаться прекрасным напитком.

Дед, между тем, выходит на кухню, не торопясь закури-вает свою таволожковую с длинным чубуком трубку, садится к столу, и мы начинаем разговор. Вернее, старик, лаская на коленях трехлетнюю внучку, которая льнет к нему, как пчелка к цветку, рассказывает, а я слушаю.

— Живем мы хорошо, дарга,— спокойно и как-то возвышенно говорит он. Я поправляю:

— Да никакой я не дарга, просто знакомый ваш. Так и называйте: а то, «дарга».

— Ладно, дарга, товарищ, то есть. Так вот живем, говорю, не плохо. Все у нас есть: и хлеб, и мясо, и молоко. Деньжонки водятся. В магазине все можно купить. Полки от товаров ломятся—бери, чего хочешь. Что теперь не жить? Можно ли сравнить с тем, как было раньше, лет сорок-пятьдесят тому назад? Прозябали мы тогда, а не жили. Люди едва до сорока лет дотягивали, старились и умирали. А теперь можно и к сотне незаметно подкатиться,— старик смеется, карие глаза блестят.

— Колхоз у нас богатый. Сами знаете, в республиканских газетах его другим в пример ставят. И правильно! Чего у нас нет? Степи скотом, как муравьями, покрыты. Свой тракторы, комбайны имеем. Хлеб теперь выращивать— что в шахматы играть: голова бы работала, а руки не устанут. Машины все сделают. Мяса, молока, особенно шерсти наш колхоз производит много. Государству нынче продаем столько шерсти да мяса, что десять лет тому назад, пожалуй, весь район столько не продавал. Не зря же знамя обкома и Совета Министров держим! Колхозники живут справно. Говорить тут нечего. Вы сами видите: друг к другу в гости ходят. Вот мы недавно всей семьей из гостей приехали. Дня три пировали. Ведь ни с чем-то в гости не ездят! Мы даже за границу махнули — к монголам. Подарки кое-какие увезли.

— Как за границу?— недоумевал я.

— Разрешение выхлопотали. Нам не могли запретить, ведь у нас там родня! Уж десять лет как не были у них. Они-то нет-нет да и приедут: то заболит кто — в нашу больницу его везут, то кино посмотреть пропускают их, рядом живут. Хоть и граница, а как не пропустишь, свои люди, тоже социализм строят.

— Ну вот, значит, и мы поехали. Встретили они нас хорошо. Бараниной все время угощали, хан, араку варили. Живут они справно. Да только все еще в юртах маются. Кочуют, как и мы когда-то. Тяжело так-то жить. Но опять же привычка. У нас ведь тоже кое-кто никак не может привыкнуть по-новому жить. Другому построят хороший дом, а он рядом юрту поставит и живет в ней все лето. И юрта эта — тряхни и рас-

сыплется—истлела от старости, а не могут ее забыть. Но у нас мало уж таких-то.

— Вы простите меня, дарга. Ай-ай-ай, опять забыл: товарищ. Отвлекся я. Так вот, родня, значит, мы с одной семьей монголов. Невестка-то моя, Минчеймаа, мне хотя и дочерью считается, с кавая¹ мы ее воспитывать и растить начали, жена своей грудью кормила, а по крови-то она нам совсем чужая. Зато у монголов есть ее родная мать, кровные братья и сестры, да и отец был, а возможно и теперь еще жив. Об этом уж, должно быть, ее мать знает...

При этих словах старика Минчеймаа застеснялась и, схватив свою дочку, сидевшую на коленях деда, не сказав ни слова, вышла из дома. Старик лукаво улыбнулся, кивнув головой на невестку, и продолжал свою повесть.

— С тех пор, как породнились мы с монголами, прошло много лет. А случилось это вот как: недалеко от озера Убса — с запада от него стояли юрты монголов. Среди них была и юрта богача тех мест, Дугаржапа. Скота держал он очень много, торговлей занимался, выезжал в Ургу и даже в Китай. Так вот, в то время, говорят, уезжал он особенно надолго. Больше года не появлялся в своем аале. Что ему? Приказчики да пастухи хозяйством его занимались.

И случилось так, что перед возвращением Дугаржапа в его семье появился сурас. Жена-то, известно дело, боялась мужа. Ему, богачу, что—мог убить и все. И в нашей Туве феодалы так поступали. Она, эта несчастная женщина, и от соседей-то тоже скрывала, что ждет ребенка. Но куда денешься? Рассказывают, долго она ломала голову над тем, как поступить, и решила, видно, отвести беду от себя и ребенка спасти. Мать же. Жалко, хоть и сурас, а родное дите.

У нас, бедноты, и раньше о сурасе было свое мнение. В народе говорили: «Сурас? Управлять ему сумоном, потому что нет у него родни, и управлять он будет справедливо». Считалось, что подобрать и вырастить ребенка, если он даже и сурас,— счастье.

Уклонился я малость от дела, виноват, дарга, товарищ,— опять поправился Лопсан.— Дело было так, что решилась эта горемычная мать на такой шаг: отправить своих мальчишек—им было лет по восемь-девять, чтобы отнесли они малютку подальше от своего аала и поближе к нашим, тувинским юртам и незаметно оставили. Нельзя же было, рассудила она, бросить ребенка вблизи от юрт монголов-соседей, могут разболтать, а донесется до мужа, беды не миновать, тувинцы

¹ *Кавай* — кровать в виде лотка, в которой укладывали и привязывали ребенка на козий волос и сухой навоз.

же все-таки чужие люди и добрые среди них найдутся, чтобы спасти ребенка.

Ребятишки, известное дело, разревелись, когда мать приказала им отнести ребенка. Но она уговорила, обещала подарки, обманывала, что чужой это ребенок, страшала и все такое, рассказывали, было. И мальчишки согласились: как угорелые понесли с крошкой, завернутой в овчину, куда указала им мать — в степь, к хребту Танну-Ола. Мальчишкам, видно, было жаль сестренку: плакала она, и они плакали. Но суровый наказ матери был для них законом. И бежали они с девочкой в надежде оставить ее где-нибудь недалеко от чужих юрт, чтобы не погибла. Сильно торопились, чтобы не успели проснуться и увидеть соседи. Так приказала мать. Боялись они прөгневить ее, боялись и глубокого моря. Вспоминались им рассказы, что ночью в море купаются злые духи.

Было раннее утро, когда я увидел их. Испугались или обрадовались они тогда, как заметили, что слежу я за ними — понять было невозможно. Бросили сверток на землю и, как трусливые суслики, во всю прыть побежали в степь, к своим юртам.

Что мне было делать? Ребенок беспомощно бился в овчине, уже не плакал, а судорожно всхлипывал, глазенки закрыл, крохотное лицо посинело. Сердце мое защемило, слезы застлали глаза, но плакать не мог. Не раздумывая, схватил дите и прижал к груди. Посмотрел — мальчишки мчались все дальше и дальше в степь, останутся, посмотрят в мою сторону и опять бегут вдоль берега моря. А море словно почуяло недоброе и вместе со мной переживало, будто беспокоилось за судьбу ребенка, волновалось. До этого я видел в его глади гляделись красные облака, а тут оно вдруг потемнело, рябью подернулось, белыми барашками запрыгали его волны. Тысячи стай уток и гусей встревожились и, поднявшись с моря, торопливо ринулись в камыши. Тут я заметил, что солнце заволокли темные тучи. Холодом повеяло, над степью пыль завихрилась.

Взглянул на свою юрту и подумал: «Не перевернуло бы, шурган¹ большой идет, ребятишек перепугает. Трое их у нас, все мал мала меньше». Вспомнил и о малютке, что лежала у моей груди, и у меня вырвалось: «Не помешает и этот. Вырастим!» — и побежал к своему аалу.

Бегу, а шурган уже налетел, с ног валит, глаза, рот и нос песком забивает. Ребенок затих. Мне было страшно: вдруг мертвого принесу. Но развертывать овчину и смотреть нель-

¹ Шурган — буря.

зя: пыль и песок закрыли все вокруг. И сколько было сил побежал.

Старая юрта наша содрогалась от шургана, скрипела, по стояла. Когда я перешагнул порог, жена обрадовалась, но тут же растерялась:

— Чей это ребенок? Где ты взял его?— сыпала она вопросы.

Я же поскорее развернул овчину и когда убедился, что ребенок жив, передал его жене.

— Покорми,— говорю,— умирает с голоду, бедняжка.

Отложила она в сторону нашего Саина и дала грудь тому, кого я принес. А потом уж за меня взялась, спрашивает, как и что...

Солнце стояло в зените, когда мы со старым Лопсаном подошли к колхозному детскому саду. Крестовый деревянный дом под шиферной кровлей утопал в зелени. На густой зелени, за бортами песчаных дорожек, как нежные птицы, резвились дети. Черноголовые в белых и розовых платицах и рубашонках, быстрокрылыми мотыльками носились они вокруг своих нянь. Одни катались на трехколесных велосипедах, позванивая, другие перекидывали полосатые мячи, гонялись друг за другом, кричали, пели, что-то рассказывали.

В доме загредел колокольчик, и дети устремили туда свои взоры. На крыльце рядом с няней в белоснежном халате стояла Минчеймаа. Она трогательно улыбалась, разыскивая взглядом свою Таню. Это было нетрудно. В числе полусотни ребят для матери она всегда была приметна: кудрявая — в отца Саина.

Ребят сзывали обедать. На низеньких столиках, вокруг которых были расставлены крохотные табуретки, детей ждали манная каша с маслом, кипяченое молоко, яблоки.

В детской спальне с затемненными окнами особенно уютно: железные кровати с никелированными грядами застланы свежим бельем.

— За десять лет, как я работаю,— говорит Минчеймаа,— здесь жили сотни ребят, многие из них отсюда ушли прямо в школьные интернаты. Особенно те, у которых либо мать умерла, либо отца не оказалось,— с глубокой благодарностью взглянула она на старого Лопсана, и он понял ее.

— В нашей стране нет детей без отцов,— произнес Лопсан гордо.— Родился человек, и если около него есть настоящие люди, он не одинок, если даже и сура.

— Не может отец смотреть на детей равнодушно,— заметила Минчеймаа, пока старик сморкался, протирал лицо

платочком,— сюда в детсад заходит только по крайней необходимости и то непременно всплакнет.

Старик, справившись с волнением, крикнул и сказал:

— Растут детки, как цветочки в поле. Что им! Ну, вы, дарга... Фу ты, грех, опять забыл,— сконфузился он и продолжал,— вы, товарищ, тут, похоже, долго будете. Пойду я,— и не дождавшись ответа, вышел.

— Не знаю, как рос он сам,— заговорила Минчеймаа, когда старик ушел,— нерадостное, должно быть, было у него детство. Без матери, говорит, вырос. А вот уж нас растили они — свидетелей мне не надо: тяжело им пришлось. Было мне лет десять, когда в семье нашей впервые появилась корова да три козы — правительство у феодалов конфисковало скот и беднякам раздало. С тех пор мы и стали жить как люди. Но о детских яслях да о детсадике мы и понятия не имели. Вот уж когда начали учиться, тогда стало получше: в интернате жили за счет государства. Все выучились, а ведь нас четверо было у родителей. Без интерната разве бы мы учились? Кроме нас отец с матерью пятерых ребятешек похоронили.

— То ли дело теперь! Смотрите!— указала Минчеймаа на детей, укладывающихся в кровати на тихий час,— они разве так растут, как мы?!

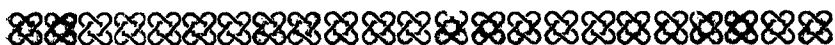
— Я, правда, о себе до замужества и не знала, что неродная отцу и матери, что я и не тувинка, а монголка, и что ко всему я еще и сурас!— улыбаясь, говорила Минчеймаа.— Воспитывали меня, как видите, не хуже, чем родную, среднее образование дали. Обижаться мне абсолютно не на что. А вот родителей жаль, тяжело им досталось. Мать, бедняга, еще и пятидесяти ей не было, а старухой выглядела и умерла. Отец, правда, здоровый. Шутит все, до ста, говорит, доживу — жениться буду.

Речь Минчеймаа прервал телефонный звонок. Она извинилась и, взяв телефонную трубку, ответила:

— Детсад, Минчеймаа. Слушаю вас, дарга. Во сколько? Вопросов много на бюро? Хорошо, приеду,— и положив трубку, распорядилась:

— Девушки, я пойду на заседание райкома. Вы тут смотрите, чтобы ужин был вовремя и точно по меню все было приготовлено. Салчак, ты за меня остаешься,— обратилась она к девушке с круглым, как яблоко, румяным лицом. Та молча кивнула, будто говоря: «Все будет хорошо, не беспокойтесь, товарищ заведующая».

Вскоре к детсаду подошла райкомовская «Победа». Минчеймаа, попрощавшись со мной, села рядом с шофером и прикрыла за собой дверцу...

Виктор ЧЕРНЯЕВ

«ПЛОТОГОНЫ»

(Путевой очерк)

Они выполняли свою работу просто, буднично. И что прежде всего бросается в глаза в их работе, так это именно удивительная обыденность, будто они делают что-то само собой разумеющееся, будто впереди не лежит путь длиной в двести тридцать пять километров, путь и трудный, и увлекательный, но небезопасный.

Стоял день и такой день, какие в верховьях Енисея могут быть только в июле: тишина, томительное молчание тайги, приглушенный и равнодушный шум реки. И над всем этим бездонное белесое небо, чуть заметные порывы ветерка и солнце. Его настолько много, что даже режет глаза, и кажется, что нет здесь такого места, куда бы оно не проникло. В тихой протоке, на берегу которой расположен сплоточный рейд Систиг-Хемского лесоучастка, вода прозрачна до синевы, и в ней четко вырисовывается отражение катера. Но вот зеркало протоки качнулось, под набежавшей волной, за кормой всплели ослепительно искристые буруны, буксирный трос натянулся как струна и плот медленно стал отчаливать от берега.

Все на своих местах: и капитан Юрий Кананихин, его помощник Анатолий Дзубенко и Иннокентий Бызов. Начался очередной обыкновенный рейс, один из тех, которые кызыльские речники совершают ежедневно. Катер вышел на середину реки. Ее фарватер здесь извилист и сложен, и маленький буксир лесоучастка пристроился сзади плота, чтобы сопроводить его до местечка «Ванькино».

Мимо плывут чистенькие умытые песчаные косы, серая отполированная галька, отшлифованные водой и выброшенные на пологие берега коряги и целые деревья. И повсюду зелень, изумительная в своей почти первозданной красоте. А Енисей

все несет и несет свои вечные воды, то весело играя и искрясь на перекатах, то тяжело, словно свинцовый, разливаясь вширь, то прорубая мрачноватые теснины. Лицо его постоянно меняется, но в одном он неизменен — в своем неповторимом величии, гордом и сильном...

Вот и «Сорок Енисеев», место, где река образует множество ответвлений, проток и рукавов. Куда направить плот? И хотя повсюду стоят речные знаки — красные и белые вехи, перевалочные знаки, доверять им полностью нельзя. Вчера здесь была центральная ось фарватера, а сегодня может быть намыта отмель. И только высокое мастерство, скорее всего напоминающее шестое чувство, помогает катерникам найти верную дорогу. И эту дорогу безошибочно находят такие, как Юрий Кананихин. Ему не более тридцати. Двенадцать из них он проплавал по Енисею, и речная школа принесла знание и опыт, без которых невысказана работа катерника, особенно здесь, в верховье Енисея.

Вот Килинская протока... Она стремительно надвигается на катер, тесная и извилистая, и прямо по ходу, на одной линии со стрежнем — серая отмель с застрявшей сосной. Начинается единоборство. Поток тянет тяжелый плот на отмель. Капитан то заставляет дизель работать на полных оборотах, то сбрасывает газ, и трос, то звеня, то на мгновение беспомощно окунаясь в воду, отводит плот от мели и берегов.

— Умница,— улыбаясь, похвалил Кананихин плот, как будто плот был живой и сам удачно прошел трудное место.

... Опять плесы, перекаты, коричневые в подтеках отвесные скалы. Глаза не оторвешь от этого жизнерадостного буйства природы. И лишь изредка, как тень, промелькнет и скроется за поворотом картина, вид которой нагоняет безотчетную грусть, как место когда-то обжитое людьми, а теперь почему-то покинутое. Таков и «Мерзлый яр» — высокий обрывистый берег, с обнаженными террасами скованной земли и пластинами серого скользкого льда.

Солнце размягчает землю, медленно, но верно, съедает овальные выступы льда, и в летние месяцы, днем и ночью, здесь слышатся глухие всплески обвалов. Рушится и верхний тонкий слой почвы, поросший стройными елями и веселыми березками. Вот крайняя из березок, приземистая и кудрявая, вздрогнув, качнулась и, прощально взмахнув ветвями, навсегда исчезла в мутном водовороте. Но жизнь и в природе торжествует над смертью, и невеселая картина скоро забудется...

На воду, на голые песчаные островки уже ложились длинные тени гор и деревьев, когда катер подходил к Севи — по-

селку животноводов, рыбаков и охотников. У причала уже стояли плоты Валерия Солдатова и Владимира Лавейкина.

По давно сложившейся традиции ночь катерники проводят именно здесь, в трех часах хода от знаменитого Хутинского порога. Ночуют потому, что во второй половине дня на пороге могут быть встречные катера, а еще потому, и это, видно, главное — у отдохнувшего за ночь капитана тверже рука и зорче глаз. А при переходе порога и то и другое крайне необходимо.

Короткий четырехчасовой сон прошел, как несколько минут. Тихая ночь отступала медленно и неохотно. На востоке уже щедро разлился розовый румянец, ущербная луна становилась бесполезной и на фоне светлеющего неба выходили из темноты знакомые вершины «Семи братьев», а внизу, под плотным пологом молочного тумана было еще сумрачно и по-осеннему холодно. Мотор солдатовского катера уже работал, заглушая остальные отдаленные шумы, и потому длинный плот и катер Лавейкина, который, разворачиваясь, медленно отходил от берега, казался в эти минуты каким-то гигантским сказочным существом. И это впечатление нереальности, какой-то абстрактности особенно усиливалось еще и серостью раннего утра и кажущейся бесшумностью движения. Так он и скрылся в расплывчатой дали, оставляя впечатление нереальности... Потом увел в туманную гладь Енисея свой катер и Юрий Кананихин. Спустя некоторое время вышел на середину реки и плот, который вел капитан Валерий Солдатов и его помощник Николай Шульмин. Севи медленно уходила назад, и хотя не видно было ни одного огонька, у берега рыбак вошел с лодочным мотором. Он на минутку оторвался от своего занятия и приветливо помахал нам рукой. И вдруг почему-то теплей стало на душе. Видимо, оттого, что даже в этот безлюдный час кто-то незнакомый приветствует нас и желает нам доброго пути...

И снова извилины реки, темные ели, похожие на шатры, веселые стайки берез и хлопья тумана, начинающего редеть. Прошли «Кругленькую», изумительно красивое, но небезопасное место. Приближались к «Балан-Ташу». Солнце уже вышло из-за гор и, прорвав туманное покрывало, золотило отвесные коричневые скалы, нависшие над рекой. С веселым писком носились стайки стрижей. Пенистый прибой словно притягивал к себе плот, грозясь рассыпать его. Но человек и здесь оказался сильнее стихии, ибо он уже научился бороться с нею. Не одно поколение прошло здесь суровую школу. Самый большой приток людей в верховья могучей сибирской реки начался еще в то время, когда закладывался город Кызыл. Стройкам требовалось большое количество древесины.

Практически неисчерпаемые запасы леса в этих местах, дешевый вид его транспортировки привлек внимание строителей. Но шли сюда только сильные, смелые люди. Названия многих мест, расположенных по Енисею, рассказывают о многолетней и упорной борьбе человека за освоение этого богатого, прекрасного, но сурового края. Взять хотя бы местечко Жарово, которое находится чуть выше Хутинского порога и к которому мы сейчас подходим. Оно носит имя первого, в этих местах, лоцмана, имя того, кто, рискуя жизнью, первым отважился провести плоты через Хутинский порог. К сожалению, старожилы Севи и первые жители Систиг-Хема очень мало знают о судьбе Жарова. Известно только, что пришел он к порогу в 1914 году. Это был необычайно смелый и сильный человек. Плотогоны с Севи, Систиг-Хема и с устья Хамсары подводили плоты к порогу. Жаров принимал плоты и, протрившись с людьми, укрепив на переднем ставе икону, отправлялся в рискованный путь. Спустив плоты с порога, он возвращался назад в свою низенькую избушку.

Зараженные отвагой Жарова, находились еще смельчаки. С годами последователей знаменитого лоцмана становилось все больше и больше. По всему верховью были известны лоцманы-плотогоны Гостюхин, Пыщев, Иван Дуганчи... Или Жаров остался не у дел, или старость взяла свое, но так или иначе лоцман исчез с берегов Большого Енисея. О дальнейшей судьбе первого покорителя Хутинского порога никто ничего определенного не знает.

А поток леса с верховьев Енисея все шел и шел... Борьба человека с природой продолжалась. Многие из этой борьбы выходили победителями. Но река требовала свою дань, и безжалостно брала ее. Но тот, кто стал этой данью, открыл дорогу другим, сделал то, что есть сейчас: за навигацию по этому пути сплавляют десятки тысяч кубометров ценной древесины.

Между тем приближался Хутинский порог—коварный враг плотогонов. С каждым метром течение становилось все стремительнее. Река, похожая на застывшую массу стекла, заметно пошла вниз. Еще и еще раз тщательно проверили моторы, долили масла, протянули в рубку веревочку от гака: в случае опасности дерни за нее — и буксирный трос освободится. Солдатов приказал одеть спасательные куртки, или «паникерки», как зовут их остряки.

Неожиданно вырывается сирена и замирает где-то в горах—порог совсем близок. Енисей здесь стиснут мрачными скалами, солнце светит сюда не более четырех часов в сутки и это усугубляет неприветливость картины. Какая-то гигантская сила сбросила сюда многотонные камни, теперь гладко

отшлифованные водой. И вот уже многие тысячелетия Енисей тщетно стремится убрать их со своего пути и все это время неистово ревет, вздымая серые косматые валы, высота которых в большую воду достигает двух с половиной метров. Микроскопическая водяная пыль медленно оседает на беснующие гребни, на прибрежные валуны.

Первый каскад брызг захлестнул и катер, и людей. Каждое движение экипажа, ведущего через кипящий порог тяжелый двухсотметровый состав, скупое, но точное. Воля собрана в комок, нервы напряжены до предела. Ошибки допускать нельзя, она может стать непоправимой. Секунда, другая и катер, вздыбившись, как бы застывает на мгновение на вершине вала и затем падает вниз, и это падение кажется бесконечным, и на сердце словно тает мятная конфета. И снова волна захлестывает нос катера, она врывается в рубку, обдает тяжелым холодом лицо Солдатова. Снова выбрасывает, как игрушечный, катер наверх, снова увлекает вниз. И в эти-то минуты капитан и его помощник должны держать точный курс, следить за ходом плота. А он уже вошел в порог. Головной став его нырнул вниз, взметнулся на вал и весь плот напоминал огромную гармошку с сильно растянутыми мехами. И все-таки в какой-то момент было произвольно допущено малейшее отклонение от курса, и левую сторону головного става потянуло на валуны. Казалось, еще минута, доли минуты и плот при ударе, не выдержав собственного веса и чудовищного напора воды, рассыплется, как спички. Был момент, когда рука, помимо воли, потянулась к веревке гака, чтобы освободиться от опасного груза. И спасти плот можно было только как-то оттянув его от берега, хоть чуть-чуть сбив с курса, по которому он шел. А сделать это на пляшущих волнах трудно, нечеловечески трудно, и эта трудность усложнялась еще и тем, что в распоряжении Солдатова и Шульмина были считанные минуты. И все-таки разум, воля людей победили. Плот вышвырнуло к «Подпорожице», стремительно пронесло мимо «Кичеева камня»... Еще одна победа. Спало нервное напряжение, а на смену ему пришло облегчение, похожее на временную слабость, знакомую тем, кто лицом к лицу встречался с опасностью.

Вытерли мокрые лица, с наслаждением закурили. Спокойно стали анализировать переход. Опять пришло солнце, опять весело искрились буруны и перекаты, опять тайга была объята жаркой томительной дремой. Незаметно прошли Оджу, Большие и Малые Бусы, Маралью шею... Река дышала ласковой свежестью. И в эти минуты каждый был убежден, что нет лучше и романтичнее дела, чем водить плоты по Енисею.

Могучие хозяева чудес!
Вы победили. Ваша слава здесь!—
Растут хлеба!

ОСЕНЬ

Устало солнце. Тонет в облаках,
Никак не может их пробить лучами.
Похолодела строгая река.
Леса раздеты — будто отощали.

Седой кочевник — медленный туман —
Бредет, будто козел, теряя ключья.
Еще не скоро к нам придет зима,
Но ледяным дыханьем тянет ночью.

И все же нет причины, чтоб грустить!
Горячая пора. Кипит работа.
Сейчас нельзя ни часа упустить —
Скорей, скорей покончить с обмолотом!

Гудит мотор. Все думы—об одном.
Видна в работе сила и сноровка.
И вот — летят грузовики с зерном.
Растут стога. И не страшна зимовка¹

А в старину, чуть осенью дохнет,
Кочевник в небо глянет и вздохнет:
«Опять спешит к нам холод,
страшный холод,
А с ним и гололед, и джут¹, и голод...»

ЛИМБИ ²

В дни, когда на ветках
лопаются почки,
И на свежих травах
воздух наш настоен,
В дни, когда проклюнулись
клейкие листочки,

¹ Джут — падеж скота от бескормицы в гололед.

² Лимби — музыкальный инструмент.

Лимби, даже старый
похвалы достоин.
Он лежал заброшенный,
он лежал безмолвный,
В пестром одеянии
из коры смородины.
А пришла весна —
запел, любовью полный,
Прославляя счастье
и цветенье родины.

УДАЛАЯ

На стремяни нога —
рукой седла не трону!
Как легкий харгыга¹
в седло мое взлечу.
Я силой окрылен —
и вот лечу по склону.
В просторы я влюблен —
без устали скачу.

Со мною вдаль бегут
луна и буйный ветер.
Навстречу мне бегут
потоки и хребты.
Мой путь — как Млечный путь —
безоблачен и светел.
Мне некогда соснуть —
подъемы так круты.

Но если б захотел
прервать полет орлиный
И посреди долины
немного отдохнуть —
Трава — моя постель,
цветы — моя подушка...
Да все поет кукушка
и не дает заснуть!

¹ Харгыга — ястреб.

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Сквозь пожелтевший лес
 стрелой навстречу мне
Летит лихой олень.
 Рога его — как чаща.
А на его спине,
 а на его спине —
Живой Тана-Херел¹
 с бородкою торчащей.
Волнуется старик —
 охота впереди.
Двустволка — верный друг —
 торчит из-за плеча.
А на его груди,
 а на его груди —
Сияет силуэт
 родного Ильича!
На старика гляжу —
 остановился вмиг.
На орден я гляжу —
 и просиял старик.
— Откуда родом вы? —
 я у него спросил, —
Как вас, мой друг, зовут?
 Откуда столько сил?
— Я с озера Азас.
 Зовут меня Мырла.
Я орденом своим не хвастаюсь — горжусь.
Мне орден золотой моя Москва дала.
Чтоб оправдать его —
 старательно тружусь.
Мне семьдесят. На днях справляю юбилей.
Пообещал добыть я сорок соболей...
И вдруг он в лес нырнул.
 Пропал в какой-то миг.
Как в сказке он исчез.
 (Как в сказке и возник).

Я в сердце этот миг
 навек сберегу:
Скакал седой старик
 и озарял тайгу.

¹ *Тана-Херел* — персонаж из тувинского эпоса.

Сергей ПЮРБЮ

СЛАВА РОССИИ

Матери милой, России великой с любовью
Вновь мое слово сердечное, слово сыновье.
Струнам души чадаган мой созвучно настроен.
Чувства и думы о Родине в песне открыто.
Слава твоим сыновьям! Слава русским героям!
Сквозь бездорожье — дорогу великую строят.
Следом за ними идти и виднее, и легче.
С ними народ мой идет Коммунизму навстречу.
Слава твоим дочерям: как волшебницы в сказке,
Ткут они жизни ковер из тепла и из ласки.
Руки тувинок, как птицы над степью, летают —
Счастья узоры в ковер многоцветный вплетают.
Песня моя, над землею звучи величаво —
Слава России, народу советскому слава!
Слава рабочим рукам: их трудом создаются
Эти стада, что на склонах зеленых пасутся,
Эти хлеба золотые в пустынях бесплодных —
Все создается трудом и упорством народным.
Вместе с народом горжусь я своею судьбою.
Русский народ! Мы навеки сроднились с тобою.
Труд и заботы, и горечь, и радость, и славу
С русским народом сегодня мы делим по праву.
Мать наша добрая, щедрая наша Россия,
Счастьем людей ты богата, сильна и красива.
Пусть же сияет оно на земле негасимо —
В этом и слава твоя, и бессмертье, и сила.
Песня моя над землею звучит величаво —
Слава России, народу советскому слава!

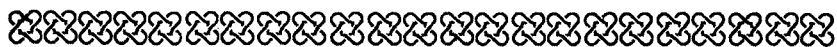
Байкара ХОВЕНМЕЙ

САЙН БАЙНА!

Желанный гость пришел в наш край.
Обычай нам велит: встречай,
Любимым братом величай,
Всем, чем богаты, угощай.
Тува радушия полна:
Монгольский друг мой, «сайн байна»!

Мелодии твоей страны
В степях Тувы моей слышны.
Поет комбайн в волнах хлебов
Твою мечту, твою любовь,
Как убса-нурская волна...
Монгольский друг мой—«сайн байна»!

Леонид ЧАДАМБА

ВРЕМЕНА ГОДА

ВЕСНА

Растаяли снега, река проснулась,
Запели и защебетали птицы,
Земле так ясно солнце улыбнулось,
Кусты готовы в зелень нарядиться.

Напоены весеннею водою,
Поля принять в себя готовы зерна.
Звучит над степью пенье горловое
Стальных машин, и сильных, и упорных.

Низины заливаает половодье —
С них много сена летом соберем мы!
А нынче сеялки в поля выходят,
И труд на них кипит весенним громом.

Недавние целинные просторы
Хозяевам земли покорно служат.
И эхо порождающие горы
С советской, первомайской песней дружат!

ЛЕТО

В зарослях черемух, у реки,
Развязались белые платки.
Отцвела нарядная весна.
Яркой зелени земля полна.

Листьев изумруд, цветов узор
Покрывают землю, как ковер.

Пчелы над полянами кружат.
Птичьи гнезда на цветах лежат.

На лугах сегодня сенокос,
Но нигде не слышно свиста кос —
Слышу только песни косарей
Да машин торжественный хомей.

ОСЕНЬ

Золотое море зерна
Полилось с колхозных полей.
Жатки и комбайны в волнах
Плыли, как отряд кораблей.

Сильные машины вели
Парни в светлой хлебной пыли.
Шел обоз, горел в кумаче,
В солнечном купался луче.

Осень золотая горда
Радостью и славой труда,
Цвет зерна подстать янтарю —
Новый дар земли Октябрю.

ЗИМА

Намела везде пурга сугробы,
Перекрыла тонкие тропинки.
Ветер по ночам не воет злобно,
А несет пушистые снежинки.

Солнце малость жмурится с мороза —
Он звенит струной, мороз трескучий.
Лес притих. Все в инее березы.
Над рекой клубятся пара тучи.

А мальчишки—на коньках—по речке!
А мальчишки—по буграм—на лыжах!
А морозец все бодрей, все крепче,
Ломким язычком им щеки лижет.

Вытянулись трубы над домами
Голубыми дымными столбами —
Головы до неба поднимают
И скрываются в густом тумане.

Юрий КЮНЗЕГЕШ

**ПЕСНЕЙ
СЛАВЛЮ ОКТЯБРЬ**

Песней славлю Октябрь,
День рождения нового мира!
Прежде скованный раб,
Став свободным, невиданно вырос,
И навстречу заре
Человеком шагнул в Октябре.

Песней славлю Октябрь,
День рождения нового мира!
Мчались пули, свистя,
Злоба жадное пламя кормила —
С честью выдержав бой,
Землю спас человек трудовой.

Песней славлю Октябрь,
День рождения нового мира!
Строит счастье арат,
Оживают таежные дыры,
Он забыл нищету,
Поднял землю свою в высоту.

Песней славлю Октябрь,
День рождения нового мира!
Люди крылья растят,
Все могучее крылья, все шире,
Нам полет по плечу:
Наши крылья—любовь к Ильичу!

Я — ЧЕЛОВЕК ВОСТОКА

1.

Я — человек Востока.
Вырос в тайге густой.
Треск морозов жестоких,
Ветра протяжный вой,
Жерди над колыбелью
Гнутся, тихо скрипят...
Так они песни пели
Тысячам смуглых ребят.

Я собирал сарану,
Руками ловил мальков,
В холода и туманы
Ступал по земле босиком.
Вереск и можжевельник
В пахучих кострах палил...
Дожди твои и метели,
Родная земля, любил.

Дивились горные козы,
Глядели с высоких скал,
Как на сугробах морозных
Узоры я рисовал,
Как выводил на бересте
Корявое, первое «А»,
На темной коре вырезывал
Детской любви слова.

2.

Я — человек Востока.
Вырос в просторах степей.
Отруби в ступке толоч я:
Водой разведи да пей.
Счастье, степным виденьем,
Маячило мне вдали,
Мечты мальчишкой владели,
К солнцу меня вели.

Верблюдам пастбище тесно,
В горах могучи быки,
Отарам не хватает места,
Ржут табуны, дики —

Да не мое богатство.
Плетусь за отарой чужой,
Каленая кожа бедняцкая
Пронахла степной травой.

Но время меня не обидело
В батрацкой судьбе моей:
Оно в пастушонке увидело
Хозяина всех степей.
Разгромили рабочие
Былого черную власть.
Цепям насилья и почи
Пришлось на землю упасть.

3.

Я — человек Востока.
Здесь справедливость светла,
На небе чистом, высоком,
Как солнце в степи, взошла.
Дружу с ученьем, работой,
С людьми большими дружу,
В сердце, полном заботы,
Песню крепко держу.

Что я скажу плохого
Про Север, Запад и Юг?
Солнце палит сурово?
Слишком ли много вьюг?
Гость приедет — так что же,
Как принято за рубежом,
Глядеть мне на цвет его кожи:
Черен, бел иль желт?

Я — человек Востока.
Я — человек труда.
Сердце мое жестоко
К врагам свободы — всегда.
Настежь — и днем, и ночью —
Друзьям открыто оно.
К братьям моим — рабочим —
Светлой любви полно.

НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ РОССИИ

Зимняя стужа
помехой не стала,
Хоть снегом и ветром
меня хлестала.
Да разве могла она стать помехой?
Казань!
Я в гости к тебе приехал!
...А утро было
и ясным, и светлым.
А улицы были
наполнены ветром...
Глазами моих азиатских предков,
Чуть-чуть прищуренными
глазами,
Меня встречало
солнце Казани
И улыбалось
сквозь голые ветки.
А я смотрел
в рассветном пожаре
На Кремль,
застывший на крутояре.
А я читал
истории стенопись
На стенах крепости
изрытых стрелами...
Я шел по городу
и был я гордым —
Ведь мне рассказывали мостовые,
Что здесь ходили
Ильич
и Горький
Живые!
Я шел, а в сердце
вступали строем
Песни,
с которыми счастье строим.
Во мне, со мною
песни героя!
Он пал в Моабите
грозной порою.
Я пел бессмертные песни Джалиля.
Это они
меня окрылили!

Я шел, напевая песни Тукая,
Всех своей радостью
 увлекая...
И вот зазвучали
 под светлыми сводами
Песни,
 рожденные всеми народами,
Песни на всех языках России —
Ведь всех поэтов
 сюда пригласили.
Все —
 от Чукотки и до Кавказа —
О братской дружбе
 вели рассказы.
И песня
 солнечного накала
В сердцах друзей
 тогда возникала.

ЛЕТИТ СЫН АРАТА

Внизу остались
 седые кручи,
Внизу остались
 густые тучи.
А сверху — неба голубизна!
Гордись пилотом моя страна.
Он сын кочевника.
 Он сын арата.
Но посмотрите:
 он стал крылатым!
Земля родная, ты посмотри-ка —
Под ним вершины Таскыл-Сайлыка!
И нет на свете
 дороги краше.
Преграды в небе
 пилот не встретит.
Он, будто сокол,
 всегда бесстрашен.
Навстречу солнцу
 летит, как ветер!
Внизу — дороги в горах плутают.
Ползут машины,
 как по спиральям.

Внизу сверкает
 река литая —
Под ярким солнцем
 блестит дюралем.
Стоит косуля
 на синих скалах
И удивленно
 глядит на тучи.
Она не мало
 в горах скакала,
Она не мало
 в горах слышала,
Но что за рокот
 такой могучий?
Пилот доволен.
 Уходит выше.
Оттуда дали
 ему виднее.
Пускай родная тайга услышит,
Что сын арата
 летит над нею!

ОЖИВШИЙ КАМЕНЬ

Ничем от других не отличен,
Пасет колхозных овец.
Ничем от других не отличен...
Но вот он берет резец.
Берет — оживляет камень —
И вот — оживает камень.
Косуля козленка кормит,
Козленок припал к соскам.
А вот круторогий горный
Козел застыл среди скал.
Шею свою набычив,
Рога к земле наклоня,
Бык — совсем необычный —
Уставился на меня.
Стремительные косули
Головы повернули —
Слушаю: даль тиха ли?
Что они услышали?

А мастер опять в работе:
Думает, ищет, режет.

Мысли и руки — в полете,
Звездой решение брезжит.
Он вырежет верблюжонок
На длинных, стройных ногах.
Работает точно, тонко,
Рука его так строга!
Рукой оживляет камень.
Какой оживает камень!
Время его не тронет,
Не сможет его изменить.
Люди среди сокровищ
Будут его хранить.
Человек оживляет камень —
И навек оживает камень.

Монгуш **КЕНИН-ЛОПСАН**

МАТЬ-ГЕРОИНЯ

Поэму о вечном сердце матери посвящаю Антонине Ивановне Нухрат, коммунистке с 1919 года.

I.

Тропинка воспоминаний меня далеко ведет.
Вот домик, как из тумана, с краю села встает,
И пес Хартыгажык птицей кидается мне на грудь,
К калитке весело мчится, показывает мне путь,

Встает на задние лапы эдаким циркачом,
Здоровается, кладет мне голову на плечо,
Вот нос свой — черный, задорный — к моим сапогам прижал,
Как будто он проверяет, насколько я возмужал.

Свернул я к калитке с улицы — там мама стоит сама.
Спина у нее сутулится, душа у нее пряма.
Меня поднимает встреча на перевал мечты —
Могучими стали плечи и мысли мои чисты.

II.

Меня проводила память на склон кривого холма.
Там начал я мир впервые видеть и понимать.
Тогда ты меня носила у себя за спиной,
Медленно поднималась по горным тропам со мной.

Лиственницы молодые тесно стоят в бору.
Цепкие когти белок исцарапали их кору.
Тут ты встала, вздохнула — долго брести с утра! —
Жадно снега глотнула, в ладони его набрав.

Вот и прибыло силы.
Мороз свирепствует, лют.
Громадой снежной и синей скала лежит, как верблюд.
За эту скалу холодный ветер не проползал.
За ней притаилась с козленком потерянная коза.

На снег меня ты поставила — не упади, сынок —
Стою и радуюсь крепости своих неумелых ног.
Я в первый раз на вершине, стою не качаюсь, сам.
Ты, мама, это свершила, приблизив меня к небесам.

III.

Зорки материнские глаза: видят все на свете.
Заблудился я, ушел в леса — мать найдет и встретит.
Злые ветви шубу мою рвут — острые, как ножик —
Мать зашьет, узоры зацветут на овечьей коже.

Голос моей матери журчит ласковой рекою:
Слово, как звезда, прольет лучи — с ним я мир открою.
Все о чем мечтают и поют, все что мило маме,
В память крепко врежется мою с добрыми словами.

Молчалива ты была всегда: слова зря не бросишь.
Заболела вдруг, пришла беда — помощи не просишь,
Все осилишь, вытерпишь сама — что тут разговоры!
Лето, весны, осень и зима — все в работе спорой.

IV.

Отец уходил на охоту — домой не придет без добычи.
Тебе остаются заботы, обыденные, привычные.
В глуши беспросветной, таежной, снегом заметена,
Юрта стоит — а можно подумать, что в ней — весна.

Сквозь дыры рвется неласковый ветер седой зимы,
А здесь — загадки да сказки: думать учимся мы.
Мама ветки сухие подкладывает в костер,
Кутает теплой шубой братьев моих и сестер.

Ночь наступает, мама, тебе отдохнуть пора —
Но волк возле юрты воеет, на меньших нагоняя страх,
И мама выходит смело, в руках у нее ружье —
И стая, в метели белой, скрывается от нее.

Мама до зорьки встанет, скорей разбудит меня,
Чашу в огонь поставит, полную ячменя:
Держи, ячмень, испытанье, труслив ли ты или смел:
Погибнет трусливый в пламени, кто смел — останется цел.

Пробка легко зажигается — лиственничный наплыв.
Лучинка зарей разгорается, юрту всю озарив.
Сестренка проснулась. Сместся, а разверну — кричит:
Мороз-то с утра сердит, щиплетя и дерется...

Утро прогонит звезды — они пырнут в глубину,
Одна лишь сиять останется, хозяйкой зови одну.
Мать рукавом величаво с лица отирает пот,
Ячмень в корыте дымится, вставать детвору зовет.

Мать меня научила красный встречать восход,
Лень презирать, работать, только солнце взойдет,
Мать всегда говорила: «Сын, работу люби» —
Мать мне смелость вручила спутницею судьбы.

V.

Лето не обрадовало нас: залило дождями.
Вымокла кошма. Огонь погас. Не того мы ждали.
Гневается, что ли, Курбусту — царь небесной выси?
Словно топором взмахнул он вдруг — гром из тучи высек.

В год Дракона мой отец рожден — в грозный год Дракона...
Молит духа смилостивиться он, клонится в поклонах.
Только царь небесный — Курбусту бедняка не слушал:
Возле юрты лиственницу вдруг молнией разрушил.

Мать вскочила и, схватив кувшин, брызжет молоком —
Чтоб вернулись к малым и большим солнце и покой...
— Царь небесный, теплые лучи доброю рукой
Над убогой юртой расплещи, словно молоко...

Но земной тувинки языка, видно, бог не знал,
Пьян был, не хотел он молока — вихрь на нас послал.
Юрта закачалась. У отца побелели губы.
Мы, подобно маленьким птенцам, спрятались под шубу.

Кровлю нашу дождь пробил насквозь: вся она, как сито.
Что там закружилось, понеслось, молниями сбито?
Шкура козлика... Я спал на ней — теплая такая —
Но не знал, не знал до этих дней, что она летает.

Что ж, молитвами не отведешь бешеную воду:
Режет пласт земли отцовский нож, делает проходы.
Мать моя опять костер зажгла, шубу мы бросаем,
Юрта наша вновь полна тепла, нас тепло спасает.

Тучи бы, наверно, не ушли, если бы не пламя,
Верно, без него бы не цвели радуги над нами.
Радостный, из юрты выхожу, и гляжу, не хмурясь --
-- Это мама, -- радуге твержу, -- победила бурю!

VI.

Есть в Туве место Чаш-Тал, в котловине холма.
Сюда отец кочевал, как только минет зима.
Но станом нового стал наш привычный Чаш-Тал --
На черной юрте -- красное знамя: здесь партизанский штаб.

Приехали к нам араты, каждый вооружен:
Кто с винтовкой, кто с саблей, кто с тувинским ножом.
Молодые и старые -- все побратались в бою.
Парня на пост поставили -- сторожить ночевку свою.

На двух очагах, в двух чашах готовит мама обед.
Мясо -- давно я не пробовал! -- и чай закипает, бел:
Мать молока не жалеет для дорогих людей.
Стал и я веселее, чем в самый солнечный день.

Подтаскиваю дрова ей, тарелки ношу гостям, --
Как хороший хозяин, не тянусь к угощению сам.
В юрте -- что тебе лето -- жара такая, смотри!
Уселись, полураздеты, пируют богатыри.

Был у них командиром старший брат мой Тевек.
Мать его в бой снарядила, проводила -- навек.
Шубу ему зашила, отдала последний табак...
Все с бойцами вершил он -- что делать да как...

Отец мой в глубокой тайне ушел в глухую тайгу.
Коней привел самых лучших, откуда -- сказать не могу.
Бойцы коней заседлали, усталых оставив тут.
Без слез мы их провожали, как будто не в бой идут.

А брат у нас был -- сказитель, знал его весь сумон.
Сказки нам удивительные щедро сказывал он.
И в ту ночевку мы, дети, просили его опять...
-- Некогда, -- он ответил. -- Вернусь -- могу рассказать.

VII.

Растаял сугроб холодный с приходом ранней весны.
Заплакал круглый пригорок, слезы его солонны.
Сто человек уезжало — я точно считал тогда.
Семь человек вернулось, другие ушли — навсегда.

Первым седло оставил хромой старик с бородой.
Красное знамя приставил к двери юрты худой.
Снял с седла осторожно суму свою — перемет.
Стоим мы, смотрим тревожно — к нам он ее несет,

Молча глядит — и болью глаза у него полны...
Отец, как будто спокойно, взял сумку. Из глубины
Шубу брата-героя вытащил, развернул...
В льдинках — капельках крови — огонь очага сверкнул.

Мама без слов заплакала, те же огни в глазах...
А я все гляжу на шубу, не знаю, что и сказать.
Глупому, мне интересно: вся пробита она,
Дырочки, тесно-тесно, мохнатая шерсть видна...

Пули следы оставили — словно в песке дожди.
Вернулась шуба кровавая, а брата больше не жди.
Впервые тогда я понял: нелегко воевать,
Гордости, славы достойны брат мой, отец и мать.

VIII.

Лай собаки рушит тишину, да стучат копыта —
Значит, снова весть про ту войну издали летит к нам.
На конверте — птица мне видна — значит, дело срочно.
На степных аратских скакунах все доставим точно.

Вот пошел отец седлать, дерзкого, лихого.
Для гонца еду готовит мать, не сказав ни слова.
Что ему и отдых, и покой! Он в дорогу рвется,
Мяса, может быть, возьмет с собой, есть в пути придется.

Он еще от нас не ускакал, он в седло садится —
В мыслях видит новый перевал, по ущелью мчится,
Он еще, веселый, молодой, ставит в стремя ногу —
В мыслях он бойцов ведет с собой красным на подмогу.

Шорох слышен — встану, не просплю, как солдат на страже.
Начал дело — я не отступлю, мне никто не страшен.
Бури, горы, ветреный простор — вот мой мир крылатый.
Кровь свою солью в один поток с кровью всех аратов.

IX.

Каких только сказок не сказывал мне брат погибший — Тевек!
В тех сказках чудовищ разных побеждал человек.
В жизни людей бывают голод, беда, война...
Но почему победа богатырю суждена?

Конь у него разговаривает на людских языках,
Конь у него, как птица, парит в седых облаках,
Конь у него перескочит границу неба с землей...
Вот он какой, неизменный сказок наших герой!

Враг у него — убийца, кровь людскую сосет,
Один аал обезлюдит — в другой аал перейдет.
Прячется от героя в бурных морских волнах...
Найдет его победитель, расплещет море до дна!

По юртам ходит дозором невидимый страшный дух.
Съедает младенцев, обжора, там, где костер потух.
Он пирует в пещере под заклётой горой...
Но гору ударом пальца свалит сильный герой.

Я слушал сказки Тевека — тогда ведь не было книг.
В богатыря-человека с детства верить привык.
Верил герою-мужчине — так создана земля...
Может ли быть героиней женщина, мать моя?

Ты видела осень жизни, старости вечный снег,
Но счастья такого, мама, не видела ты и во сне.
Тувинка, из черной юрты, просто жена и мать —
Тебя, по указу, героем велено называть!

Разве ты воевала, бросалась отважно в бой?
Разве крепость взрывала, где томился герой?
Разве из скал построила достойный ханов чертог?
Разве взошла на вершину, с небесной ровень чертой?

X.

Печатью позорной обиды, памятью черных дел,
Кличка твоя — «ненужная» — плелась за тобой везде.
Презренное это прозвище было острее кинжала —
Оно и могилу вырыло, где имя твое лежало,

Мама, ты стала героем, жизнь и детей любя —
Для народного строя нет нужнее тебя!

А в старые годы судьба твоя была бы — горе да плач;
Ненужную, прочь с ребятами прогнал бы тебя палач.

XI.

Есть в мире место Чаш-Тал, в котловине холма.
Там в жизнь я прикочевал, едва минула зима.
Ладоною, полной добра, зову этот милый край,
Здесь мама моя жила, людей добром одаряя.

В свой день рожденья люблю о детских днях вспоминать...
Вот колыбель мою тихо качает мать.
Да что там! Едва-едва забрезжила жизнь моя —
Ты, мама, меня ждала, ты знала, что это я.

Бывало, лежал, не спал, все ждал я ласки твоей —
Твой нежный голос ласкал всех дочек и сыновей.
И ты подходишь ко мне, склоняешься в тишине,
И мне поверяешь ты о жизни, своей мечте...

А ночь была так длинна над ветхой юртой твоей!
И так был крепок мороз, так холодно было в ней!
От голода плакал я — ты встала, меня кормить,
Чтоб темную ночь морозную и голод перехитрить.

Мороз вокруг юрты бродит, открыть он не может дверь,
Он шелку себе находит, к тебе крадется теперь.
А ты надо мной склонилась, и плечи обнажены...
Смотри, они побелели, морозом обожжены!

Я славлю тебя по праву, моя героиня-мать!
Я должен светлую славу, как сын твой, тебе воздать!
Нет в наших горах вершины выше души твоей,
Нет в сказках наших мужчины сильнее тебя и мудрей.

XII.

Героиня ты. Тринадцать нас выросло. Тринадцать.
Может каждый день твой, каждый час подвигу равняться.
Кровь свою по капле раздала, каждому — частицу.
Жизнь твоя по-новому в делах наших повторится.

Говорят, родить — заслуги нет: звери мол рожают...
Но твоих потомков много лет люди уважают.
Ты работе научила нас, ты дала нам силу,
До высокой правды поднялась, знамя нам вручила.

А работа — что твоя тайга, подпирает небо:
Ничего, крепка моя рука, да и робким не был.
На пути — болота? Осушу, тракт прямой построю.
В сердце завещанне ношу матери-героя:

«Чашу, сын, с друзьями подними — а один не трогай.
Елочки зеленой не руби за своим порогом.
Спорь с людьми не словом — а трудом, сильным и высоким.
Бодрым будь и в серебре седом, вечно яснооким...»

ХIII.

Мама, мама... Никогда с тобой не смогу проститься.
Материнской славы орден твой у меня хранится.
Сохраню в себе и в сыновьях все, что мило с детства,
Пусть живет во веки кровь твоя у потомков в сердце.

Мама. Твое сердце не молчит, и молчать не будет:
В сердце сына радостно стучит, радость дарит людям,
Жизнью новою во мне живет, счастливо и гордо,
Направляет жизнь мою в полет к светлым кручам горным.

Салим СЮРЮН-ООЛ

ТАКАЯ УЖ МОЯ ЛЮБОВЬ

Мой Улуг-Хем сквозь горы
вдаль стремится,
А на хребтах Саян лежат снега...
Моя любовь,
мой край,
моя тайга!
Где б ни был я —
всегда мне Хемчик снится.
В гостях бываю часто у друзей,
Но я скучаю по земле моей.
На Улуг-Хем —
он грозен и суров —
Спешу — такая уж моя любовь!

Но дружбы нашей светлой
что сильнее?
Кавказ, Памир и богатырь-Урал —
Все приглашают, всюду я бывал
И вновь лечу, как птица, по стране я.
Пускай дорога будет далека,
И вашего не знаю языка —
Я сердцем с вами,
я спешу к вам вновь,
Спешу — такая уж моя любовь!

Да, я обрел страну,
где сто народов!
Везде-везде живут мои друзья.
Я по земле иду —
и счастлив я! —

Все зелено кругом от новых всходов.

Мой дом —

ведь это вся моя страна.

И дружбу я хочу воспеть сполна.

Пою — мне не хватает лучших слов,

Пою — такая уж моя любовь!

Салчак ТАМБА

МОЕ БОГАТСТВО

Богатство мое — не в одежде,
Не в полном кармане денег,
Не в пышном дворце, похожем
На торт или абажур.
Богатство мое — серп и молот
Со звездочкой пятиконечной,
Богатство мое — в работе,
Которой я не боюсь,
В моих ясноглазых детях,
В семье—большой и сердечной,
В простой чистоте и верности
Всех мыслей моих и чувств.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛТАЕ ✧

Весь в солнечных лучах и песнях золотых,
Алтай, с тобой хочу я встретиться опять.
Напевы старины и Кучияка стих,
Раскатистый, как гром, хочу я услышать.
Твой ласковый язык, красивые слова
Мне не забыть вовек — он стал мне, как родной.
Друзей увидеть вновь — а дружба все жива —
Пожать бы руки их горячею рукой...
Какою стала ты, лазурная Катунь?
Теперь совсем другой мой славный Каа-Хем...
От голубой реки прохладный ветер дунь,
И радость принеси друзьям старинным всем.
Сейчас в Элик-Манар попасть бы, в Кош-Агач,
Где светлый березняк с кедровником густым...
Веселый шум листвы, ручьев печальный плач,
Как песни давних дней, понятны и просты.

У вас учился я. Впервые узнавал
Основа грамоты в твоей семье, Алтай —
А кто в чужом краю в дни юности бывал,
Тот к старости нежной полюбит этот край.
Огни Ойрот-Туры, как звезды, для меня
Светили. И путь мой был огнями озарен.
Прямая улица, сверкая и звеня,
Шла в грохоте труда и шелесте знамен.
Колхозы первые я видел там, у вас,
Завидовал людей веселому труду...
Чему дивился я — все есть в Туве сейчас,
В любом ее краю жизнь новую найду.
Лети же, дружбы свет, к учителям моим!
Лети же, дружбы песнь, к друзьям старинных дней!
Пусть первый мой приезд теперь неповторим —
Увижу вновь Алтай и полюблю сильней.

Кызыл-Эник КУДАЖИ

МОЯ ПОЭЗИЯ

Мое сердце — не холодный камень,
Не пенек, обтесанный теслом:
Устает, порою, от исканий,
Вздрагивает от ненужных слов,
А вдали от Родины страдает
По веселым звонам «Дынгылдая».

В трудный час на помощь мне незванно
Верный друг — поэзия идет:
Зазвенит струною чадагана,
Тихо колыбельную споет,
Милый голос, над волнами рея,
Успокоит ярость Енисея.
Полечу вперед на легких крыльях
Молодой поэзии моей —
Кажется: ворота мне открылись
Будущего — близких, ясных дней.
Приближать своим трудом их стану,
Как лихого скакуна — арканом.

Звонкая поэзия родная —
Для меня ее дороже нет.
Но не думайте — не променяю
Я ее на перезвон монет.
Раздаю пригоршнями, свободно,
Всем моим друзьям — всему народу.

Алдын-оол ДАРЖАА

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД ШУШЬЮ

Горы синие, крутые.
Что ни речка — сквозь кедрач,
Словно конь неукротимый,
По горам несется вскачь.
Край Саянский, край могучий.
Грань отрога, что скула.
Как медведь, голец под тучей
И, как лось, стоит скала.

Край таежный, край олений.
Горы, где же ваш предел?..
Здесь на вас товарищ Ленин
С удивлением глядел.
И в часы, когда с окраин
Шел восход из кумача,
Клокотали и сверкали
Думы в сердце Ильича.

Думы в тишине таежной.
Ты, родная Шушь, скажи:
Не они ль в глуши тревожной
Нарождались, чтобы жить.
Не на тропке осторожной,
Не в стихии теневой,
А в стране твоей острожной
Под дрожащей синевой.

Не они ли, словно птицы,
Прилетая издали,
На горящие страницы

Словно стаями легли,
Чтобы, больше не плутая
Над безбрежьем здешних рек,
Мир бурлящий облетая,
Стать бессмертными навек.

Думы — реки, думы — горы,
И в бураны, и в пургу.
Думы война, который
По колено шел в снегу
По безбрежной этой шире,
Где затор теснил затор,
По сугробам всей Сибири,
Бедствиям наперекор.

Думы. Не они ли снова,
Устремленные вперед,
Мудрое сказали слово,
По которому народ
Встал в неодолимом строе,
Пробуждая свет во мгле,
Чтобы заново построить
Справедливость на земле.

Горы, горы в марше строгом.
Горы — гордость, горы — клич!
Не по вашим ли острогам
Проносил зарю Ильич?
И не здесь ли жизнь вершил он,
Наш грядущий день творя?
И не с этих ли вершин он
Видел дали Октября!?

Монгуш ДОРЖУ

В ПУТИ

От Абакана до Кызыла
Всю ночь автобус был в пути,
Луна свой желтый глаз косила,
Давно Саяны позади.
И елок хвойные поклоны...
Кустов мелькает полоса,
Созвездий россыпь с небосклона
Таращит яркие глаза.
Тува родная! Неизменно
Меня зовешь, как мама, ты,
И для меня, как ось Вселенной
Твои могучие хребты.
Как зеркало в моей судьбе
Твой луннозвездный свет на крышах,
И эта песня о тебе
Летит к заре на птичьих крыльях!
И песни теплые слова,
Как спутник, облетят планету,
И пронесут по белу свету
Всем людям образ твой, Тува!

ДРУГУ

Жизнь — неисследованная гора:
Нет к ней торной тропы.
Счастье — река без мостов, переправ —
Нет тут легкой судьбы.
Гору не пробовал ты одолеть,

Не говори трудна —
Смело взбирайся, себя не жалея,
Думай — ночами без сна.
Если не плыл незнакомой рекой,
Не говори: бурна —
Режь ее волны упрямой рукой,
Чтобы сдалась она.

ВЕСНА

Весна пришла, вся светлая, в слезах,
Совсем как мать, когда, меня встречая,
Она сияет, слез не замечая,
И столько ласки у нее в глазах!

Весна уйдет, и облетят сады...
Так молодость, что ярко разгорелась,
В задумчивую переходит зрелость,
Где тихо наливаются плоды.

В ДОЖДЬ

Дождь за окном непрерывно
Льет неделю подряд.
Нежно на листьях усталых
Бусинки-капли блестят.
Грустно на сердце, пустынно
В эти дождливые дни...
Милая, каплям росинок
Слезы твои — не сродни?

Монгуш ОЛЧЕЙ-ООЛ

«ОХОТНИК»

Как вата, пухлый снег, которым я иду.
Охочусь на лису. В лесу — игра теней.
Как четок волчий след, и весь он на виду,
Он мне грозит бедой!.. А лес — темней, темней...

Какая тишина в том сказочном лесу! —
Как будто жизни нет, движенья нет, а все ж
Отрадно видеть мне лесов родных красу.
О, как тайга влечет, чей мир ни с чем не схож!

Как седовласы пни со снежной головой,
Как пихты пышные дивят,— я сам не свой.
Коряги под ногой, спрятавшись под снег,
Как пьяницы лежат, засони,— грех и смех!..

О, молодая ель!.. Она мой взгляд живит..
Она напомнила доярки милой вид,
Когда в халате та, что так же бел, как снег,
Коров своих доит, не для себя,— для всех...

Околдовал меня таежный чудный лес.
О чем я думаю, и где мои мечты? —
О пень споткнулся вот, в сугроб нечаянно влез.
О, как себя ругал: «что за охотник ты?!».

Тюлюш КЫЗЫЛ-ООЛ

НА ВЕКА

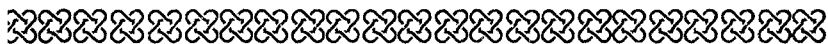
Я по мосткам ногой нетвердой
Ступаю, — вниз гляжу, что в мглу,
Лишь на этаж взойду четвертый,
Как на высокую скалу.

А там строитель ловко, споро
Берет умело кирпичи,
Скрепляет прочно их раствором,
Они красны и горячи.

Как загубели парня руки
И кожа словно бы кора.
Но мастер он своей науки, —
И честь ему воздать пора!

Любуюсь я его ухваткой.
Рука его ловка, легка.
Ведь с каждой он кирпичной кладкой
Возводит зданье на века!

Алексей АРАПЧОР

ТЕНЬ

Когда стоит погожий день,
То и зимой и летом
За человеком молча тень
Всегда шагает следом.

Но если только солнце вдруг —
За тучей исчезает,
Тень — этот неотступный друг —
Сейчас же пропадает.

* * *

И в жизни есть тому пример:
Подобен тени — лицемер!

Екатерина ГАНОВА

ЦВЕТЫ

1.

Что делать мне в часы досуга?
Брожу в глуши лесной одна.
Со мной лишь осень вместо друга.

Вдруг вижу: огненную точкой,
Где чутко дремлет тишина,
Цветок у ручейка в тенечке.

Один, играя светом красным,
Он по-весеннему светло
Улыбку дарит дням ненастным.

Его прохладный ветер клонит.
Потрогала: — Тебе тепло?
Дрожит, как пламя, у ладони.

Гори, гори, огонь природы!
Ты чем-то схож с моей судьбой —
Один под мрачным небосводом.

Иду домой, а в сердце жар:
Из леса я несу с собой
Цветка волнующий пожар.

2.

И вот весна! На нас лавиной
Обрушился веселый лес.
Цветов — пылает вся лощина.

Теперь здесь просто не пройти нам.
Вброд по цветам... А может здесь
Земля из красного сатина?

Ведь прошлой осенью под кедром
Цвел только лишь один цветок,
И тот был смят осенним ветром...

Так что ж случилось? Что? Весна?
Ты поправляешь мне платок.
— Нет, просто ты была одна!

Светлана КОЗЛОВА

КОСМИЧЕСКАЯ МУЗЫКА

Звучит космическая музыка.
Как напряженно тонок звук!
Как будто провололочкой узенькой
Он вырывается из рук,
Как будто проводом натянут он
Между Землею и Луной,
Связав невидимой струной
Сердца — с небесной этой станцией.

Звучит космическая музыка,
Чтоб мир запомнил и узнал.
Давно привычно: к звездам — русские.
Но вот — «Итернационал».
Воспрянут в злобных тюрьмах узники,
Бессильно дрогнут палачи —
На всю Вселенную звучит
Коммунистическая музыка!

Мне восходящая звезда
Читала лекцию о косности:
Не подобает мол в век космоса
Жить, как в двадцатые года,
Мол, ритмы джаза современнее,
Чем песни тех железных лет...

Струной стальной, тем не менее,
С Луны протянута к Земле
Мелодия — простая, грозная,
Ликующая, как лучи:
Она в борьбе народом создана,
Она бессмертием звучит.

Покайтесь в косности и узости,
Кто устаревшим это звал!
Греми, космическая музыка,
Коммунистическая музыка,
Родной «Интернационал»!

ЗАОЧНИК

Человек за парту садится.
Не успел
Двадцать лет назад.

— Поздновато ему учиться,—
Даже близкие говорят.
— Что он, думает стать умнее?
Для чего ему лишний класс?
Специальность давно имеет,
И загруженность — выше глаз...

Из-за парты шагнул в атаку.
Обучился борьбе — в бою.
Как голодный — краюху, так он
Изучал работу свою.
Знает жизнь—порядочно прожил,
Заглянул за смертную грань,
И теперь:
— Играй — не играй,
А урок,— говорит,— дороже!

Чьи-то мальчишки, руки в брюки,
Сдав на троечку все науки,
Бродят, скучные, взад-вперед...

Человек в огромные руки,
Как иголку, ручку берет.
Вместе с нею в пальцах зажато
Все, что память огнем печет:
Вот мальчишки идут сражаться,
Вот мальчишки в землю ложатся,
Не успев на первый зачет...

Седина горит над страницей.
Человек не хочет стареть.
Человек за парту садится,
Презирая косность традиций,
И войну,
И беду,
И смерть.

Анатолий ЕМЕЛЬЯНОВ

ИЗ ЦИКЛА «ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ»

* * *

Смотрел бы на людей,
Не отрываясь,
На каждого —
Лицом к лицу,
В упор.
Так,
Чтобы сердце к сердцу прорываясь,
Вело прямой и честный разговор.
Без слов,
Без звуков чтобы —
Так — безмолвно,
Ломая одиночества пласты,
От сердца к сердцу поднимались волны
Безмерной человеческой теплоты.
Так,
Чтобы все, что в жизни нам мешало
Бороться,
Верить,
Жить,
Работать в лад —
Ложь,
Подлость,
Себялюбье —
Все сгорало,
Угодничество, пошлость —
Все дотла.
Во имя этой высшей правды века
Все выстрадаю,
Все перетерплю:
В любви к другому — мудрость человека.

В любви к другому — сила человека,
В любви к другому — счастье человека.
В любви к другому — сущность человека.
А я —
Все человечество люблю.

ПАМЯТИ ХЕРТЕК ДОЛУМА СОТПАЕВНЫ

Погибла женщина вчера
С лопатой в руках.
Упала на нее гора
Сыпучего песка.
Сдавило голову и грудь —
Ни крикнуть, ни вздохнуть,
Людей на помощь не позвать,
Рукой не шевельнуть.

Кто знает, что случилось тут
И чей тут недогляд...
Специалисты разберут,
Кто прав, кто виноват.

А ей на горы не смотреть,
Не петь, как день назад,
Детей любовью не согреть,
Не строить комбинат.
А ей теперь всегда такой
Быть в памяти людской:
С лопатой в поднятых руках
Под тяжестью песка.

Песок... Он движется с весны
На травы и хлеба.
Всю жизнь она боролась с ним.
Все время шла борьба.
Отдать бы сердце ей и кровь,
Чтоб жизнь вернуть сполна...
Взметнулась выше облаков
Песчаная стена.

Возносит песня, славит стих
Героев и вождей —
Но в мире не было бы их,
Не будь таких людей.

В КОМАНДИРОВКЕ

Не в очень удачное время ---
В одну из суровых зим —
Меня до поселка Шеми
Подбросил попутный ЗИМ.
Сдержанно и серьезно
Меня встречала сама
Парторг большого колхоза
Маленькая Серенмаа.
Тяжелой косою увенчана...
И я вам, друзья, признаюсь:
На эту изящную женщину
Смотрел я, не отрываясь.
Она закончила скоро
Весь разговор со мной:
Видите, у конторы
Рыжий и Вороной?
Давайте, дарга, во-первых,
Не тратя напрасно слов,
Доскочим до ближней фермы...
И— взлетела в седло.
Как мы тогда скакали
Далью необозримой!..
Белыми облаками
Степь проплывала мимо.
Как мы тогда скакали
Сквозь хоровод снежинок!
Молниями сверкали
Гор далеких вершины.
Тоненькая фигурка
Покачивалась на коне...
Эх, кожаная тужурка
Да маузер на ремне!
Мы и такое умели
В двадцатых и в сорок первом:
Надевали шинели
И не сдавали нервы.
Надо — берем винтовки,
Нужно—берем лопаты.
Всегда мы в командировке,
Ленинские солдаты.
Как мы тогда скакали
Сквозь мороз и усталость!
Белыми лепестками
Мне снежинки казались.

Вот она оглянулась,
Вот она улыбнулась—
И задохнулось сердце,
И душа распахнулась.
Жаркая кровь по жилам
Все ускоряет бег...
Так вот --- жил бы да жил я,
И был всегда -- человек,
С друзьями в дорожных тужурках
На милой моей земле...
Тоненькая фигурка
Покачивалась в седле.

Людмила САНЧАЙ

ГОРДОСТЬ

Я женщиною рождена.
Мне выше гордость не нужна.
Жизнь — женщина,
И дочери ее:
Наука, Красота, Любовь,
С достоинством заявят вам своё:
«Из женского мы,
А не из каких-нибудь родов!»
Юность и Мечта.
Земля, Россия, Песня —
Кто скажет, что не женщины они?
А Радость, от которой сердцу — тесно,
В глазах — неудержимые огни?
А Мысль, Работа, Тишина, Тревога —
Человека вечные друзья?..
Женщина — ведь это же так много!
Женщина — высокая стезя.
Кем бы, чем бы ни была ты, женщина:
Правдой, Ложью, Болью иль Тоской —
Ореолом славы ты увенчана,
Горькой иногда, зато большой.
Я тоже женщина.
И мне ль о том молчать,
Что я—и мать, и дочь, сестра, жена?
— Я — бабушка всех будущих внучат!
Вот гордость.
Мне другая не нужна.

ОРНАМЕНТ

Казалось бы, что в нем такого?
Какой-то рисунок — всего лишь.
Но взгляд мой к нему прикован.
Уйдешь — восхищенье превалишь.
Вот и хожу я часто
В музей, где люди порою,
К орнаменту безучастны,
Не тронуты смелой игрою
Гибких, чистых, капризных линий,
Послушных лишь мастера глазу.
Не сразу увидишь, не сразу,
В этих линиях горы, долины,
Между линий — озера, небо,
Человеческий взгляд и ум.
Увидишь ты тяжесть гнева,
Грустинку плывущих дум.
Увидишь сияние ночи,
Сверкание буйного дня,
Любимых верные очи,
Игривый трепет огня,
Бездонную щедрость души...
Земли тувинской простор,
Суров, прозрачен, душист.
Вот — птиц раззвенелся хор.
Песню слышать не можем,
Но мы видим ее,
Видим путь ее сложный
В будущее свое.
Нет, не просто орнамент —
Жизнь увидим мы тут:
Оживут перед нами
Бой, победа и труд,
Человека рождение,
Расцветающая весна,
Мысли гибкой движенье,
Сердца мудрая глубина.

ЛЮБИМОМУ

Перед тобой солнца первым лучом я предстану,
Возвещаю о радостном дне.
Ободряющим сном твоим ночью я стану,
Подарив тебе силы вдвойне.

Сердцем стану твоим, коль тебе вдруг взгрустнется,
Иглы грусти приняв на себя.
Пусть порою оно от ударов сожмется —
Я терзаюсь в беде за тебя.
Заискрюсь я улыбкой в глазах твоих милых,
Если радость в душе твоей:
Знаю радость не любит унылых и хилых ...
Бодрый, сильный, ты дружен с ней.
Той звездой, что любишься ты вечерами
Я в окне твоём буду светить —
Так светить, чтоб меня никакими огнями
Невозможно и зорям затмить!
Обниму тебя, милый, задумчивой песней,
Ветерком подкрадусь, прошепчу —
Быть простором земным, глубиною небесной
Для тебя, мой любимый, хочу.
Чтоб всегда и везде для тебя быть мне зримой.
Каждый раз становясь все милей,
Чтоб меня нестареющей, неповторимой
Называл ты любовью своей.

Галина ПРИНЦЕВА

КОРОВЫ

Идут коровы.
Мерно и спокойно.
Бодают рогом низкую луну.
Лишь хлопнет бич да зазвенит подоюник,
На миг всплеснув густую тишину.
Взметают пыль тяжелые копыта.
Иду коровы, теплый дух клубя...
И чем-то вечным, древним и забытым
Повеет вдруг, прохожий, на тебя —
Дымком жилья, крестьянским, всласть напоенным
Покою —
Как окно в дождливой мгле...
Как будто ни страдания, ни войны
Вовек не проходили по земле.
Как будто здесь, в краю степей и пашен,
С начала мира — вечные года —
Топча густые заросли ромашек,
Волной идут тяжелые стада
Поить людей.
Поить досыта, вволю,
Трудом своим, как счастьем; тяжелы...
И пахнет чисто, радостно и горько
Растоптанная теплая полынь.

УРОНИ СВОЕ СЕРДЦЕ

Урони свое сердце
В ладони мои —
Словно яблоко спелое
В руки мои урони.

Ведь оно так давно
Наливалось любовью ко мне —
Так вот яблоко тяжкое,
Соком прозрачным полно,
Клонит ветку к земле.
Час придет —
И оно, в золотой тишине,
С тихим стуком падет
Прямо в руки ко мне.
Значит время пришло
Это сердце обнять, — огромное,
Вдруг так огромно понять,
И до дна, и навеки понять...
Час придет —
И оно золотистой, чем мед,
Прямо в руки мои,
Как звезда упадет.
Так вот яблоко теплое
Падает раз.
Только раз.
Больше раза ему не упасть.

ВЕРЕСК

Вереск цветет. Вереск.
День, и неделю, и вечность...
Мир прозрачною дверью
Распахнулся навстречу
Розовому цветенью,
Розовому дыханью,
Красоты возрожденью,
Красоты угасанью...
Великолепна жертва —
Чуда самосожженья!
Что ж, значит, тоже смертно,
Яростное цветенье?
Пусть! Ведь назло горю.
Мир в красоту верит.
... Розовым, сладким морем
Вереск цветет. Вереск.

Кодур-оол ОЮН

ЗЕМЛЕ

Над обновой склонились снежинки-
ткачихи,
Подсиненные нежно лучами рассвета.
Как люблю эту робость природы
притихшей!
Дремлют в инее бархатном сонные ветви.
Вот проснешься, Земля, и глазам
не поверишь:
Белолица, нарядна!
Ты так и ходи.
Если влюбится кто — Марс, Меркурий, к примеру
Только замуж, пожалуйста, не выходи!

НА ПОСТУ

Сиова день предвещает восток.
Чуб зари разгорается алый.
Средь отрогов ветвистых хребтов
Мое детство пастушье осталось.

Там сейчас чье-то детство течет,
Чьи-то годы проходят по жизни...
Я стою на посту. Дождь сечет.
Пусть сечет. Лишь бы мир был в Отчизне.

Пусть не дождь меня—пули секут,—
Простою и тогда как стоял.
Мне иначе нельзя, ибо тут
Землю всю под охрану я взял.

В НАЧАЛЕ ЗИМЫ

Вот последние листья роняет
Вереница нагих тополей...
Душу нежною грустью пленяет
Тишина задремавших полей.
В ожиданье примолкла природа.
Скоро, скоро засвищет пурга,
И на реках, несмело и робко,
Белой тривою встанет шуга.

Геннадий НЕКРАСОВ

ВЕСЕЛЫЙ ПЕРЕВАЛ

Ползут машины вверх,
И вверх,
И вверх!
Играет ветер, словно в чадаган,
А по обочинам
Подобьем вех
Торчат столбы,
Как белые рога.

Деревья придорожные в пыли
Зелеными ветвями машут нам.
Сюда моторы песню принесли
И подарили сумрачным горам.

Зовут «Веселым» этот перевал.
Посмотришь вниз —
Не до веселья тут.
В лощины,
Будто падая в провал,
Березки белоногие бегут,
Да тень свою бросает вертолет.
Бьет эхо,
Словно бубен об ладонь.
И на гору средь лиственниц ползет
Багульника сиреневый огонь!

* * *

Со мной гуляет солнце по Кызылу—
Тепло руки все время на плече.

А Енисей,—
Не зная меры силе,
Зажег на каждом всплеске по свече.

А парк гудит черемуховой бурей,
И опьяняет сердце без вина.
В глаза Тувы,
Наверное, лазури
Всплеснула беспокойная весна.

И расстелила бархатом дорожки
По парку,
Где проказник-ветерок
Насмешливым девчонкам в босоножки
Насыпал обжигающий песок.

ТАЙГА ГОРИТ

Летят три самолета к Ак-Туругу.
Пожар!
Пожар!
Пожар!
Тайга горит!
Трепещет в небе солнце бледным кругом,
А дым клубит —
Черней чем антрацит.

И смерч огня ревет неудержимо,
Все пожирает на своем пути.
Деревья-головешки плачут дымом,
Скрестив огрызки сучьев на груди.

Но вниз летят бесстрашно парашюты —
И человек встает против огня.
Спешит,
Чтобы не медлить ни минуты,
И заарканить красного коня!

ЖАРКИ

Туву не очень-то окинешь взглядом —
Глаза не радиоволна.
Но посмотри —

Жарков багряных стадо
Пасет у речки тишина.

От них и горы,
Обступив лощину —
Как заколдованная рать
Седые обнажив вершины,
Не могут взгляда оторвать!

НАША

СОВРЕМЕННОЦА.

О Ч Е Р К И

Александр ПЕТРОВ

КРЫЛЬЯ КРЕПНУТ В ПОЛЕТЕ

Орловский рысак, взяв с места в галоп, вынес Манефу из конного двора, вихрем промчал по пыльной улице поселка и сбросил за околицей. Лошадь убежала, а девушка осталась лежать на обочине дороги. Когда пыль осела, Манефа с трудом распрямила ноги. Болели ссадины на спине, плечах, гудело в голове. Она поднялась на ноги, грустным взглядом окинула желтеющую степь и медленно побрела назад, в деревню. «Уеду,— с горечью решила она.— Вот сейчас же пойду к директору и положу на стол заявление...»

— Кто эта пигалица?— спросила соседку женщина, стоявшая у ворот, мимо которых проходила Манефа.

— Новый зоотехник... Приехала к нам дней пять назад.

— Ну, такая птичка долго в степи не удержится. Первым ветром унесет за Саяны...

Девушка, слышавшая нарочито громкий разговор женщин, не проронила ни слова. Но ее словно каленым железом прижгло. Она ускорила шаг и до боли закусил губы: «Трусиха,— кричало в ней все.— Давай-давай, удирай! Пусть те, у ворот, порадуются».

Придя на квартиру, она опустилась на колени, сунула горячую голову под подушку и дала волю слезам... Так она и спала потом целую неделю: сама на полу, голова — на кровати.

А лет тринадцать спустя работники совхоза имели возможность убедиться, что годы, проведенные Манефой Алексеевной в совхозе, во многом изменили не только ее внешность, но и характер.

Молодой, крепко сбитый мужчина пытался и никак не мог сесть на горячего, необузданного конька. Товарищи беззлбно подтрунивали над ним, но и сами сесть на коня не решались.

Манефа Алексеевна, наблюдавшая за ними со стороны, не выдержала: как была в праздничном платье, туфлях на высоких каблуках, так и ринулась в том наряде к лошади. Выхватила у незадачливого наездника повод, птицей взметнулась на конскую спину и с гиком унеслась в степь. Через полчаса она резко осадил взмыленного жеребца перед изумленными мужчинами, ловко спрыгнула на землю и сказала:

— Вот так надо ездить!

— Лихо! — заговорили смущенные представители мужского пола, а бывший там секретарь обкома весело добавил:

— И ловко. Птицу, товарищи, узнают по полету... А Вы. Сметанина, «летать» умеете.

Вот именно! Птичка-невеличка, о которой говорили, что ее первым ветром унесет за Саяны, расправила крылья. И как расправила! Это ее стараниями и по ее личной инициативе стал заниматься совхоз тонкорунным овцеводством, завел племенную ферму крупного рогатого скота. Уже в 1961 году восемьдесят процентов шерсти было тонкой и полутонкой по своим физическим качествам. Практически это значило, что зачетный вес продукции стал наполовину выше, чем он был, когда на приемные пункты поступала шерсть местных овец.

Алтайская и грозненская тонкорунные породы, советский меринос, которых завозили в хозяйство несколько лет подряд, при скрещивании с местными овцами дали замечательные результаты: их потомство выносливо, хорошо переносит суровую тувинскую зиму. Да и настриги шерсти с овец увеличились в два раза.

Уже тогда, четыре года назад, в совхозе с гордостью говорили, что на смену местному малопродуктивному овцеводству пришло тонкорунное, коров мясного направления заменил скот симментальской породы, на свиноферме стали разводить крупную белую и кемеровскую породы свиней. Производство мяса, молока, шерсти утроилось. И в том, что животноводство так быстро шагнуло вперед, немалая заслуга коммунистки Сметаниной — одной из командиров совхозного производства, горячей поборницы хозрасчетных бригад в овцеводстве.

Создание крупных чабанских бригад уже с первых шагов принесло хорошие плоды. Одна только бригада Ивана Карбы в 1961 году дала совхозу двадцать тысяч рублей чистой прибыли. Примеру уюкских чабанов последовали тогда сотни

животноводов республики. А ведь успех к уюкам пришел не сразу. Требовались годы напряженного труда, прежде чем коммунисты, а их вместе с Манефой Алексеевной работало в животноводстве более тридцати, вывели эту отрасль хозяйства на передний край.

Манефа Алексеевна вспоминала позднее, как трудно было начинать работу по улучшению стада: и люди не очень верили в эту затею, и опыта не было, и за породным скотом самой приходилось ездить в Грозный, Хакасию... Но еще труднее было ломать устаревшие методы работы, вводить новую организацию труда, ругаться с директором. А ругались они с Евгением Кондратьевичем Хвостовым года два по самому, казалось бы, пустяковому поводу.

— А уходить ей тогда,— рассказывает местная учительница Тарасова,— уже не хотелось: вышла замуж, ребенок появился, да и не такой она человек, чтобы отступать перед трудностями.

Вот и решилась тогда Манефа Алексеевна. Зашла однажды в директорский кабинет, спросила у Евгения Кондратьевича:

— Вы признаете меня как специалиста?

— Глупости говоришь, Манефа... Ясно — признаю.

— Тогда с сегодняшнего дня Вы на меня перестанете орать!

Директор озадаченно почесал за ухом, неуверенно рассмеялся:

— Что ж, договорились...

И, сам человек незаурядной силы воли, Хвостов правильно оценил поступок главного зоотехника — стал больше доверять ей, поддерживал ценные начинания, помогал в работе. Между ними установились те дружеские рабочие отношения, без которых невозможно плодотворно трудиться.

— Представляете,— рассказывала она потом,— как-то и работать веселее стало, и дело лучше спорится.

А за дела совхозные Сметанина болеет душой. Да и как иначе: ведь она коммунист, член парткома! Партийная совесть заставляет сердце биться в ритм с эпохой, не позволяя отступать от своих слов даже в самом малом.

Работавший тогда секретарем партбюро Владимир Суров рассказывал мне как-то случай, который характеризует Сметанину как до конца последовательного, настойчивого коммуниста.

Однажды весной совхозу потребовался камыш на подстилку животным. Его надо было рубить на озере. Не всякий согласится хлюпать в грязи и тине несколько дней подряд. Манефа Алексеевна решила поднять на это дело комсомоль-

цев, молодежь. И когда обсуждали «камышовую проблему», кто-то из молодых рабочих бросил:

— Платите нам сразу, тогда и камыш будет.

Выкрик этот не понравился главному зоотехнику, но она тем не менее согласилась:

— Хорошо. Деньги будут выплачиваться ежедневно, сразу же после окончания рабочего дня.

Два раза приезжал на озеро кассир и отсчитывал ребятам их дневной заработок, а на третий день работники бухгалтерии вдруг заартачились: «Нет денег в кассе». Сметанина побежала к главному бухгалтеру:

— Мы с вами договорились рассчитывать рабочих ежедневно, а теперь вы отказываетесь. Как же так?

Она горячилась: не выдать сегодня денег — значит, не сдержать слово. А это хуже всего. Работники бухгалтерии пытались убедить ее, что не так уж важно, когда будет выплачена зарплата. Не сегодня — так завтра. Никто же эти рубли не собирается присваивать.

Но Манефа Алексеевна не согласилась. Она выскочила из конторы и побежала домой. «Ведь у меня есть деньги на сберкнижке, как же я сразу не вспомнила! — ругала она себя. — И нужно-то немногим более ста рублей».

В тот день заработок ребятам был выдан полностью.

— Не могла я их обмануть, — объяснила она парторгу. — Люди работали по пояс в студеной воде. И как работали! За три дня заготовили более шестидесяти тонн камыша. Это же надо понять...

Я встретился с нею четыре года назад. В тот вечер шел снег. Крупные хлопья причудливо серебрились в свете уличного фонаря и медленно оседали на плечах людей, останавливавшихся на широком крыльце нового совхозного Дворца культуры. И почему-то казалось, что те, кто входил в двери, возникают из сказки.

— А вот и Манефа Алексеевна, — вдруг оживился стоявший рядом секретарь партбюро и широко улыбнулся.

Навстречу шагнула совсем не сказочная женщина в пуховом платке, запорошенном снегом. Внимательно посмотрела в глаза, энергично пожалла протянутую руку.

— Сметанина...

Прошли в зал, разделись. И пока она прятала под платок выбившуюся прядь волос, а потом о чем-то беседовала с парторгом, я все смотрел на нее и удивлялся: неужели это и есть та Сметанина, о которой еще до этой встречи пришлось много слышать. Говорили, что она отличный специалист, очень решительна и настойчива в достижении цели. Потому, может быть, и представлялась она пожилой, властной, суровой женщиной, целиком отдавшей своей работе. А тут я увидел еще

молодое, улыбчивое лицо с просинью ласковых глаз. И когда она смеялась, от висков к сомкнувшимся ресницам веером сбегаешь едва заметная сетка морщин.

Ее жизнерадостность, хорошее настроение как-то сразу передавались людям, и они отходили от нее, неся на лице светлую улыбку.

Наблюдая за ней, вслушиваясь в ее неторопливую речь, я и сам начинал улыбаться и мне все не верилось, что главный зоотехник совхоза Сметанина, человек непреклонной воли, и эта улыбчивая женщина — одно и то же лицо.

Позже нам не раз доводилось встречаться в рабочей обстановке и мне без труда удалось убедиться, что в коммунисте Сметаниной счастливо уживаются и высокая требовательность к людям, и почти материнская забота о нуждах тех, кто трудится рядом с ней.

Помню такой случай. Осматривая в отаре Михаила Чимби недавно народившихся ягнят, Манефа Алексеевна вдруг забеспокоилась: она заметила, что в сакманах есть слабые ягнята, а два или три были явно больны. Их тут же осмотрел приехавший вместе с нею главный ветврач совхоза Геннадий Андреевич Тарасов. В аптечке чабана почему-то не оказалось нужного лекарства. Сметанина села в машину и уехала на соседний зимник, где перед этим видела необходимые медикаменты.

Вернувшись с лекарством, она попросила чабана дать его животным, а потом долго беседовала с Чимби и что-то быстро записывала себе в блокнот. К вечеру, когда мы объехали всех чабанов отделения и возвращались в контору Тарлагской фермы, такими записями у зоотехника было испещрено с десяток листов.

— Евгений Васильевич,— обратилась она в конторе к управляющему фермой,— скажите мне как идут дела у чабана Тюлюша?

Поспелов пожал плечами:

— Не знаю. Вроде, нормально. Он был тут сегодня, ничего не сказал...

— Надо бы знать,— укоризненно покачала она головой.— У Тюлюша пало пять ягнят. А причина в том, что у молодых маток не хватает молока. Как думаете, может быть, дать в эту отару дойную корову?

— Ну, и дадим, если вы так решили...

Лицо управляющего принимает обиженное выражение. Манефа Алексеевна морщится:

— Ничего я пока не решала. Вы — управляющий, вам и решать. Тут главное в том, чтобы сохранить весь молодняк.

Управляющему после приходилось еще не раз краснеть, когда главный зоотехник с карандашом в руках то уличает

его и фуражира Курощупова в бесхозяйственном расходовании кормов, то сама делает бухгалтеру расчет для оплаты сакманщиков, то доказывает, что рабочим на открытии силосных ям неправильно начисляется заработок.

— Тут уж я не виноват,— обороняется Пospelов.— Расценки экономисты разрабатывают.

— Ничего, разберемся,— говорит Манефа Алексеевна.

На другой день утром она вместе с экономистом Галиной Пашенко уже сидела в кабинете директора совхоза.

— Наши расценки на вскрытии силосных ям,— говорит директору Сметанина,— применимы там, где толщина слоя земли не более двадцати сантиметров, а у нас бурты закрывались бульдозерами и земли там насыпано по полметра. И экономист, и другие специалисты поддерживают ее. Галина Пашенко тут же делает новый расчет. Директор кивает:

— Согласен.

Только и всего. И тем, кто не знает Сметанину, этот эпизод может показаться нехарактерным. На самом же деле рассказанный случай говорит о многом. Ведь Манефа Алексеевна могла бы ограничиться замечанием управляющему, а уж идти к директору, решать вместе с экономистом, сколько платить за квадратный метр вскрытой силосной ямы, не ее дело. Но она при мне обещала рабочим разобраться и не отступилась, пока не решила этот вопрос.

Как-то нам довелось беседовать с секретарем парткома совхоза (теперь в совхозе образован партком) Иваном Алексеевичем Смирновым. Я спросил, какая, на его взгляд, самая характерная черта в работе главного зоотехника. Он так мне ответил:

— Нравятся в Сметаниной большая самостоятельность в работе, настойчивость, умение довести начатое дело до конца. И еще. Если она что-то пообещала — обязательно сделает. Помню, была запланирована недельная поездка на Сейбу. Но, как на грех, на это же время пришлось и школьные каникулы, а у нее сын — пятиклассник. Оставить его дома одного — может разбаловаться. Взять с собой тоже опасно: недолго и простудиться. Ей предложили отложить поездку. Манефа Алексеевна обиделась: «Как это так! Там же люди ждут». И взяла своего Вовку с собой.

Иван Алексеевич крепко потер колено и, словно загораясь изнутри, тихо воскликнул:

— Понимаете, она просто кипит в работе! И делает все не с бухты-барахты, а с глубоким экономическим расчетом. Иной раз мы с директором, другие специалисты еще только о чем-нибудь начинаем думать, а у нее уже готовы на этот счет деловые предложения. То и ценно в ней, что она может вовремя увидеть главное звено в своей работе и смотрит далеко вперед.

И может быть потому я не особенно удивился, когда услышал на XII областной партийной конференции, что кандидатуру Сметаниной предлагают внести в список для тайного голосования по выборам делегатов на XXIII съезд партии. А сама она очень волновалась и в перерыве с недоумением спрашивала:

— За что же такая честь? Ведь так, как я, работают многие коммунисты...

И тут же заволновалась: вдруг не изберут?! А когда стали известны результаты голосования, Манефа Алексеевна неожиданно опечалилась. Она как-то непроизвольно сдвинула брови и в синих ее глазах появилась уже знакомая мне грустинка.

— Как жаль,— тихо прошептала она,— что отец не дожил до этого дня. Всего каких-то два месяца. А как был бы он рад этому!

Я промолчал, думая о том, как нередко еще жизнь приносит нам почти одновременно и радости, и печали. Вот так все складывалось и в судьбе Манефы Алексеевны Сметаниной. Только обрела она радость семейного счастья, сумела осилить трудности в работе—умер муж. А потом, вот, и отца потеряла.

Много в жизни больших утрат. Иные это не выдерживают—гнутся. А коммунист Сметанина выдержала. И из зала заседаний конференции она уходила твердой походкой, гордо неся в сердце великое доверие своих товарищей по борьбе за счастье людей земли нашей. И я подумал: годы меняют и лик земли, и лицо человека. Быстротекущее время коснулось своим крылом и Манефы Алексеевны. За семнадцать лет, которые отдала она совхозу «Уюк», в каштановых волосах Сметаниной засеребрились белесые нити, резче залегли складки у рта и синие ее глаза стали будто темнее. Не меняется только сама эта женщина: горячее сердце коммуниста совсем не подвластно времени.

В день, когда начал свою работу XXIII съезд партии, в республиканских газетах был напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Манефы Алексеевны Сметаниной орденом Трудового Красного Знамени. Какая это большая радость и для нее самой, и для всех тех, кто трудится с нею рядом!

... Люди, как птицы, тоже всегда в полете, всегда в пути. Едва перешагнув один рубеж, они уже стремятся осилить следующую высоту. И для того, чтобы не упасть, нужны сильные крылья. А крепнут они в полете.

Барвара МЕЖОВА

ВСЕ ОТДАЕТСЯ ЛЮДЯМ

В класс входит стройная, средних лет женщина. Волосы гладко зачесанные назад, открывают широкий выпуклый лоб. Серые глаза смотрят на ребят ласково-внимательно. Кажется, учительница хочет сразу узнать их настроение, мысли, чувства. Девушки (юношей в этом классе вообще нет) тоже ласково смотрят на вошедшую. Нет «ласково» — не то слово. С любовью, обожанием! Это взаимное сердечное приветствие, больше глазами, чем словами, длится секунды. Но и этого мгновенья достаточно, чтобы между учителем и учениками установился контакт, протянулась та ниточка от сердца к сердцу, которая будет связывать их целый урок.

Преподаватель Кызыльского педучилища заслуженная учительница школы РСФСР Вера Лукинична Ладанова ведет урок педагогики в четвертом классе. Это — выпускной класс. Через несколько месяцев повзрослевшие девушки сами пойдут работать в школу, сами будут учить детей. Не удивительно, что и разговор на уроке ведется серьезный, взрослый. Вера Лукинична разговаривает с ними как с равными, четко ставит вопросы и получает обдуманые ответы.

— Каким вы хотите видеть своего ученика? — спрашивает она. Девушка с первой парты отвечает:

— Грамотным. Мы должны дать детям умственное воспитание.

— Что значит умственное воспитание?

— Изучение основ наук, получение знаний. Но не каких попало, а систематизированных, научно-обоснованных.

— Что значит «научно-обоснованных»? К примеру, как вы будете объяснять ребятам запуск или прилунение ракеты? Я

однажды слушала как поверхностно, наивно объясняла одна учительница детям запуск ракеты, и они, конечно, ничего не поняли,— улыбается Вера Лукинична.

Девушки толково отвечают. И снова ставятся вопросы:

— На что надо обратить внимание при умственном воспитании? Приучать к самостоятельности — это верно. А как?

— Надо так заинтересовать ребят, чтобы они захотели узнать больше.

— Правильно. Интерес — на первом месте.

— А где, кроме урока, дети могут получать знания?

— В кино, на экскурсиях; в семье от родителей, на предприятии, где работают отец и мать, из наблюдений за природой.

— Очень хорошо,— замечает Вера Лукинична.— Видите, сколько средств для получения знаний. Значит, не только учитель обучает и воспитывает детей. Надо только умело использовать все это. Вот приедете вы в деревню работать, там, конечно, меньше возможностей для воспитания. Так вы уж не упускайте даже малейшей возможности. Приехал к вам в село интересный человек — писатель, ветеран войны, артист, музыкант — пригласите его в школу, пусть побеседует с детьми. Надо поставить перед собою цель: «Кого я воспитываю?»

Затем Вера Лукинична ведет очень интересный разговор о воспитательном значении оценки ответа ученика, о такте учителя в этом щекотливом деле. Она задает девушкам несколько хитроумных задач. Вот одна из них: ученица отвечает урок, сбиваясь. Учитель обращается к ней: «Ты понимаешь, что говоришь?» «Понимаю.» «Садись, ничего ты не понимаешь!» Правильно ли поступил учитель?..

После нескольких, тщательно разобранных задач, ставится вопрос.

— Таня, вот ты приходишь в класс. Что тебе бросится в глаза в первую очередь?

— Внешний вид ребят.

— Правильно. Через две недели ты поедешь на практику. С чего ты начнешь?

— Надо посмотреть, как они себя ведут на уроке, как слушают учителя.

— Хорошо. Ведь можно сидеть тихо и не слушать учителя, можно даже смотреть ему в глаза и... спать. Мысль его спит. И даже может мысль работает, но — о санках, о катке. А если дети небрежно одеты, грязны. Что вы будете делать? Какие упражнения проведете по гигиене и санитарии?

И снова живой, конкретный разговор. Ответы девушек Ве

ра Лукинична иллюстрирует примерами из своих наблюдений, из своей богатой педагогической практики.

Так прошел обычный урок. Всего 45 минут, а сколько пового, интересного взяли себе на вооружение будущие учителя. Преподаватель, завуч Вера Лукинична, больше всего хочет, чтобы из училища вышли грамотные, как говорят, подкованные учителя. Разговор на эту тему продолжается у нас и после урока.

— Как хочется,— горячо говорит Вера Лукинична,— чтобы искры, зароненные в сердца ребят, разгорелись. И вообще надо, чтобы учитель постоянно горел. Тогда он будет зажигать других. В беседах перед поступлением в училище я им прямо говорю: если ты не любишь детей, не ходи к нам. Выбери другую профессию. И очень больно и досадно бывает, когда уже на втором или на третьем курсе вдруг обнаруживаешь, что студентка совершенно равнодушна к детям, к своей будущей профессии. Но большинство девушек и парней за время учебы у нас получают неплохую закалку, навыки работы с детьми, успевают полюбить эту трудную профессию.

Это так. В нашей республике сотни хороших учителей, которые в свое время закончили местное педучилище. И к каждому из них «приложила руки» Вера Лукинична, работающая в училище со дня его основания, т. е. почти 20 лет. Тот, кто учился у нее, работал вместе с ней, никогда не забудет ее человечности, простоты, обаяния. Каждому человеку, который нуждается в ее помощи, она отдает частицу своего большого, щедрого сердца.

Не успели закончиться уроки, как в учительскую вошла молодая женщина. Это учительница седьмой школы Р. В. Федулова. Она просит Веру Лукиничну помочь ей интереснее спланировать внеклассную работу.

— У вас тут такие интересные «Огоньки»,— говорит учительница.— О них идет слава. Мы хотим открыть «Клуб романтиков». Вы бы посоветовали нам, как лучше...

Вера Лукинична задумывается. Потом спрашивает:

— Скажите, Розалия Владимировна, а чего вы хотите этим клубом достичь, точнее — какая цель его организации? Это главное. Может быть организовать конкурс смелых и находчивых. А не пробовали вы провести такое состязание: кто лучше знает космос? Очень интересны также КВН. Я о них много читала, слушала. Какие у вас атрибуты при проведении внеклассных дел? Вот, к примеру, мы начинаем смотр художественной самодеятельности всегда с поднятия флага и исполнения песни «Тропинка школьная моя...» Атрибуты обязательны. Старайтесь, чтобы ребята делали все самостоятельно. Удачное надо поощрять, а за неудачное пожурить, но при этом, не задевая самолюбия ребят — ведь каждому кажется,

что его выдумка лучше других... Ребятишки — народ очень трудолюбивый, надо только это трудолюбие направить куда надо... А как вы выявляете ребят, способных к творчеству, скажем, к литературе?.. У вас есть учителя, которые любят возиться с ребятами?

Этот вопрос ставит Розалию Владимировну в тупик, хотя до этого она очень внимательно слушала и даже делала себе пометки. Не совсем решительно она ответила:

— У нас все любят...

— К сожалению, бывает так, что не все...— вздыхает Вера Лукинична.— А у вас есть кукольный театр?

— Нет. Клуб «Колокольчик» был. Сейчас вот романтика мучает...

Они долго еще беседуют. И молодая учительница все советы записывает в ученическую тетрадку. И видно, что не зря ехала она сюда, за город.

В учительскую то и дело входят преподаватели, учащиеся и у всех вопросы к Вере Лукиничне. Наконец, поток прекратился.

— Теперь можем поговорить с Вами, Ольга Алексеевна,— обращается Вера Лукинична к вошедшей преподавательнице. Ольга Алексеевна Петракова — подруга Веры Лукиничны со школьной скамьи. Они вместе заканчивали Кызыльскую школу № 1, вместе пошли потом на курсы учителей и начинали работать в начальных классах молодежькими, робкими девочками. Вера Лукинична закончила Московский пединститут имени Ленина, факультет педагогики, а Ольга Алексеевна училась заочно в нашем Кызыльском пединституте. И вот теперь они работают вместе. По роду своей работы Вере Лукиничне приходится бывать на уроках у преподавателей, в том числе и у Ольги Алексеевны, проработавшей в школах и учебных заведениях Тувы 30 лет.

Они усаживаются и начинается беседа по уроку, который Вера Лукинична в этот день посетила. Я тоже была на этом уроке в первом классе тувинской группы. Урок был замечательный. Ведь Ольга Алексеевна прекрасно владеет и русским и тувинским языками, поэтому имеет возможность тут же переводить слова, сравнивать. И все же замечания у Веры Лукиничны есть:

— Ты заметила, Оля, что ребята говорят: «Роял», «Картофел». Надо над произношением работать. Им ведь придется учить детей начальных классов и русскому языку.

— Я волновалась, они шумели...— признается Ольга Алексеевна.

— И зря волновалась. Шум этот был нормальный. Ученику надо произнести слово вслух, проверить, как оно звучит. Ты, конечно, заметила, что часть ребят хорошо говорит по-русски.

а часть — очень плохо. На последних надо больше обращать внимания.

— Да, есть толковые ребята. Особенно Катя Давалай, она очень старательная. А вот Ондар Оюн-оол учится по настроению, только перед стипендией...

— Надо посмотреть, может он вообще случайный человек в педучилище... Мне очень понравилось, как ты с ними переводишь с русского на тувинский и обратно. Ты как председатель методического объединения должна потребовать, чтобы учителя русского языка, работающие в тувинских школах, изучали тувинский язык.

— Да, у нас с этим плохо. А вот мы были в Башкирии, там все учителя русского языка знают и башкирский.

— Я не заметила у тебя, Оля, работы со словарем.

— Да, я это упустила. На других уроках наверстаю. Плохо, что словарей нет. Библиотека наша бедная, а городской читальный зал далеко. Как хочется, чтобы наше педучилище было в городе, как все!..

Так проходит эта дружески-официальная беседа, обогатившая преподавателя. Вера Лукинична часто ездит в разные города страны на курсы, семинары, экскурсии. Все услышанное и увиденное она щедро передает своим товарищам по труду, требует, чтобы и в нашем училище было не хуже, чем у других. В то же время она не гнушается поучиться у своих коллег, радуется, если увидит у них новое, интересное. Надо было слышать, с каким восторгом она говорила об уроках Тадар-оола Андреевича Чооду — преподавателя физики.

— Каждый его урок, — целая академия для ребят. Мы учимся у него искусству даже незначительное явление подать как открытие, заинтересовать, заинтриговать учащихся.

Мои попытки заговорить с Верой Лукиничной о ней самой постоянно терпят неудачу. Она снова и снова сбивается на других, рассказывает о коллегах по работе, об учащихся, их судьбах. Начав об уроках Чооду, она с болью заговорила о том, как неудачно сложилась его личная жизнь.

Уже давно кончился рабочий день, а Вера Лукинична и не собирается домой. Входит женщина. Это родительница одной из учениц. Она интересуется учебой дочери. Вера Лукинична показывает ей отметки, рассказывает о девочке. Потом сама начинает задавать вопросы:

— А с кем дружит ваша Валя? Вы не заметили, как она отзывается о своей будущей профессии? Это очень важно. Хочется, чтобы девочка полюбила детей.

Идет душевная беседа с матерью будущей учительницы. И так каждый день, каждый час. Чужие судьбы, чужие дети... А своя личная жизнь, своя семья?

В городе многие знают Веру Лукиничну — ведь она здесь

старожилка. И часто можно слышать: «Такая обаятельная, такая красивая, умная и... одна. Ни мужа, ни детей». Примерно такой «коварный» вопрос и я задала ей. Улыбнулась своей хорошей, очень светлой улыбкой и сказала: «Некогда было замуж выходить, работа...» Между прочим, среди учителей это не редкость — бессемейственность. Всю душевную щедрость, все время, они отдают своим питомцам, забывая о себе.

Когда же я пришла домой к Вере Лукиничне, то увидела сразу трех ребят — подростка лет 13, шестнадцатилетнюю девушку и юношу 18 лет.

— Это все мои ребятки, у нас дружная семья,— улыбается хозяйка. Потом лицо ее вдруг становится задумчивым, печальным. Она рассказывает грустную историю. Около 20 лет тому назад ее сестра Клава вышла замуж. Но неудачно. Муж был пьяница. Мучил ее, мучился сам. Кончилось тем, что ушел из дому. Дети тяжело переживали эту трагедию. Не легче приходилось и сестрам. Вскоре он тяжело заболел, лег в больницу. Незадолго до смерти позвал к себе всех детей, и мать была свидетельницей его позднего раскаяния в непутевой жизни.

Вскоре заболела и Клава. Все заботы о детях Вера Лукинична взяла на себя. А года два тому назад сестра умерла. И остались трое ребят на руках у Веры Лукиничны. Старший Саша пошел работать, младшие учатся. Названная мать смотрит на них с гордостью, потому что все они славные, послушные ребята и, видать, очень любят свою вторую мать, давшую им столько хорошего, человеческого, что на всю жизнь хватит.

Уезжая на целый день на работу, Вера Лукинична знает, что ребята наведут порядок в доме, сготовят обед, купят продукты. Очень часто она задерживается в училище до позднего вечера, потому что немало проводится разных внеклассных мероприятий. На всю республику прогремели «Огоньки» в училище. Готовит такой «Огонек» один класс. Темы — самые различные: встречи с писателями, композиторами, художниками Тувы, о дружбе народов, о космосе, о комсомоле. Вечера проходят в очень уютной, задушевной обстановке за чашкой чая. Готовятся к этим дням и концерты. Сейчас это стало уже традицией. А ведь было время, когда Вера Лукинична и ее товарищи по работе приложили к этому немало сил и энергии.

Или взять пресс-конференции. В прошлом году проводились политинформации. Скучно проходили и потому ребята посещали их с неохотой.

— А почему бы нам не сделать все по-другому?— задумываются ребята из 1 класса «Б».— Давайте сделаем так: во время политблеса делать обзор той или иной страны, той или иной республики Советского Союза.

— Чудесно, молодцы,— хвалит Вера Лукинична.— Но тут

одно условие: обзоры должны быть интересными, занимательными.

Так и решили. Начали с Италии. Ребята увлеклись по-настоящему. Искали не только журналы и книги об этой стране. Ходили в кино, достали репродукции картин. Даже искали людей, которые бывали в этой стране, но не нашли. Зато когда изучали Индию, Чехословакию, Болгарию, Польшу, Испанию, ГДР, то нашли в Кызыле очевидцев, которые посещали эти страны. Тем, кто готовит обзор, присутствующие задают вопросы, иногда каверзные.

Все эти разные внеклассные дела проводятся не только для того, чтобы организовать досуг учащихся, но чтобы они учились на этом сами. Ведь им тоже придется заниматься такой же работой в школе.

— А если не сумеешь увлечь, зажечь ребят, — какой же ты учитель? — говорит Вера Лукинична, как бы обращаясь к своим питомцам.

Весь март Вера Лукинична прожила в Москве, где посещала курсы завучей педучилищ. Приехала с чудесным весенним настроением. Встретила там своих подруг, с которыми когда-то училась в институте. А сколько нового, интересного узнала!

— Есть что рассказать моим товарищам по работе, ребятам, — говорит Вера Лукинична.

И снова — товарищи по работе, ребята... Поистине — все отдается людям.

Лариса ЧЕТВЕРИКОВА

СТЕПЬ И ЖЕНЩИНА

Конь нехотя бредет за отарой. Он как бы недоумеваает: почему хозяйка не понукает его, не торопит. Может, задумалась? Похоже, что так. По ту сторону отары виден другой конь, на котором крепко восседает хозяин — Монгук-Хол Лопсанолович Донгак. Тут же носится Кезерек — верный страж. Изредка слышен его лай — значит, подгоняет зазевавшуюся или ушедшую в сторону овцу. Пятый год он живет у них. И когда Чигден Кармаевна выезжает одна в степь, он — лучший ее помощник. Так думает она, когда собака громким лаем отвлекает ее от тех картин, которые проносятся у нее в голове.

Четверть века прожила она вместе с мужем. Молчалив он, слова лишнего не скажет. Но она привыкла к его характеру. Поэтому в их юрте, что стоит недалеко от реки, в низинке, чаще слышен ее голос. И муж очень ценит ее советы. Промолчит в ответ, а сделает, как жена сказала.

Женщина обводит взглядом отару и снова погружается в свои мысли. Совхоз поручил им важное дело. Вот идут овцы. Где же Елочка? О ней особенно болит душа. Летом она сломала себе ногу. Чигден Кармаевна заботливо лечила ее, как ребенка малого. И помогли ее старания: снова Елочка выходит далеко в степь.

Перед глазами — новые видения. Зима, холод. А она несет в иначеее (специально сделанном мешке) давно ожидавшегося и все же неожиданно появившегося ягненка. Крепко прижимает его к себе, пытаясь согреть своим теплом. Бывает, что едет она на коне, а за веревку тянет саночки, на которых лежит ягненок, только что увидевший свет. Хозяйка торопится, и конь, чутко улавливая ее настроение, спешит к дому.

Сейчас хорошо, меньше хлопот, овцы нагулялись за лето, острижены. Их искупают и можно будет готовиться к кочевке

в горы, на обжитые не одной зимой места. Вот спроси мужа, он не сразу ответит, получат ли они до конца года молодое пополнение в отаре. Обязательно вопросительно посмотрит на нее. А она-то всех овец, которые еще порадууют их ягнятами, «в лицо» знает. Поэтому и в степи чаще стала останавливать коня, чтобы лишний раз посмотреть, как они, не притомились ли, не зашибли ли ноги. А когда они собираются у деревьев, что растут у реки и заслоняют юрту и отару от шальных ветров, женщина по нескольку раз ночью выходит к овцам или будит мужа: «Сходи, посмотри».

Да, сейчас забот поменьше. И она вспоминает те зимне-весенние месяцы, когда идет массовое ягнение. Вот тогда действительно горячая пора. Они с мужем забывают про сон, про еду. Просто некогда сварить суп или вскипятить чай. Случаются, случаются такие дни. Ведь приходится принимать до пятидесяти ягнят! В помещении, где они размещают «ново-рожденных», у нее заранее расставлены пузырьки с лекарствами, разложены таблетки. На всякий случай. Завернув полу халата, она кладет туда сухую подстилку и бежит в кошару, быстро меняет старую. Спроси ее, и Чигден Кармаевна покажет, что ягненок с черным пятнышком на лбу вон от той овцы — с сильно загнутыми рогами. А этот, в белых чулочках, от той, что любит ходить с левого края отары. Муж, пожалуй, такого не скажет. Его можно понять, у него — свои заботы. Она же — женщина, и какую-то присущую только им нежность может перенести на беспомощных ягнят. Ее руки согрева-ют их в первые минуты жизни, ее сердце переполняется материнской жалостью к ним. И радостно, когда все они здоровы, растут и прибавляют в весе. И тревожно, когда подросшие, окрепшие они уходят в другую отару, к другому чабану. Как-то им будет житья на новом месте? За три года около тысячи ягнят (какая отара!) получили и сохранили они с мужем.

Чигден Кармаевна смотрит на небо: «Неужели будет дождь? Вот уж совсем некстати». Он всегда вызывает у нее неприятное чувство, воспоминание о том несчастном дне. Весной 1963 года прошли у них сильные дожди. Овец уже успели остричь. Намокнут под дождем, остынут — беды не миновать. Вместе с мужем они гнали их под спасительные деревья, пустили их здесь по кругу, держали в одной куче, чтобы не замерзли, чтобы не разбрелись — тогда гибель. И сохранили всех до единой.

Трудная для них выдалась та весна. Снег уже растаял, но они еще не откочевали на летние пастбища, жили на зимней стоянке. Муж уехал по делам. Она слышала, как двое людей миновали их дом, проехали дальше. «Видимо, за сеном», — подумала женщина. Остатки стога находились не очень далеко от стоянки. Когда Чигден Кармаевна вышла случайно из дома,

она не увидела мужчин, но ее зоркие глаза степной жительницы сразу приметили такое, от чего у нее чаще забилося сердце. Горела трава. Огонь медленно, но верно охватывал все новые и новые участки, надвигаясь на их стоянку. Женщина не успела набросить на голову платок, а на плечи — пальто. Она схватила кошму, фуфайку, позвала ребятишек. Они мочили кошму и фуфайку в воде, а мать тушила ими горевшую траву. Она думала, что время остановилось, такой длинной показалась ей ночь. К утру потухли последние искры. И тогда Чигден Кармаевна облегченно вздохнула: скот был спасен. Дочка тянула ее за подол платья: «Иди, умойся, ты же вся черная». Мать погладила ее по волосам и устало улыбнулась.

Может, в центре Белдир-Шатской степи стоит их юрта. Никто не может сказать утвердительно, так как никто точно не измерял эту местность. Отара подошла к реке, одни овцы спустились сразу к воде, другие лениво щипали траву. Через некоторое время они сбились в кучу и затихли, отдыхая после стольких километров пути.

Вспыхнул веселый огонь в железной печурке. Запахло бариной, ароматным тувинским чаем. Чигден Кармаевна хлопотала у печки, разливая суп по тарелкам, нарезаая тонкие ломтики хлеба, разливая по пиалам чай. Трое важных малышей спокойно ждали, когда мама подаст им чашки.

И пошел неторопливый разговор. «Как думаешь, выполним мы свои обязательства?» — роняет Монгук-Хол Лопсанович. — «По всему видать, что слово сдержим. Обгоним Баяна Ооржака, — уверенно отвечает жена. — К зимовке надо лучше подготовиться». Они полностью заготовили на зиму корм для овец, навоз для подстилки. Но требуется еще расширить кошару. Перед самой кочевкой съездят на стоянку, побелят избушку, протопят печь, сделают последние приготовления. С наступлением холодов распрощаются с этим обжитым местом.

Взяв одного из малышей на руки, Чигден Кармаевна продолжает разговор. Вспомнили, как пришлось им однажды, под конец зимы, когда не хватило кормов, расчищать клином снег и пускать на очищенные участки ослабевших овец и ягнят. Теперь они постараются сделать все, чтобы не повторились подобные дни, чтобы не повторилось то чувство вины перед беззащитными животными, которое не покидало их тогда.

Засыпают малыши на кровати, а перед матерью всплывают лица тех, которые живут в совхозном поселке Чира-Бажи, и тех, кто учится в республиканском центре. Как они обходятся без нее? Старшая дочь имеет свою семью. Алдын-кыс жила с ними, доброй была помощницей. Отправили ее хозяйничать в дом, который имеется у них в поселке. Пусть готовит обеды школьникам, следит, как они делают уроки, не шалят ли. Четверо их там, да одна в интернате живет. Дочь Клара со време-

нем станет педагогом, а сын Онер — механизатором. Всего детей двенадцать. И когда они летом слетаются к родимому очагу, то в юрте с утра до вечера стоит гомон от звонких ребячьих голосов. Они охотно помогают родителям присматривать за отарой.

Мать-героння — так называют в совхозе «Чира-Бажи» Чигден Кармаевну Донгак. Женщину, покорившую степь, о которой она говорит: «Где зайцы лежат, и то знаем». Чабана, которая много лет бок о бок трудится вместе с мужем, делит с ним поровну все радости и невзгоды. И она не может даже представить себе жизнь иной: легкой и беззаботной.

Чигден Кармаевна выходит из юрты: что-то муж долго задержался у отары, не случилось ли чего. Навстречу ей, виляя хвостом, выскочил Кезерек. «О, какой звездный шатер, какое ясное небо. И в степи тихо. А я-то боялась, что будет дождь», — думает женщина.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Доржу КУУЛАР

ПЕРВЫЙ ТУВИНСКИЙ РОМАН

Весть о создании тувинских романов распространилась уже давно. Отдельной книгой вышел в свет первенец тувинского романа — «Стремнина большой реки» М. Кенин-Лопсана.

Роман «Стремнина большой реки» своеобразен. У него есть и второе, поясняющее название — «роман в трех тетрадах». Оно в некоторой степени смущает читателя своей новизной. До сих пор были известны романы в стихах, романы-диалоги, трилогии и т. д. А что такое «роман в трех тетрадах»? Автор выбрал данное название, конечно, не с целью оригинальничания, а сознательно и обоснованно. Давая своему произведению такое название, он подчеркивает, с одной стороны, что объем жизненного материала, который лег в основу художественного обобщения, невелик по масштабу, может поместиться в тетрадь и, следовательно, роман не претендует быть энциклопедией жизни тувинского народа. С другой стороны, сочетание «роман в трех тетрадах» указывает на то, что произведение состоит из трех самостоятельных, по в то же время взаимосвязанных частей. Иначе говоря: «Стремнина большой реки» — маленькая трилогия.

Если подходить с чисто литературно-теоретических позиций, роман этот необычен... В нем нет сквозной сюжетной линии, нет главного героя. На первый взгляд, такое построение идет вразрез с требованиями жанра. Но роман все же воспринимается нами как художественное целое.

Секрет кроется в том, что в книге реалистически нарисована жизнь людей в трех взаимосвязанных ситуациях, в повседневности жизни определенного исторического времени, в любви и в дни великого испытания. Три составные части народной жизни и мера участия людей в них — таков символический

смысл произведения. Все три части романа объединены образом основного (но не главного) героя Саадака.

Конечно, литературоведческий анализ романа — дело будущего. Здесь уместно напомнить только следующее. В своеобразии композиционного построения романа «Стремнина большой реки», возможно, нашли свое отражение два момента. Во-первых, чувствуется влияние советских романов раннего периода. Как известно, общей особенностью этих романов является эпизодичность изображаемых событий, в то же время ощутимая связь между ними, что создает впечатление художественной целостности произведения и образует причинную связь явлений.

Во-вторых, в творчестве автора «Стремнина большой реки» нашел своеобразное преломление недавний спор о современном романе. Такое значительное явление в истории советского романа, как появление «Тропки» О. Гончара, сыграло, как нам думается, немалую роль в судьбе романа «Стремнина большой реки».

В каждой главе исторические события несколько отодвинуты, а на первом плане даны эпизоды жизни, переживания, поступки героев. Но читатель все время чувствует теснейшую связь мыслей и поступков героев с главными событиями тувинской действительности конца 30-х и начала 40-х гг. — коллективизацией, вторжением в жизнь новых социалистических принципов и патриотическим движением народа.

Роман достаточно объемён, многотемён и многопланов. Все они связаны по принципу соподчиненности частей целому.

В первых главах «Тетради весны» мы узнаем, что с арамом Саадаком произошел трудный случай. Саадак — в общем-то активный человек, по духу времени — вполне передовой, но в некоторых сложных обстоятельствах он порою не находит верного решения. Он участвовал в борьбе за укрепление народной власти, а сейчас работает председателем арбана. Но вот создается совершенно новая ситуация: организуется тозем. Саадак полностью внес свою долю в общественный фонд. Однако его недоброжелатели пустили слух, будто он отдал недоброкачественный скот, а лучших лошадей оставил у себя. На основании этих разговоров его не приняли в тозем. Ему надо было бы доказывать свою правоту, идти искать правду. Но у него нет в таком деле опыта, да и трудновато ему принять окончательное решение. Он ведь проходит всего лишь начальную школу политического воспитания.

Всеми причиной был его любимец, прославленный во всей округе конь Сарала. Саадак ухаживал за ним по-особому, поэтому и боялся отдать его в руки других. Сарала был духовной потребностью хозяина, а не тягловой силой. На любом празднике конь завоевывал первый приз, имя хозяина благо-

даря Сарала стало известно далеко за пределами хошуна. Даже прославленные воры боялись украсть Сарала, потому что его знали во всех хошунах. Вот почему Саадак пожалел своего коня. А люди не поняли старика, ранили его сердце. Сарала был для него слишком дорог, а тозем — заманчив своей новизной. Но старику не дали выбирать. Он оказался вне нового коллектива, в стороне от своих односумонцев... Далее повествуется о том, как трудно дается жизнь одинокому крестьянину.

Саадак сильно переживает случившееся. Это хорошо видно из разговора героя с Узун-Кулаком. Отвечая на вопросы Узун-Кулака о дальнейших планах жизни, Саадак правильно рассуждает о нелогичности случившегося с ним. В заключении разговора Саадак решительно говорит: «Посев как-нибудь закончу в одиночку, а осенью обязательно вступлю в тозем «Чодураалыг». Семья у меня большая, сам я уже постарел, так что не могу свернуть в сторону от проторенной дороги народа». Это говорит о том, что герой не уединился, не ушел в горы, а сердцем был среди тоземцев. Он по возможности помогает своим друзьям. Когда возник вопрос о строительстве клуба — очага новой культуры, Саадак одним из первых отправляется на эту работу. Духовный мир Саадака сложен и противоречив, но тяга к новому берет верх.

В «Тетради любви» создана исторически достоверная картина, если можно так сказать, любви по-тувински. Современному читателю могут показаться странными моменты знакомства, место встречи, формы обращения друг к другу молодых героев Чанчыка и Тоглаа. Писатель рисует любовные отношения людей на грани отмирающего старого и зарождающегося нового мира. Во взаимоотношениях Чанчыка и Тоглаа видны следы норм прошлой жизни и властного вторжения новых принципов. Традиция предков сохраняет силу, и молодые не могут еще бесцеремонно нарушать ее. В то же время на них действует веяние нового времени. Они рассуждают о свободе личности, о свободе выбора жизненного пути и о праве человека самому решать вопросы любви и брака.

Вот и создалось сложное положение, в котором сталкиваются два мира: мир старшего поколения, традиция решать судьбу молодых людей волей старших и мир новый. Мать Тоглаа хочет отдать дочь за состоятельного человека. Но Чанчык решает увести свою любимую к себе домой. В такой форме новое одерживает победу над старым. Так началась, говорит нам роман, ломка старых традиций в тувинской жизни, в борьбе с которыми одерживают победу новые советские нормы людских взаимоотношений.

«В тетради судьбы» повествуется о патриотическом подъеме аратов в первые дни Великой Отечественной войны. Ара-

ты отдают Красной Армии своих лучших коней, живут одним желанием — помочь братскому советскому народу укрепить тыл армии. Здесь наиболее ясно проявляется характер Саадака. Если при организации тозема он, может быть, все же «скривил душой», проявил свою слабость, показал политическую неграмотность, то, услышав о великой беде, не задумываясь отдает своего Сарала в помощь фронту. Он заинтересован в скорейшей доставке подарка тувинского народа Красной Армии и, несмотря на свою старость, добровольно гонит лошадей через Саяны до Абакана. В этом патриотическом поступке хорошо проявился сильный характер Саадака. Мы видим, что Саадак отлично разбирается в бурных исторических событиях. Он умеет отличить события, имеющие решающее значение в судьбе народа, от других событий, имеющих второстепенный характер в данной обстановке. Трезвый ум, искреннее сердце руководят поступками героя.

Таким образом, жизнь, мысли, поступки Саадака противоречивы, но в самом главном он — с передовой частью аратов, живет заботами и тревогами своего времени.

В «Стремнине большой реки» есть и ощутимые недостатки, характерные для многих произведений тувинской литературы.

Бледны образы партийного и советского работников Шыдыраа и Самнаар-оола. Эти люди появляются эпизодически и исчезают, не оставляя следа. Резко ощущается слабость связи между частями романа. Если между первой и второй, первой и третьей тетрадами чувствуется жизненная связь, то между второй и третьей она почти отсутствует. Имеются лишние детали и целые картины. Например, эпизод с разгоряченной лошадей Узун-Кулака заметной роли в развитии событий не играет, да и познавательную нагрузку не несет. Отвлекает внимание повествование об уборке сена. В жизни арата это, конечно, — немаловажная деталь, но необходимость ее описания логически не напрашивается. Это наводит на мысль о том, что выбор главного материала сделан писателем недостаточно требовательно.

Конечно, эти суждения о недостатках могут быть рассмотрены лишь как субъективные выводы автора данных строк.

Несомненно, радостно то, что тувинская литература вышла на широкие просторы, что означает ее значительный шаг к вершинам зрелости.

Мария ХАДАХАНЭ

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ

В десятом номере «Сибирских огней» напечатана «Повесть о светлоголовом мальчишке»¹ тувинского писателя Степана Сарыг-оола. Писатель рассказывает о своем детстве и отрочестве, создает своего рода автопортрет, хотя рассказ в нем дается от имени вымышленного героя. Яркими самоцветными красками изображено безрадостное детство мальчика-сироты, его беды, огорчения, хождения по мукам в поисках своего счастья. Сквозь тяготы бедствий, дикого суеверия пробивается живая душа человека. В книге много темных красок жестокой действительности Тувы начала 20 века, но перед темным ара́том начинают проясняться новые горизонты жизни.

В повести созданы привлекательные образы ласковой матери Майндыр, заботливого отца Шумураш, дяди Шевер-Сарыга — мастера на все руки, мудрой «старенькой мамы» Чезен-кадай, брата Бадый-оола, девушки Долбанма и многих других. Мальчик Ангыр-оол учится твердо ступать по земле, на каждом шагу увлеченно постигая суть жизни окружающих его людей. Описания детских шалостей озорного живого мальчишки, его первых вылазок за ягодами, «исследования» муравьев сменяются трагическими картинами. С пристальным вниманием и верой в будущее писатель всматривается в самые незначительные перемены в жизни арата.

Все дальше удаляется мальчик от порога родной юрты, узнает соседей и дальних родственников, бродит по тайге, поднимается на перевалы. Он часами, долго и терпеливо может наблюдать повадки зверей, птиц и насекомых, учится понимать и любить родной край, свою землю. Но вот умирает мать. Мальчик переживает первое горе, детскую обиду, чувство одиночества. Ламы обобрали семью покойной дочиста, ополо-

¹ «Сибирские огни» 1965, № 10.

винили стадо. Похороны, угощения, подношения, поминки почти разорили семью. Дети уходят от родного очага в найм к богатым сородичам. Существующие патриархально-родственные отношения превращают сироту в дармового батрака своих дядей и теток.

Ангыр-оол становится «тенью скота», «ухватом для кухни», «пяшей, дояркой, работником в поле, дровосеком». Праздники для него были самыми горькими днями, потому что родня веселилась, а он один работал, голодный и полураздетый. «Найдешь укромное местечко, где тебя никто не видит и никто не слышит, да и поплачешь или напоешься вдосталь, тогда и на душе легче станет и глаза светлее смотрят на мир». Неудивительно, что когда он молится, то молитва его выглядит так необычайно и малобожественно: «Кому попало не давай обижать меня, не оставляй живот мой без пищи, не давай мерзнуть моим ногам и телу без одежды и обуви».

«С утра до темноты пасешь овец, телят, заготавливаешь топливо и таскаешь его на своей, покрытой одними лохмотьями, спине»,— говорит писатель в главе «У родственников». Горемычного сироту ругают недовольные хозяйки, дразнят сынки богачей. В бесхитростном рассказе маленького человека о своих горестях автор рисует картины социальной несправедливости в жизни феодальной Тувы. Эти переживания социально-типичны.

В душе Ангыр-оола зреет протест против неустроенной, сиротской жизни, пробуждается ранний интерес к общественным событиям, растет сознание несовершеннолетнего батрака, который начинает искать причины нищеты и бедствий своего народа.

Лучшим другом и советчиком выступает старая бабушка. От ее неторопливой мудрой речи, полной блеском народного ума и юмора, делается намного легче и светлее. Это она старается оградить его от лишних обид, объясняет ему байские нравы и причины религиозности народа, приучает его к трудолюбию и честности, рассказывает о восстании 60 богатырей. «Молодец, сынок, хоть во сне одного чиновника уничтожил»,— говорит она внуку. В ее устах особенно социально заостренно звучат афоризмы и притчи. «Хоть руки бабушки были худые, обветренные и шершавые, но мне их прикосновение всегда казалось мягким и нежным. Словно она гладила не голову, а сердце мое. Она будто извлекала из печени моей черный камень печали своими старыми умелыми руками».

В песнях, далеко в степи, изливал он свое горе и гнев:

Среди ваших отар
У меня даже ягненка нет,— пусть разбредаются,
Среди ваших табунов
У меня даже жеребенка нет,— пусть разбегаются.

Одной из наиболее сильных в идейно-художественном отношении является глава «На Тандинском перевале». После ночного бродяжничества по тайге наедине со своими страхами, разыгравшимся воображением, страшными рассказами о медведях, затаившихся у дороги в ожидании жертвы, вконец измотавшись физически и морально от холода и голода, Ангыр-оол наконец встречает двух стариков охотников Чарыкчака и Тойлу. Они приветили, обогрели, накормили мальчика. «Я сидел у огня, среди добрых хороших людей и так хорошо пахло вкусной едой. Пока есть на земле такие добрые люди, человек не пропадет». В этих эпизодически проходящих образах воплощены лучшие духовные качества простых аратов. У них мальчик учится человечности, бескорыстию, справедливости.

В главах, рассказывающих о судилище и зверской расправе чиновников над бедняками, раскрываются картины насилия и попрания человеческого достоинства арата. Исподволь нарастает протест против байства, постепенно вырабатывается понимание несправедливости существующего уклада жизни.

«Здесь перед нами зло во весь свой огромный рост, ужасные муки и несправедливость. Здесь били, толкли и обрабатывали живое человеческое тело».

Писатель останавливает внимание на страшных картинах пытки и истязаний, когда ремнем бьют по щекам, толстой лезиной по спине, сажают голого человека на мелкий щебень, зажимают пальцы в специальном станке, надевают на шею деревянный хомут, засыпают в глаза рубленый конский волос, подвешивают вниз головой над костром. Особенно усердствует чиновник — садист и насильник Шавыра. Вот что сделали чиновники с Шевер-Сарыгом — мастером-умельцем, жизнерадостным весельчаком и сказочником, получившим тысячу ударов:

«У Шевера голова вся затекла: шею не было — будто огромный котел без носа с кровяными белками вместо глаз, положен на плечи. Ноги его от поясницы до пяток были цвета закопченной чаши, кожа то здесь, то там лопалась, источая кровавый гной. У лодыжек была видна голая кость — мясо и кожа были сорваны кандалами. Ногти на толстых неподвижных пальцах были зелеными, как медные гильзы». В этом человеке остались только чудесные ослепительные зубы да веселый голос. У родных поднимается чувство гордости за необычайную смелость и мужество этого кремневого человека. Они понимают, что правду не спрячешь, что законы несправедливы.

Психологически тонко и убедительно писатель описывает страшные игры детей. Они перепробовали на себе все орудия

истязаний, совали ноги между бревен, садились на битый камень и разыгрывали в лицах картины суда. В этой сцене большое социальное обобщение. Детским сердцем они принимают народную правду, учатся у старших стойкости и мужеству. Здесь нет еще классово-осознанного протеста, но прорываются первые нотки борьбы. Так живет, кипит, страдает, радуется и сомневается аратская масса. Герои не выдуманы, а почерпнуты со дна жизни.

В повести показаны эпизоды дружеского сближения с русскими врачами. Своим отношением к тувинцам они пробуждают чувства признательности у аратов. В главе «Мне привил оспу русский доктор» показаны противоречивые чувства людей, впервые увидевших русских. Здесь и разговоры о том, что русский человек есть утром не может, если не поработает, и что женщины у них любят плакать. Араты пугаются специфического лекарственного запаха. Встреча рассеивает клевету феодально-байского толка. Мальчик Ангыр-оол навсегда запоминает светлые, как незрелая смородина, глаза русской девушки, тепло ее нежных чистых рук: «это было первое мое знакомство с русскими и те три следа, что сделали они на моей руке, так и остались навсегда в моем сердце». Это звучит глубоко символично.

Книга насыщена этнографическим колоритом. Эта традиция детализации быта характерна не только для творческого почерка С. Сарыг-оола, но и вообще для младописьменных литератур. «Без местных красок и без национальных обычаев, мыслей, национальности характеров в действующих лицах нет ни вида реальности — правдоподобия в действии, ни осязательности в действующих лицах»¹.

Национальная форма проявляется не только в языке и быте, но в национальном складе характера героя. Подчеркиваются лучшие качества тувинца: свободолюбие, миролюбие, гостеприимство, уважение к старшим, любовь к детям, жажда знаний, простодушие и бесхитростность, творческая одаренность. Передача национального колорита связана с проблемой быта народа. Писатель описывает трудовые будни народа, сезонные кочевки, жизнь в тайге и степи, религиозные верования в духов неба, гор, земли и воды; похороны, свадьбу, новогодний праздник — шагаа. Сарыг-оол становится художником все более народным. В этом своя диалектика: делаясь все более тонким психологом, он одновременно все смелее проникает в глубины тувинского характера. Особенно колоритно показан праздник, когда все чистят, моют, выбивают от пыли, приводят в полный порядок. В этот день появляется иллюзия счастья, все сыты, довольны и приветливы.

¹ Н. Чернышевский, т. XII, М., 1949, стр. 129.

Резкое заострение положительных или отрицательных черт соответствует народному вкусу. С большим сарказмом нарисован образ скупого богача Херик-Кожая. Четверо здоровых парней, которым ничего не стоит съесть за один присест барана, сговорившись, приходят в гости к богачу и навлекают на его голову насмешки всей округи. «Для хозяина считалось большим позором, если угощения не хватит, если какой-то гость скажет, что он еще не сыт. Это позор и беда. Дополнительно готовить в присутствии гостей также не положено». Парни вылизывают чашки в знак того, что они не наелись, тогда как обязательно положено хотя бы немного пищи оставлять в посуде как насытившемуся.

О разнообразных обычаях и суевериях узнаешь из книги. Нет более страшного ругательства: пусть вытечет вся материнская кровь! Существует поверье, что счастье может убежать из юрты вслед за красивой девушкой. Возгласом: Курей, курей! — заклинают счастье разделиться пополам.

Это изображение «домашней жизни народа» (Белинский) имеет историко-познавательное значение. Однако чрезмерный бытовизм замедляет действие повести, ослабляет связь между событиями, есть ряд художественно неоправданных информационно-этнографических кусков, которые выглядят как исследование, а не художественное изображение. Описание превращается в самоцель.

Недостатком повести является и некоторая композиционная рыхлость, отрывочность, необязательность многих вставных и малозначащих эпизодов. Автор подавлен богатством изображаемого материала, боится что-либо пропустить из бытовых особенностей, теряя чувство меры. Тогда появляются повторения, возникают логические несоответствия.

Трагедийные главы смерти матери сменяются эпически спокойными описаниями живой природы. Этот спад в развитии действия перед новой бурей — картинами суда. Мгновения тишины подчеркивают силу надвигающейся бури. Здесь сказался такт и мастерство художника. Начало и конец повествования обрамлены поэтическими картинами, пронизанными светлым мироощущением.

Чтобы понять как возникают в одной литературе в одно время разные произведения, нужно искать не влияние одной книги на другую, а влияние на все книги действительности, в которой эти книги создаются.

Жизнь С. Тока и С. Сарыг-оола, людей одного возраста, проходила почти в одинаковых условиях. Поэтому материал, художественно осмысливаемый обоими писателями, едва ли не один и тот же, но разница в изложении, в «подаче» этого материала очень большая. Это как бы два с разных сторон направленных прожектора, свет которых хорошо дополняет

друг друга. Каждый из них своеобразен и по-своему глубок. У С. Тока на первый план выступает социальная окрашенность, открытая гражданственность. С. Тока избирает подчеркнуто аналитическую манеру прозы, а С. Сарыг-оол — поэтическую, эмоциональную. С. Сарыг-оол глубоко проникает в душу и поднимает новые пласты. Главы очень короткие, порой являются самостоятельными повеллами, захватывает своим обаянием «высокогорная» чистота языка, умение просто рассказать о большом, о глубоком.

С. Сарыг-оол зачастую переходит на ритмичную, «стихотворную» прозу. Песенная поэтичность, психологическая конкретность в изображении героев отличает стиль Сарыг-оола, его манеру письма, в котором в полную силу звучит богатый оттенками, тонами и полутонами народный язык. Художественный стиль Сарыг-оола развивается в сторону все большей эпичности. На место романтической живописи «Белека» приходит глубоко психологический драматизм.

С. Сарыг-оол широко использует в своем произведении фольклорные мотивы: легенды, поверья, преданья, пословицы и поговорки. Это придает повести оригинальность, необыкновенную поэтичность и живописность. Мать и бабушка рассказывают мальчику Ангыр-оолу сказки и притчи о добрых и злых духах, об окружающем мире. Все это раскрывает духовный мир народа, щедрость его ума и красоту чувств.

Своеобразный национальный колорит придает повести обилие пословиц и поговорок: «Человек вырастает из ребенка, лошадь — из жеребенка», «Войлок растягивается, человек растет», «Траве вечно не зеленеть, времени на месте не стоять», «За вымя взять бы — коровы нет, седло положить бы, лошади нет», «Собака слюной не насытится, чиновник — поборами», «Правда с коленную чашечку затмит черную гору лжи».

Поэтизация духовной мощи народа ярко выразилась в образе старика сказителя Одучу, который «рассказывает, как на камне высекает». Сказителю подают угощение, которого даже не всякий лама удостоится. Меткость определений, сравнений, метафор отвечает укладу самой тувинской жизни. «Бабушка, словно верблюдица, потерявшая детеныша, протяжно и страшно кричала», «Девушка запрыгала, словно теленок весной, с привязи спущенный», «Жалкие загнанные глаза ламских послушников поблескивали, как глаза ягнят, которым не дали сена».

Много добродушного, порой грубоватого юмора в шуточных обращениях: «Мой маленький соенок», «эй, сидя составившийся», «кукушка брехливая», «сонливый мешок».

Речь автора близка и понятна народу и в то же время смела и неожиданна для русского читателя: «Они стали близки, как два уха у лошади, как два соска у кобылицы», «из любой

дырки холод язычки высовывает», «сердце хотело выскочить в рот». По-восточному пышно и красноречиво выглядят такие метафоры: «Хвататься за гриву последней надежды», «я чуть не расплескал перед ней сосуд своей тайны». В повести звучит много песен. Наиболее удачно использованы народные песни в главах суда. Эти песни — отклики, комментарии народа к происходящим кровавым событиям, песни гнева, звучащие как своеобразный хор за сценой. Писатель ценит такие качества, как настроение, внутренний подтекст, сочность красок.

В целом повесть углубляет и дополняет картину жизни народа, отраженную тувинской литературой. Обращаясь к прошлому с высот настоящего, писатель — очевидец событий оживляет в памяти народа его трудный и суровый путь. Рождается особый историзм тувинской повести. Книгу характеризует большое искусство рассказывания, умелое использование богатств народного красноречия. Поэт М. Скуратов так отозвался об этой книге: «Повесть вся покоится на глубоком знании тувинской народной жизни и полна трепета жизни, ощущаешь талантливую руку мастера, глаза и сердце истинного художника».

В адрес С. Сарыг-оола поступило ряд писем от читателей — механизаторов, колхозников, учителей. Вот что пишет группа 70-летних стариков Бай-Сютского дома престарелых: «Эта книга не только подлинная история каждого из нас, но людей нашего поколения. Это не только художественное произведение, но и труд, имеющий большое этнографическое значение для будущих поколений. Мы смеялись от души при забавных моментах, некоторые плакали, когда бабушка, убитая горем — смертью дочери, изливала свою душу. Нас охватывали гнев и возмущение, когда описывалась жадность лам, зверская жестокость феодалов... Да мы пережили все это в свое время, по горло испытали и хорошо, что оно безвозвратно ушло в прошлое. Мы чувствовали гордость за несгибаемую силу и волю молодых удальцов перед зверскими пытками на судилище. Это хорошая и полезная книга».

Перевод сделан москвичкой М. Ганиной, которая сумела войти в мир образов, с большой любовью к оригиналу, воссоздала на русском языке тувинскую атмосферу и передала своеобразие писательской манеры С. Сарыг-оола, колорит его речи.

Переводчица бережно относится к поэтическому синтаксису, вместе с автором рисуя прекрасный образ матери, мелодичный звон ее сережек-колокольчиков. В переводе сохраняются такие выражения материнской нежности как: собачка моя, щеночек мой, соенок мой, верблюжонок мой. Картинно, впечатляюще переданы многие и горькие, и радостные события. Незаметно вплетены разного рода оттенки и тени, художест-

венно и логически необходимые перестановки, отчего заиграли в новом свете хорошо знакомые главы повести. Весьма редки ошибки в написании тувинских имен и слов, что еще раз свидетельствует о том, как необходима длительная совместная работа автора и переводчика. И если кое-где проскальзывают руссизмы, то их просто не хочется замечать. Можно поздравить переводчицу М. Ганину с успехом — она сумела стать другом и союзником писателя и порадовала русского читателя неожиданно интересным открытием Тувы.

Думается, что повесть С. Сарыг-оола найдет дорогу к все-союзному читателю.

Николай СЕРДОВ

СЕРДЦУ НЕ ПРИКАЖЕШЬ

Автор повести «Сердце велит»¹ собрал большой жизненный материал, первым из русских прозаиков попытался воссоздать образ тувинского интеллигента — руководителя коллективного хозяйства. В повести немало удачных мест (о колхозных строителях, о чабанах), много верно выписанных картин тувинской природы. Язык, в целом, прост и доходчив. И если ниже будет говориться больше о недостатках, о не получивших должного развития коллизиях, то, разумеется, не для умаления этих достоинств, а только ради литературоведческого поиска того, что ждет, требует наш читатель.

И еще одна, пожалуй, самая главная побудительная причина для большого разговора. Нужно сверить книгу с жизнью, ибо она затрагивает коренные проблемы сельской тематики, которая имеет как свою предисторию, так и свое большое будущее в новых художественных произведениях, раскрывающих колхозное строительство, стирание граней между городом и деревней, прораствание коммунистических отношений.

Колхозная тематика была и остается самым значительным полем приложения творческих сил писателей Тувы. О сельской жизни писали и пишут, используя различные литературные жанры, писатели С. Сарыг-оол, С. Тока, О. Саган-оол, С. Пюрбю, А. Даржаа и другие. Поэтому совсем не лишне «сверить часы», уточнить и углубить сельскую проблематику в целях ее более яркого и содержательного разрешения.

* * *

На желтом фоне в строгом строю застыли черные буквы, образуя два многозначительных слова: «Сердце велит».

¹ Н. Растрепин. «Сердце велит». Изд-во «Советская Россия», М., 1965.

Сердце... Но где же оно, это сердце?! Где житейские бури? Бури не в стакане воды, а на вольготном поле жизни, где вырастают волевые характеры, сталкиваются разные человеческие судьбы. Их нет...

А почему? Ведь в книге налицо почти все атрибуты колхозной жизни — многоотраслевое производство и быт крестьян, механизаторы и специалисты, школа и клуб. Не забыты и передовики, не обойдены стенная печать, соревнование, самодеятельность. Есть положительный герой, персонаж первого плана — колхозный председатель Шулуу Куулар. И все же... Попробуем ответить на этот, как нам кажется, заглавный вопрос.

Художник слова не может удовлетвориться рассудочным изложением событий. Слова и поступки, идущие не от сердца, а лишь от холодного, пусть даже сильного ума не взволнуют читателя, не достигнут цели — приумножить добрые гражданские чувства.

У писателя, в отличие от живописца, — своя палитра, свой «волшебный ящик» — в них набор художественных средств, несметное число слов и словосочетаний, гамма высоких чувств. У писателя есть все для того, чтобы захватить внимание читателя и повести за собой по страницам книги, по дорогам жизни.

В каждом художественном произведении, если говорить условно, есть свой «коэффициент полезного действия», точнее — духовного воздействия. Чем выше мастерство художника, тем больше покоряет, захватывает его творчество. Писатель стремится настроить читателя «на свою волну», чтобы тот переосмыслил, пережил судьбу героев и по возможности так же глубоко, как он сам. И думается, что небольшая по объему повесть, в свете сказанного, излишне перенасыщена множеством событий, охватывающих целое пятилетие. В этом калейдоскопе, естественно, не нашлось места для развития конфликтов, для раскрытия всей полноты духовной жизни положительного героя.

ЭКСПОЗИЦИЯ ПОВЕСТИ

На обороте титула — издательская ремарка: «...Документальная повесть о тувинцах молодого колхоза долины Шеми, о его председателе Шулуу Кууларе, о том, как он¹ поднял людей на борьбу за *выведение* отстающего хозяйства в число передовых».

Он... Выведение... Да, таков замысел автора. Мы, отнюдь, не против отдать должное голове колхоза. Кто скажет, что

¹ Курсив здесь и ниже наш — Н. С.

его роль мала? Роль запевалы, вожака. Они были и будут. Им первым — трудности, им, далеко не всегда первым,—почет. Но этот «он» сразу настораживает. Ведь не один же председатель подымал колхоз, выводил его, как говорится, в люди. И не с Шулуу Куулара¹ началась история колхоза. Он пришел не на единоличную целину.

Автор сжато и сухо раскрывает экспозицию повести. Куулар с дипломом агронома возвращается в Туву. Без малого год возглавляет колхозную партийную организацию, затем выдвигается на пост заведующего организационным отделом райкома. Ему поручается разобраться в причинах отставания шеминского колхоза «Большевик», помочь. И вот перед нами первые встречи Куулара с теми, с кем ему предстоит позднее работать рука об руку много лет.

Первые его «руководящие» шаги — порывистые, поспешные и ошибочные. (Заметим в скобках, что они характерны для Куулара и в дальнейшем). Это краткий и неудавшийся разговор с Тогусом — председателем артели. Куулар сразу же поручает ему созвать правление. Конечно, этот хурал ничего не дает. «Отпечаток растерянности и безразличия лежал не только на председателе». После бесед с членами правления, активистами Куулар милостиво решил: «Тогус человек честный. Пусть пока работает», — и уехал восвояси.

Пролетел год работы в райкоме. «Теперь Куулар уже хорошо знал каждое хозяйство». Он изъявляет патриотическое желание работать в отстающем колхозе и вскоре избирается председателем правления сельхозартели «Большевик».

Писателю, разрабатывающему сельскую тематику, для показа роли и заслуг того или иного колхозного руководителя нет нужды утрировать отставание хозяйства. Ведь руководить колхозом, пусть даже передовым, в современных условиях вовсе не легче, чем, скажем, в пятидесятых годах «подымать» отстающий колхоз. Сложные процессы интенсификации, специализации требуют широких экономических и сельскохозяйственных знаний, большого опыта работы с людьми. В рассматриваемой же повести не только в начале, но и в «глубинке» подаются в различных дозах доводы об исключительной отсталости шеминского колхоза. Вот примеры.

Шеминцы «давно привыкли к тому, что колхозные председатели меняются, а дела в артели остаются неизменными». Из речи самого Куулара мы узнаем, что «колхоз задолжал миллион рублей». А бригадиру Кара-Салу сдается, что он идет «в строю на костылях». Когда Куулар поинтересовался: «Кто же ведет строй?», агроном Коннова ответила: «Анархия, вот

¹ Здесь и ниже, где говорится о Шулуу Кууларе, имеется в виду герой повести, а не его прототип.

кто». Где-то в середине повествования старик Монгуш Дамдын-оол сетует: «Отстали мы от своей большой Родины. Много отстали... Настоящая-то жизнь у нас только начинается». Подобно Монгушу, только уже в конце повести, сокрушается чабан Бальчир: «Как послушаешь по радио о других колхозах, за свой стыдно становится».

Чувство неудовлетворенности, тревоги за положение дел в артели, естественно, хорошее, действенное чувство, но зачем сгущать краски? В повести получается так, что Куулару досталось вдребезги «разбитое корыто», что настоящая жизнь для Монгуша и других начинается только в начале шестидесятых годов. Для чего же выплескивается из «корыта» и то немалое, значительное, что было достигнуто, взято с боя до Куулара? Очевидно, такова авторская установка — чем больше отставание колхоза, тем больше «скачок», тем значительнее заслуга председателя по «выведению» артели в число передовых. Эта установка начисто отрицает хорошую предисторию колхоза, большой коллективный труд, которым был воздвигнут колхозный центр, созданы фермы, организовано артельное производство, воспитаны колхозные кадры.

Никому, разумеется, не возбраняется писать про отстающие хозяйства, раскрывать борьбу за преодоление отставания. Это, наоборот, нужная, важная тема. Мы только отвергаем теорию «разбитого корыта», как примитив, идущий вразрез с действительностью. Отставание — понятие и конкретное, и относительное. С годами меняется критерий сравнения, сопоставления хозяйств. Констатация отставания не отвергает завоеванного, на основе которого и происходит выравнивание экономического и духовного потенциала, подъем.

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО

Куулар приступает к работе в «Большевике». Для начала он собирает в контору механизаторов. Собирает, конечно, без какой-либо подготовки (это в его стиле), произносит хотя и насыщенную военными терминами, но общую, далеко не зажигающую речь. «Мы собрали вас для того, чтобы, как говорится, перед большим боем уяснить тактические задачи... А работаете вы (все? — Н. С.) плохо... Давайте и дисциплину налаживать, и технику беречь...»

Когда же прозвучали две реплики механизаторов, к которым следовало бы прислушаться, Куулар разгневался, и в его словах зазвучала уже угроза: «А если кто будет действовать на манер норовистого коня, на этот счет есть свои методы...» Многозначительное отточие!

Что же это были за реплики? Первую совсем некстати, ко-

гда Куулар упомянул, что механизаторов в колхозе целый отряд, бросил тракторист Зобов: «Гвардия дырявых примусов...» Ее суть, видимо, в том, что трактора изношены, требуют серьезного ремонта и обновления. Вторую произнес неизвестный: «Мы свои долги всем простили...» Зачем же гневаться на слова горькой обиды и долготерпения? Но и гнев гневу рознь.

Бывает гнев отходчивый. У Куулара он не «отошел», и вскоре произошло странное столкновение с Зобовым. Председатель приехал на сенокос, увидел под трактором Зобова (он ремонтировал свой «дырявый примус») и продемонстрировал в чем состоит «метод» укрощения «норовистого коня». На Зобова посыпался град трудно объяснимых оскорблений. Выпалив их, как из пулемета, Куулар усакал прочь. Он «взорвался», но программированно, с дальним прицелом — «хотел пристрастить других».

Странное, не многообещающее начало! Уж очень азбучны ошибки председателя, а ведь у него за плечами партработа в колхозе, райкоме. И возникает мысль — такой не поправит! Если не переродится. Если над ним не будет крепкого партийного начала. И в этой мысли нас убеждает монолог самого Куулара: «Как горяч ты, молодой председатель, как неумело разбираешься в людях».

Почему у Куулара такая ярко выраженная организационная немощь? Понятно, что у земного положительного героя есть свои ошибки, даже срывы. Что он не может взять «крутые горки» одним приступом. Это правомерно. Но уж слишком элементарны ошибки. Исправление тоже. И если согласиться с тем, что у Куулара действительно был такой низкий начальный уровень организационных навыков, тогда необходим показ значительного роста. А этого нет. Куулар каким был, таким (или почти таким) и остался. Отсюда и недоумение — как же он поднял колхоз, раз сам не дорос до уровня зрелого руководителя? Да и как Куулар мог быстро расти, коли никто, если не считать довольно робких и частных замечаний колхозников Сангыспаа и Кодур-оола, даже словом не обмолвился о недостатках в стиле работы председателя?

Мы выскажем догадку, которая может как-то объяснить причину такого несоответствия. Колхоз рисуется крайне отсталым, а Куулар на диво неопытным для того, чтобы амплитуда подъема хозяйства и соответственно роста председателя была максимально большой. Но этот большой по замыслу размах, рост не уложился, да и не мог уложиться в рамки небольшой повести. Требовалось более широкое полотно. Вот и получилась «прокурство ложе». Чтобы уместить в нем все задуманное, пришлось Куулара «укоротить», оставить без раскрутия процесс его роста, духовный мир, благотворное влияние на-

шей действительности. Вот почему начало повести обернулось бедой, предопределившей беглый показ многих действий без раскрытия их побудительных причин, без психологической «подкладки». Отсюда и обедненное сердце литературного героя.

Читая повесть, явственно ощущаешь пустоту вокруг Куулара, его черствое отношение к людям. Разительное противоречие! Председатель всего себя отдает делу, а слитости с людьми нет как нет. Читаешь и ждешь — вот Куулар свершит самый простой человеческий жест — поступок и сразу станет нам ближе, роднее. Но тщетно.

Учетчик фермы Манчын-оол допустил хулиганский выпад против председателя. Парторг Монгуш сообщает Куулару, что Манчын-оол ищет с ним встречи, хочет просить прощения. И вот как отвечает Куулар: «...Он уже *месяц* ходит за мной. А разговаривать *пока рано!* Пусть почувствует...» Разве такое долгое испытание временем говорит нам о чуткости Куулара? Отнюдь нет.

У Куулара вошел в систему созыв правления «по боевой тревоге». На первый взгляд такая коллегиальность, оперативность — ценное качество. Ан нет! Собирать хуралы когда вздумается, без подготовки — это тоже характеризует с невыгодной стороны отношение председателя к людям. Можно согласиться: сердце Куулара бьется быстро, ускоренно, но с оговоркой — сухо.

КОНФЛИКТ ИЛИ БЕСКОНФЛИКТНОСТЬ?

Колхозная жизнь, особенно та, что идет на крутой подъем, насыщена большими и малыми конфликтами, в ходе разрешения которых происходит становление и закалка характеров, отыскиваются верные пути, преодолеваются трудности. А в повести, как ни странно, отражен лишь... один конфликт. Разумеется, мелкие стычки не в счет; они лишены сколько-нибудь значительной основы.

Вспомним «конфликт» Куулара — Конновой. «Куулар решил, что пары могут подождать». «Как агроном, он тоже знал цену парам, но сознательно отодвигал их на второй план...» Специалист Коннова требует разрешить возникший спор на правлении. «К началу заседания Куулар уже готов был согласиться с доводами Конновой. Действительно, чистые пары необходимы в колхозе». На правлении «в сущности... никто не спорил». Вот и весь конфликт! Зачем, спрашивается, его было затевать?

Нет, к сожалению, и острой полемичности в диалогах. Они кратки, возникают и обрываются, как правило, вопреки логике описываемых событий. Вот Куулар отдает, пожалуй, един-

ственное свое конкретное распоряжение — срочно наладить и пустить на пшеницу два комбайна. Зобов отвечает: «Я и сам думал об этом».

Подобное предвосхищение варьируется многократно. Куулар обращается с вопросом к жене: «Как думаешь, интеллигенция поможет?» (Речь идет о походе за культуру быта — *Н. С.*). Ответ: «Учителя сами об этом говорят». Коннова вносит предложение: «Надо попытаться градобойные участки убрать на корм...» Теперь уже сам председатель повторяет трафаретный ответ: «Я тоже думал об этом». Куулар предлагает собрать партбюро и правление, чтобы подвести итоги соревнования на уборке. Парторг Монгуш отвечает: «Я и сам думал об этом».

Такой характер диалога мало что дает и, главное, он способствует формированию фона бесконфликтности. А ведь есть, есть в повести много «подготовленной почвы» для развития живых, «движущих» конфликтов. В этом плане представляет интерес потенциально богатый, но не раскрытый образ Монгуша. В райкоме Куулар был заведующим отделом, начальником для инструктора Монгуша. Теперь же в колхозе положение Монгуша другое — он вожак колхозной парторганизации. Он может и должен контролировать деятельность председателя, а если нужно, то и поправлять. В ходе установления правильных взаимоотношений председателя с секретарем парторганизации мы усматриваем возможность жизненно правдивых конфликтов. Тем более, что заявка на образ Монгуша дана весьма многообещающая.

«Монгуш,— читаем мы в книге,— человек боевой, решительный... Запросто сблизился со многими шеминцами, чему Куулар втайне завидовал. Если он, председатель, осторожно(?!), исподволь присматривался к людям (вспомним сцену с Зобовым — *Н. С.*), с большинством был в официальных отношениях, то с парторгом многие вели себя, как со своим односельчанином».

Монгуш и проходящий школу работы с людьми Куулар неизбежно должны были «скрестить оружие» ради дела, но в повести Монгуш — безликий, бесплотный образ, а жаль! Вот пример, вызывающий недоумение. Монгуш говорит Куулару: «К сожалению, медленно мы еще поворачиваемся...» И тут же боязливо спешит пояснить: «Это я о партийной организации». Повесть только бы выиграла и вернее отразила жизнь, если бы наряду с Кууларом, вместе с ним был показан широким планом парторг и в какой-то мере — партячейка. Ведь одна персона, пусть самая «волевая», в поле не воин.

В книге, как говорилось выше, мы усматриваем лишь один более или менее значительный конфликт. Конфликт Куулара и молодого инженера Подгорного. По повести победителем

из этого конфликта выходит Куулар. На самом же деле — все терпят поражение. Но поражение Куулара и, если брать шире, всего коллектива значительнее, чем Подгорного.

Выпускник Омского СХИ прибыл в колхоз. Первая беседа и первое доброе кууларовское пожелание: «Свадьбу сыграем в колхозе». Иную окраску носит вторая встреча Подгорного с председателем вблизи клуба. «Скучно течет жизнь,— жалуется инженер.— Нет здесь для души ничего... Клуб одно название, даже танцев не бывает... Такая скучища, хоть беги...»

Что же отвечает ему Куулар, чем «лечит» тоску зеленую? А вот чем: «У нас, конечно, не Новосибирск, не Омск. Но *беспроектной скучищи* я не вижу... Ничего, друг, не надо хандрить. Все будет хорошо».

Новоселу от этих слов не легче. Для Куулара все здесь родное, привычное, все обжитое. А для новичка? Все новое. Новый «климат», новые люди и... грусть-тоска по оставленному, даже по огням больших городов, по паровозным гудкам. Идет сложный, подчас болезненный процесс «акклиматизации», вживание в новый коллектив, преодоление трудностей в быту, на работе. Помогут, поддержат добрые люди, и «кризис» быстро минует, в тувинскую «землю» углубятся корешки чувств, да так, что на всю жизнь она станет родной.

Сколько юношей и девушек, прибывших из институтов и училищ центра, осело в Туве? Много! В метриках их детишек местом рождения значится у кого Тувинская область, а у кого уже и Тувинская республика. А сколько уехало? Многовато. А почему? Причина, конечно, не одна. Но есть и такая, что ее иначе, чем черствостью, и не назовешь.

Вот как, обычно, говорит или думает эта Черствость: «Ах, тебе скучно? Так ты работай, работай. Ах, тебе вынь да положь квартиру? Хороший клуб? А ведь у нас не Новосибирск, не Омск, знали куда ехали. Уедете? Скатертью дорожка, но характеристику (так грозил Куулар Подгорному) дадим не розовую...»

Пошлют такому «беглецу» в догонку «не розовую» характеристику и забудут. Вроде бы все правильно, он сам виноват. Нет, виноваты мы.

Вот и странно, что Куулар задумался не о том, как помочь Подгорному, а совсем о другом: «Почему этот молодой человек так скоро постарел?» «Откуда берутся в среде молодежи нытики, верхогляды, обыватели?» Почему он «физически молод, а душой стар»?

Позвольте, но почему такой суровый криминал? Подгорный просит квартиру, хочет, чтобы действовал клуб, хочет потанцевать. Разве это признак старости? Обывательщины? Нет и нет! Вот бы и следовало устами Монгуша или Зои —

жены председателя дать ответ: нытики, обыватели «берутся оттуда», где не работают с молодежью, где подходят к ней со своей меркой, где ханжески пресекают ее хорошие порывы и не удерживают от плохих.

Никто всерьез не занялся Подгорным. И инженер пишет заявление: «Квартиры не имею, никаких других условий нет. Прозябать в этой глуши не намерен». Конечно, он во-многом (что наговорил и написал) неправ, но разве прав Куулар, прав неизменно молчаливый Монгуш? Уехал парень с «не розовой характеристикой», с обидой на сердце и со старыми никем неразвенчанными взглядами. А ведь он был нужен Туве, колхозу. Конечно, встретит (то ли в Томской, то ли в Омской области — неважно) Подгорный коллектив, где его и поддержат и наставят на путь истинный. Но почему где-то, а не у нас?.. И вот уехал парень. Не сыграли в шеминском колхозе его свадьбу...

И, знать, прав был в чем-то Подгорный, раз после его отъезда, Куулар задумался над словами инженера: «Клуб — одно название». Задумался и многое сделал, чтобы там зазвонели песни, закружились пары, поднялся занавес и зазвучала живая речь самодеятельных артистов.

Такова развязка единственного в повести конфликта. Он жизненен, во многом правдив, но считать в этом конфликте роль Куулара положительной нельзя. За судьбы молодых в ответе все старшее поколение. В ответе как в жизни, так и в литературе, которая плоть от плоти детище нашей жизни.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Выше мы говорили о некоторой официальности, сухости и в известной мере черствости Куулара в делах общественных. А как в делах личных, семейных? В повести не раз упоминается про задушевные отношения в семье Куулара, но это не убеждает, не трогает. Бросается в глаза другое.

Вот Куулар идет домой на обед, по дороге встречает жену и обращается к ней со словами: «Менять облик села надо. Поход за культуру начинать с наведения порядка в жилищах. Как думаешь, интеллигенция поможет?» И получив утвердительный ответ, заключает: «Вот это хорошо. Тогда, чтобы не откладывать дело в долгий ящик, *подготовьте свои соображения*, с чего лучше начать...» Разговор этот похож скорее на директиву подчиненному, чем на супружескую беседу.

Не чувствуется задушевности и в разговоре председателя с женой о Подгорном:

— Хочется понять, где допущен первый просчет в обучении, в воспитании (как книжно!—*Н. С.*), почему человек стал таким?

Вот Куулар возвращается из Кызыла. «Дома был всего полчаса. *Вручил* ребятишкам подарки, *сообщил* жене, что видел ее портрет на стенде лучших пропагандистов Тувы, чуть перекусил и ушел».

Дело здесь не во времени. Можно и минутную встречу с близкими озарить теплотой чувства, душевной близостью. Все дело в том *какие* подарки привез, *как* «вручил» (вручают и награды, и приказы об увольнении), *как* сообщил жене о том, что он увидел ее портрет — с гордостью или равнодушно, между прочим?

Есть в повести и такой эпизод. Куулар, вытирая лицо, пошел к кроваткам детей, «посмотрел как они спят, вернулся на кухню». «Подход» к детским кроваткам настолько частое явление в литературе, что его стали уже именовать штампом. Но мы далеки от мысли наложить «вето» на исконно отцовские и материнские права. Суть вопроса в том, *как* и *с чем* подойти к детской кроватке, *как* и *с чем* отойти от нее.

«Беда» приведенного выше текста в том, что Куулар посмотрел на спящих детей мимоходом (на пути от умывальника до кухонного стола), что их вид ничто не затронул и ничего не пробудил в отцовском сердце. Он ничего не подумал, ничего не высказал. Действие есть, но нет ни побудительных причин, нет и следствий. Тогда зачем же само действие, сам эпизод, раз они не несут психологической нагрузки? Сделает ли читатель, прочитав приведенные строки, вывод, что Куулар заботливый отец? Вряд ли.

Образ Куулара, не согретый отсветом семейного очага, становится еще суше.

О ЯЗЫКЕ

Перечисляя достоинства повести, упоминалось про доходчивость и простоту языка. Но простота, ясность, доходчивость — это еще не все, что требуется от языка художественного произведения. Нужна, даже просто необходима экспрессивность, выразительность языка. Вспомним Белинского, определявшего слог писателя как «рельефность, осязаемость мысли».

Недостаточной экспрессивностью отмечен и язык авторского текста, и диалог персонажей. Краткий, «лоскутный» диалог не динамичен и служит, в подавляющем большинстве, авторским рупором для сообщения читателю тех или иных обстоятельств, сведений и органически не входит в ткань повествования.

Местами сильно диссонирует с остальным текстом повести выпренность, высокопарность слога. Нельзя не высказать пожелание и о большей типизации, индивидуализации речи,

которая призвана характеризовать, проявлять образы действующих в произведении персонажей. Горькому принадлежит исключительно верное определение литературного слова, как материала, из которого создаются картины, образы и характеры. И если мы поставим вопрос — как в речи Куулара отражены его национальные, классовые, профессиональные (агроном!) особенности, характер, мировосприятие, то ответить конкретно и положительно нам вряд ли удастся.

Особенно режут слух места, изложенные прямо-таки в протокольном ключе. Читатель повести, очевидно, обратил внимание на перенасыщенность текста некоторых страниц эпитетами. Нужно отметить, что многочисленные определения сами по себе не решают задачу создания полнокровного образа, четкого восприятия мысли. Текст на 14 стр. напоминает выдержку из учебника по географии или из «Системы ведения сельского хозяйства»: «Бедность почв, сухость климата, малоснежные зимы с сильными морозами, короткий вегетационный период, резкие суточные колебания температуры сильно затрудняют земледелие».

Представляет немалый литературоведческий интерес такая особенность — то «щедрость», то «скупость» на цвета, на краски. В ряде мест (4, 5 и др. стр.) автор щедро использует краски и рисует яркие картины. А вот пример, где палитра художника почему-то была наглухо закрыта: «Серенмаа была в пиджаке непонятного цвета». Эпитет выбран неудачно, так же как и в тексте: «смешные усы не портили лица, делая его еще более добродушным». Почему они смешные? Несоразмерно большие? Или они сильно топорщились?

Язык автора особенно беднеет при описании эмоций. Вот как, к примеру, идет передача чувства смятения и раскаяния у Манчын-оола: «В какой-то мешанине кружились в голове *председатель, два злых старика, шумливые доярки, притихшие друзья-товарищи*». (41 стр.) Не слишком ли много для одной, притом трезвой головы?

В повести, особенно в речи Куулара, много военных терминов. «Отряд», «тактическая задача», «командный состав колхоза», «плотницкий полк», «в бою нужны командиры грамотные», «пригнали все машины на передний край», «...точно короткими автоматными очередями палил Куулар по Зобову...» и т. д. Такая чрезмерная «военизация» языка вряд ли правомерна.

Вызывает возражение и такой «концентрированный» и суховатый текст: «*Занявшись* через некоторое время чаем, Бальчир *передавал* жене рассказ председателя о новосибирском совещании» (87 стр.).

Требовательность к языку произведения позволит во много

крат усилить его эмоциональное воздействие на читателя, полнее воплотить творческий замысел.

* * *

За бортом статьи оставлен ряд фактических неточностей и противоречивых мест (они есть на 4, 14, 16, 79 и др. страницах), не проанализирован удачно выписанный в повести пейзаж, являющийся не только фоном действия литературных героев, но и несущий, что особенно ценно, свою психологическую нагрузку. Главное, что мы стремились показать и подтвердить примерами, сводится к следующему. Колхозная тематика—сложна, многогранна и требует дальнейшего идейно-художественного осмысления в новых творениях писателей Тувы. Это явится их вкладом в общенародную борьбу за подъем сельского хозяйства, за воспитание масс. Нужно освобождаться от схематизма, от упрощенчества, бесконфликтности и, используя все богатство художественных средств, создавать полнокровные, живые образы наших современников, судьбы которых волнуют и возвышают читателя. Долг всех пишущих искать и находить путь к людскому сердцу. К сердцу, которому не прикажешь.

Антонина НУХРАТ

ИСТОРИЯ «РАССКАЗА САМБУКАЙ»

Наша молодежь неплохо знает родную литературу. И все же среди произведений нет-нет, да и встретится загадка. Такой литературной загадкой для многих является «Рассказ Самбукай». По жанру это не фольклорное произведение, но почему тогда у него нет автора? А может быть, есть? Где он? Кто он?

Рассказ этот примечателен тем, что он был первым литературным произведением, изданным на тувинском языке сразу после введения письменности в Туве. Тогда, 35 лет тому назад, рассказом зачитывались все, кто едва овладел грамотой. А кто еще не научился, тому читали. И видели тувинские женщины в героине рассказа свою нелегкую судьбу.

В начале тридцатых годов Александр Пальмбах привез в Кызыл небольшую повесть Антонины Нухрат «Степной сказ». Нухрат в ту пору работала инструктором женотдела ЦК ВКП(б) и много ездила по Востоку — была в Узбекистане, Казахстане, Закавказье, Калмыкии и других республиках. Впечатления от этих поездок и легли в основу «Степного сказа».

С. Тока, А. Пальмбах и М. Мохов перевели повесть на тувинский язык. Перевод был вольным с учетом наших, тувинских условий. Адаптированное произведение стало ближе, понятнее аратам Тувы, и они им буквально зачитывались. История девушки Самбукай, проданной феодалу, а затем поднимающейся до активного участия в борьбе за независимость своего народа, волновала женщин.

Ниже мы публикуем воспоминания Антонины Ивановны Нухрат о том, как родилась ее маленькая повесть, сыгравшая свою роль в тувинской литературе. Сейчас Антонина Ивановна на пенсии, живет в Москве.

В августе 1918 года я начала работать сельской учительницей в глухой деревушке, в Башкирии. Было мне 18 лет — совсем девчонка, с двумя косами до пояса, в гимназической форме, из которой давно выросла. Явилась к старосте с назначением земства, показала ему, неграмотному, бумажку с печатью и пошли мы по деревне искать дом под школу. Нашли избышку, староста обещал завезти дров. Но заниматься с ребятами не пришлось. В Поволжье и на Урале шла гражданская война, проходили белогвардейские военные части, школу то и дело занимали под жилье офицеров.

Прогнали белых, утвердилась Советская власть. В школе начались нормальные занятия. А по вечерам здесь проходили сходы. Бородатые, в солдатских шинелях, мужики усаживались за парты или на пол вдоль стен. А я читала и переводила с русского статьи из газет — о войне и мире, о земле и национальной политике Советской власти. Рассказывала, что сама знала о В. И. Ленине, о революции.

С марта 1925 года я начала работать в женотделе ЦК ВКП(б) инструктором по Востоку. Уже в мае выехала в свою первую командировку, в чудесную страну гор — Дагестан. И начала «открывать» для себя одну республику за другой. За полтора года я побывала в одиннадцати национальных республиках. Это было захватывающе интересно и стало для меня настоящим «университетом».

Члены коллегии женотдела ЦК партии слушали мои доклады часами. Многое из того, что я рассказывала своим товарищам, бывшим работницам и коммунисткам-подпольщицам, выросшим в центре России, звучало, как сказка.

В огне гражданской войны, ценою крови лучших сынов и дочерей была завоевана Советская власть, родились национальные республики, из руин выросло их социалистическое хозяйство, пробивались первые ростки новой национальной, социалистической культуры, и только старые бытовые устои стояли незыблемо.

В республике с мусульманским населением еще сохраняли свою силу шариатские суды, духовные лица мусульман по давно обветшавшим законам решали семейно-имущественные отношения, оставляя женщину в положении бесправного и безгласного существа. В цитадели мусульманства — Бухаре, в древнем Самарканде и торговом Ташкенте женщины выходили на улицу только под паранджой. И даже в Баку — городе славных революционных традиций — женщины продолжали носить чадру.

Ранней осенью 1925 года мы две недели колесили по бескрайней, плоской, как стол, безлюдной калмыцкой степи. Наша изношенная старая машина шла без дороги, прямо по

степной целине. От одной кочевки калмыков до другой добирались часами, не встретив даже всадника.

Улусный центр представляли собой три-четыре саманных дома с камышовыми крышами, да столько же обычных юрт. Все партийное и советское начальство — сплошь молодые, румяные парни — со своими канцеляриями и жильем, полностью размещались в этой «ставке», в хатах с земляным полом.

В степи не было городов и только два русских села попались нам за время пути. Одно из них потом стало столицей республики — Элистой.

Лишь монастыри — хурулы, привольно расположившиеся на десятках гектаров, со своими богатыми храмами и жилищами для монахов (гелюнгов), издали казались городами. Я заглянула в один из храмов — золото, серебро, блестящие шелка, ярчайшие искусственные цветы били в глаза своей аляповатой роскошью. Я с негодованием отступила, как будто меня ударили в сердце. Какой страшный контраст являли собой рядом с этими храмами пустые, нищенские юрты бедняков!

Дикие законы предков сделали женщину навечно покорной рабой мужа, дали мужчине право над жизнью и смертью жены. Еще с детского возраста девушек заставляли носить проклятый камзол из кожи или простеганной материи, который зашивался на ней и не снимался до замужества. Из-за этого дикого обычая девушка вырастала с неразвитой грудной клеткой, а первый ребенок в каждой семье умирал из-за отсутствия материнского молока. Коммунистки и комсомолки Калмыкии прежде всего ополчились против камзола и за два-три года сумели убедить свой народ отказаться от этого вредного обычая.

По возвращении из Калмыкии меня поджидало приглашение на женский съезд в далекую Бурятию.

И здесь основная масса женщин находилась во власти старых законов — в унижении и несправии. Зато было много образованных женщин — коммунисток и комсомолок, беспартийных учительниц из коренного населения. В то время первым секретарем обкома партии была Мария Михайловна Сахьянова, коммунистка с 1916 года, благополучно здравствующая и поныне — мать известной балерины Ларисы Сахьяновой. Заведовала областным женотделом Феня Осодоева, коммунистка с 1918 года, подпольщица и партизанка в тылу Колчака. В аймачных женотделах работали питомцы Коммунистического университета трудящихся Востока.

В марте 1926 года я выехала в Казахстан. Добралась поездом до Кзыл-орды, тогдашней столицы республики. Договорившись с крайкомом партии, что займусь обследованием состояния работы среди женщин Семиреченской и Уральской

областей, я отправилась в город Верный, т. е. Алма-Ату. Центральным женотделом мне было поручено побывать в местах крупных кочевий. Предстояло решить вопрос, как вести работу среди кочевниц.

В то время кочевой образ жизни вело много миллионов населения СССР — в степных районах Башкирии, Киргизии, Казахстана, в пустынях Туркмении, в Бурятии, Калмыкии, части Кавказа и бескрайних просторах Крайнего Севера нашей страны. Назревала мысль о создании «кочующих» форм работы, в виде передвижных красных юрт или яранг. Эти учреждения, передвигаясь вместе с кочующим населением, могли бы вести самую широкую политическую и культурно-просветительную работу.

Продвигаясь на машине по степям Казахстана, мы часто заходили в юрты. Однажды у меня произошла встреча, которую я не могу забыть, хотя прошло уже сорок лет. Я подошла к группе казашек. Одна из женщин пряла шерсть. У ног ее играла девочка лет девяти. В чистеньком розовом платье, с двумя короткими черненькими косичками, с румянцем во всю щеку, она привлекала общее внимание своей красотой.

Я опустилась возле девочки и, улыбаясь, спросила по-татарски, как ее зовут. Девочка подняла на меня свои лучистые черные глаза и ничего не ответила. Стоявшая рядом старушка пояснила:

— Она невеста, имени ее не полагается спрашивать, сглазить можно. Ее сватает один добрый молодец, да мать не отдает, найдется жених и побогаче...

— Как невеста? Она ведь ребенок!— вскричала я уже по-русски. Но нетерпеливый гудок машины позвал нас на посадку, заглушил мои слова. Мы уехали. Я долго оглядывалась назад. Этот розовый степной цветок, сорванный грубой и безжалостной рукой, завянет, не успев расцвести.

В Семиреченском губкоме партии посоветовали поехать в Сарысуйскую степь. Там можно встретить большие скопления кочевников.

В дорогу мы тронулись в единственной губкомовской легковой машине на рассвете. Со мной поехала инструктор губернского женотдела Атабаева — казашка, слабо знавшая русский язык, но свободно говорившая по-татарски. Знание разговорного башкирского и татарского языков всегда помогало мне в работе.

Ехали целый день. К вечеру прибыли в волостной центр. Дальше поехали на тряской телеге, без дороги, по высокой и густой траве.

У одного крепкого, сухощавого старика-аксакала мы увидели четвертую жену. Самая молодая, она сидела, отвернув-

шись в угол. Ее милостивое лицо носило следы глубоких царапин. Уловив наши любопытные взгляды в сторону молодницы, хозяин пояснил, что эта женщина с младенцем перешла к нему в жены от самого младшего брата, который умер всего несколько недель назад...

Атабаева была старше меня лет на пятнадцать. Среднего роста, коренастая, с суховатым темным лицом, рано поседевшая, она выглядела старше своих сорока с небольшим лет. Выражение сосредоточенной грусти не сходило с ее лица. Казалось, она не умела улыбаться, радоваться чему-нибудь. В ответ на мою шутку она только взглядывала ласково, но губы ее оставались сомкнутыми. Услышав песню, грустнела. Муж Атабаевой был убит во время киргизско-казахского восстания в 1916 году. На глазах у жены его подвергли мучительной казни вызванные на усмирение казаки. От страшного потрясения у ней пропало молоко в груди и вскоре умер ее первый и единственный ребенок. Она навсегда осталась одинокой. Поселилась в городе, и не удивительно, что с радостью встретила революцию, стала делегаткой, потом коммунисткой, любила свою работу в женотделе, считая ее очень нужной для женщин.

Молодая, я первый раз в жизни встретила с такой тяжелой личной трагедией и узнала страшную трагедию жестоко подавленного народа. На меня это произвело очень сильное впечатление.

Услышанное постоянно тревожило, волновало меня и никак не забывалось. И как-то само собой вылилось в небольшую повесть «Степной сказ». Старейшая деятельница нашей партии Людмила Николаевна Сталь, занятая в то время созданием серии книг «Библиотека работниц и крестьянск», поощряла стремление молодых коммунисток писать и помогала нам. К десятилетию Октябрьской революции под ее редакцией вышла моя первая книжка — «Октябрь и женщина Востока».

Я показала Людмиле Николаевне свою новую рукопись. Она прочла ее сразу, устроившись тут же в одном из кабинетов женотдела ЦК партии. И мне помнится, очень быстро помогла издать.

Художник, оформивший первое издание, сделал к книге рисунки и приходил ко мне домой, чтобы хорошенько обсудить вместе, боясь ошибиться. Второе издание книжки вышло крупным шрифтом, в библиотеке для малограмотных, по заказу добровольного общества «Долой неграмотность». Вот эту-то книжечку и перевели в 1931 году на тувинский язык.

Вот и вся история предшественника вашего «Рассказа Самбукай», ставшего в 1931 году первым художественным произведением тувинской литературы. Так волей судьбы я стала вместе с С. Тока и А. Пальмбахом «тувинским» писателем.

СОДЕРЖАНИЕ

Повести, рассказы, пьесы

<i>Салчак Тока</i> . Калдак Хамар. Пер. Н. Растрепина	3
<i>Степан Сарыг-оол</i> . Беспокойные времена. Пер. М. Ганиной	22
<i>Сергей Пюрбю</i> . Любовью надо дорожить. Пер. М. Рамазановой	36
<i>Салим Сюрюн-оол</i> . Неоконченная история. Пер. М. Рамазановой	83
<i>Кызыл-Эчик Кудаж</i> . Хлеб. Пер. М. Рамазановой	94
<i>Владимир Ермолаев</i> . Где золото роют в горах	112
<i>Петр Черкашин</i> . Горькое счастье	141
<i>Михаил Пахомов</i> . Сурас	164
<i>Виктор Черняев</i> . Плотогоны	171

Стихи, поэмы

<i>Степан Сарыг-оол</i> . Хлебоборам. Пер. М. Ватагина	176
Осень. Пер. М. Ватагина	177
Лимби. Пер. М. Ватагина	—
Удалая. Пер. М. Ватагина	178
Встреча в лесу. Пер. М. Ватагина	179
<i>Сергей Пюрбю</i> . Слава России. Пер. А. Емельянова	180
Желания. Пер. С. Козловой	181
<i>Байкари Ховенмей</i> . Сайн байна! Пер. С. Козловой	182
<i>Леонид Чадамба</i> . Времена года. Пер. С. Козловой	183
<i>Юрий Кюнзгеси</i> . Песней славлю Октябрь. Пер. С. Козловой	185
Я — человек Востока. Пер. С. Козловой	186
На всех языках России. Пер. М. Ватагина	188
Летит сын арата. Пер. М. Ватагина	189
Оживший камень. Пер. М. Ватагина	190
<i>Монгуш Кенин-Лопсан</i> . Поэма. Мать-героиня. Пер. С. Козловой	192
<i>Салим Сюрюн-оол</i> . Такая уж моя любовь. Пер. М. Ватагина	200
<i>Салчак Тамба</i> . Мое богатство. Пер. С. Козловой	202
Воспоминание об Алтае. Пер. С. Козловой	202
<i>Кызыл-Эчик Кудаж</i> . Моя поэзия. Пер. С. Козловой	204
<i>Алдын-оол Даржа</i> . Размышления над Шушью. Пер. В. Журавлева	205
<i>Монгуш Доржу</i> . В пути. Пер. С. Макарова	207
Другу. Пер. С. Козловой	—
Весна. Пер. Е. Старичиной	208
	277

В дождь. Пер. О. Кодур-оола	208
Монгуш-Олчей-оол. Охотник. Пер. М. Скуратова	209
Тюлюш Кызыл-оол. На века. Пер. М. Скуратова	210
Алексей Арапчор. Тень. Пер. Г. Некрасова	211
Екатерина Танова. Цветы. Пер. Г. Некрасова	212
Светлана Козлова. Космическая музыка	214
Заочник	215
Анатолий Емельянов. Человечность.	216
Памяти Хертек Долума Сотнаевны	217
В командировке.	218
Людмила Санчай. Гордость.	220
Орнамент.	221
Любимому.	—
Галина Принцева. Коровы.	223
Урони свое сердце.	—
Вереск.	224
Оюн Кодур-оол. Земле.	225
На посту.	—
В начале зимы.	226
Ганнадий Некрасов. Веселый перевал.	227
«Со мной гуляет солнце по Кызылу...»	—
Тайга горит.	228
Жарки.	—

Наша современница. Очерки.

Александр Петров. Крылья крепнут в полете.	230
Варвара Межова. Все отдается людям.	237
Лариса Четверикова. Степь и женщина.	244

Критика, библиография.

Доржу Куулар. Первый тувинский роман.	248
Мария Хадаханэ. Повесть о жизни.	252
Николай Сердобов. Сердцу не прикажешь.	260
Антонина Нухрат. История «Рассказа Самбукай».	272

УЛУГ-ХЕМ № 8

*Литературно-художественный
альманах*

Редакционная коллегия:

Саган-оол О. К. (ответственный редактор),
Калзан А. К., Кюнзегеш Ю. Ш.,
Ондар Б. Л., Пюрбю С. Б., Сарыг-оол С. А.,
Сюрюн-оол С. С.

Редакторы: *А. Д. Бородина, М. А. Хадаханэ*
Обложка художника *Н. В. Алисова*
Художественный редактор *И. Я. Кузнецов*
Технический редактор и корректор
К. И. Кузнецова

* * *

Сдано в набор 17/VIII—1966 г. Подписано
к печати 22/X—1966 г. Формат 60×90¹/₁₆.

Печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 16,2. ТС 01425.

Тираж 3000 экз. Цена 52 коп. Заказ № 2590.
Тувинское книжное издательство, Кызыл,
Щетинкина и Кравченко, 57.

Типография управления по печати при Совете
Министров Тувинской АССР, Кызыл,
Щетинкина и Кравченко, 1.

